

Министерство образования и науки Российской Федерации
Омский государственный педагогический университет

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СИБИРИ

Сборник научных статей

Выпуск 14

Омск
Издательство ОмГПУ
2017

УДК 947(57)
ББК 63.3(253)
В74

Печатается по решению редакционно-издательского совета Омского государственного педагогического университета

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В. А. Зубачевский*;
доктор исторических наук, профессор *А. Г. Киселев*

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор *М. К. Чуркин*

В74 **Вопросы истории Сибири** : сборник научных статей / отв. ред. М. К. Чуркин. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2017. – Вып. 14. – 222 с.

ISBN 978-5-8268-2117-4

В очередном выпуске сборника научных статей «Вопросы истории Сибири», представлены материалы Второй Международной научной конференции «Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII–XX в.», проходившей в ОмГПУ 26–28 октября 2017 г. В работе конференции приняли участие представители научных сообществ России и Казахстана. Результатами своих исследовательских изысканий поделились учёные Омска, Томска, Новосибирска, Астаны, Барнаула, Сургута, Оренбурга, Москвы, Кокшетау, Королёва и других городов. В ходе конференции традиционно презентировались и отработывались новые научно-исследовательские подходы к описанию и рефлексии имперской составляющей в колонизации азиатских территорий, обсуждались проблемы, посвящённые месту и статусу колонизируемого региона в имперской идеологии, политике, управлении. Значительная часть докладчиков акцентировала внимание на условиях формирования и содержания общественно-политического и властного дискурса, роли акторов колонизации в конструировании имперской модели доминирования и принуждения в освоении восточных окраин. Заметное участие в комплектовании сборника приняли не только состоявшиеся учёные – доктора и кандидаты наук, но и начинающие исследователи – аспиранты, магистранты, студенты высших учебных заведений Российской Федерации и Республики Казахстан

Издание предназначается для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, а также всем, проявляющим живой интерес к истории сибирского региона и сопредельных территорий.

УДК 947(57)
ББК 63.3(253)

ISBN 978-5-8268-2117-4

© Омский государственный педагогический университет, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В отечественной исторической науке и сибиреведении в основном оформился спектр признаков, характеризующих внешние процессы инкорпорации региона в общеимперский конструкт. К числу таковых относят военное закрепление за Россией новых территорий, их хозяйственное освоение в широких хронологических границах, крестьянские переселения, организацию административно-территориального управления с соответствующими коннотациями: решением инородческого вопроса, градостроительством, созданием социальной инфраструктуры. Вместе с тем очевидно, что в условиях российской колонизации реализовывался вариант более сложного доминирования, определяемый как «внутренний империализм». Основными его составляющими были: культурная экспансия, гегемония власти, а также ассимиляция в пределах государственных границ. Решение поставленных задач имперские власти осуществляли в интересах безопасности империи, поиска ресурсов обеспечения её устойчивости, что выводило на первый план задачи колониального принуждения.

В этой связи важную роль в организации исследований стало выполнять обращение к дискурсивным практикам эпохи, в том числе в связи с особенностями формирования «имперской ситуации» в процессе освоения восточных окраин России. В условиях внутренней колонизации второй половины XIX – начала XX вв. проявилось соперничество дискурсов, запечатлевших противоборство проектов инкорпорации региона в общеимперский конструкт, где властный и общественный дискурсы репрезентировали диаметрально противоположные варианты «присвоения» пространства, ставшего объектом реализации имперских интересов.

Сегодня становится очевидным, что характер, методы и темпы инкорпорации Сибири не всегда поддаются хозяйственно-экономическому измерению. В то же время деятельность и взаимодействие социальных групп, специфика социальной, гражданской, региональной идентичности населения региона, явления этнокультурного и конфессионального характера в сочетании с работой имперских учреждений и колониальных экспертов, разворачивавшиеся в границах инкорпорируемого пространства, дают возможность выявить новые акценты в осмыслении проблемы, которые ранее не привлекали внимания или не получали объяснения в старом методологическом формате.

Особую актуальность в сложившейся ситуации приобретает обращение к имперской составляющей проблемы в условиях гражданского противостояния эпохи войн и революций. Научная рефлексия причин, условий и факторов происхождения и эскалации гражданских конфликтов в России в первой четверти XX столетия, является актуальной задачей для историков, социологов, политологов, культурологов и конфликтологов. Всестороннее и полноценное осмысление истории революции и Гражданской войны, предоставляет шанс исследователю открыть дополнительные области изучения Сибири в имперской системе координат, найти обоснование традиционным сюжетам посредством новых объяснительных версий.

Деятельное участие в работе Второй Международной научной конференции «Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII–XX в.», проходившей

в ОмГПУ 26–28 октября 2017 г., приняли представители научных сообществ России и Казахстана. Результатами своих исследовательских изысканий поделились учёные Омска, Томска, Новосибирска, Астаны, Барнаула, Сургута, Оренбурга, Москвы, Кокшетау, Королёва и других городов. В ходе конференции традиционно презентировались и отрабатывались новые научно-исследовательские подходы к описанию и рефлексии имперской составляющей в колонизации азиатских территорий, обсуждались проблемы, посвящённые месту и статусу колонизируемого региона в имперской идеологии, политике, управлении. Значительная часть докладчиков акцентировала внимание на условиях формирования и содержания общественно-политического и властного дискурса, роли акторов колонизации в конструировании имперской модели доминирования и принуждения в освоении восточных окраин. Отрадно, что в комплектовании сборника были задействованы не только состоявшиеся учёные – доктора и кандидаты наук, но и начинающие исследователи – аспиранты, магистранты, студенты высших учебных заведений Российской Федерации и Республики Казахстан.

*Доктор исторических наук, профессор кафедры
отечественной истории ОмГПУ М. К. Чуркин*

НАРОДНЫЙ СУД КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ АККУЛЬТУРАЦИИ*

В работе рассматривается эволюция народного суда кочевого и оседлого населения Туркестанского края во второй половине XIX в. как одного из элементов жизни коренного населения, подвергнувшегося аккультурации в процессе распространения на регион общегосударственных административных, политических и социальных норм. Показаны попытки преобразования традиционного суда в конце XVIII в., сделан акцент на намерение российских властей превратить нормы адата в составную часть имперского законодательства. Сделан вывод о неспособности российских чиновников эффективно адаптировать народный суд к новым условиям и о негативных последствиях, которые имели такие попытки.

Ключевые слова: народный суд, адат, шариат, казий, бий, Туркестанский край, Центральная Азия, Российская империя.

D. V. Vasilyev

PEOPLE'S COURT OF NOMADIC AND SETTLED POPULATION OF TURKESTAN REGION IN THE CONTEXT OF ACCULTURATION

The article focuses on the evolution of the people's court of nomadic and settled population of Turkestan region in the second half of the 19th century as one of the elements of the indigenous population life, subjected to acculturation in the process of propagation of the Russian state administrative, political and social norms to the region. Attempts to transform the traditional court at the end of 18th century are also considered. The emphasis was made on the intention of the Russian authorities to turn the Adat norms into an integral part of the imperial legislation. The conclusion about the inability of Russian officials to adapt effectively the people's court to the new conditions and the negative consequences of these attempts was drawn.

Keywords: people's court, Adat, Sharia, kazi, bey, Turkestan region, Central Asia, Russian empire.

Освоение Россией центральноазиатского региона, начавшееся с включения в XVIII в. в орбиту интересов империи Казахской степи, повлекло за собой преобразование различных сфер общественной действительности, важнейшее место среди которых занимали правоотношения и, в частности, суд.

Первая попытка каким-то образом поставить традиционный казахский суд биев под контроль российской администрации была предпринята сибирским и уфимским генерал-губернатором О. А. Игельстромом, учредившим в 1784 г. в Оренбурге

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта №17-18-01008.

Пограничный суд, а несколькими годами позднее – расправы в каждом из трех поколений Малой орды. Эти судебные органы, состоявшие из представителей имперской администрации и местного населения, должны были разбирать как гражданские, так и уголовные дела, опираясь на народные обычаи. Однако ни суд, ни расправы не пользовались популярностью у казахов, привыкших обращаться за поиском справедливости к своим народным судьям – биям [1, с. 154–165].

Еще раньше (в 1778 г.) императрица Екатерина II повелела сибирским чиновникам систематизировать нормы казахского обычного права, оформив их в особое уложение [2, с. 15]. Однако эта работа так и не была проведена. Лишь в 1820-х гг. генерал-губернатор Сибири М. М. Сперанский возглавил работу специальной комиссии по составлению сборника обычного права сибирских инородцев. Позднее эти материалы предполагалось включить в свод местных законов и обычаев Российской империи [3, с. IX–X]. Но и этот план оказался нереализованным.

Начавшийся с 1822 г. неспешный процесс ассимиляции администрации в Казахской степи не обошел стороной такую чрезвычайно чувствительную сферу, как судопроизводство. Исходя из понимания пагубности кардинальных изменений Устав о сибирских киргизах отнес к компетенции имперского законодательства лишь тяжкие уголовные преступления, имевшие общественную значимость (государственная измена, убийство, грабеж и барымта, неповиновение власти). Прочие же дела отошли к разряду исковых и разбирались биями в аулах и волостях [4, с. 417–433]. Та же тенденция, с некоторым расширением юрисдикции имперского суда, сохранилась и в Положении об управлении оренбургскими киргизами [5, с. 392–401].

Параллельно работа по собиранию норм обычного права казахов продолжалась. Сенатору Р. М. Губе, в бытность его сотрудником Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, удалось снять копии с материалов, отобранных к 1838 г. среди сибирских инородцев, которые позднее были опубликованы Д. Я. Самоквасовым [3]. Не менее деятельная работа велась и в Оренбурге чиновниками, отправлявшимися в степные командировки. Здесь весной 1846 г. было собрано не менее 9 донесений о казахском адате [6, с. 73]. А в начале июня того же года оренбургский военный губернатор В. А. Обручев со специальным заданием направил в степь чиновника особых поручений д'Андрэ, который из западной и средней частей Малой орды привез «Описание киргизских обычаев, имеющих в Орде силу закона» [6, с. 124–150]. Другие документальные комплексы по казахскому адату были собраны и опубликованы позднее – в 1871, 1886 г., а также на рубеже XIX–XX вв. [6, с. 163–221, 242–289, 294–312; 7].

Когда в 1865 г. была учреждена Туркестанская область, преобразованная в 1867 г. в Туркестанское генерал-губернаторство, народный суд по адату в регионе не только сохранился, но и был дополнен шариатским судом оседлого населения. Российская администрация продолжала придерживаться мнения о невозможности подчинения коренного населения русскому судопроизводству. Не решаясь на кардинальные преобразования народного суда, она совершенно справедливо признавала, что это может поставить местных жителей в активную оппозицию.

Поэтому при образовании Туркестанской области народные суды были сохранены для разбора дел, в которых не были замешаны русские [8]. А в проекте Положе-

ния об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях 1867 г. традиционное судопроизводство было описано более конкретно [9]. Этот проект, принятый в качестве временной меры, следовало заменить постоянным фундаментальным законом, проект которого был разработан туркестанской администрацией в 1873 г. [10]. Краевые чиновники надеялись, что суд биев, как более рациональный и близкий русскому суду, постепенно придет на смену сохранявшемуся у оседлого населения шариатскому суду казиев [11, с. 55].

Новый законопроект рассматривался в межведомственной комиссии под председательством генерала от инфантерии А. А. Непокойчицого, созданной при Военном министерстве. При этом проект отдельного Положения об устройстве суда в Туркестанском крае разрабатывала особая комиссия Министерства юстиции.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея сохранился Журнал комиссии Министерства финансов, которая изучала экономическую сторону проекта Положения 1873 г. [12]. Она не смогла удержаться от обсуждения судебной части законопроекта. Но, чувствуя себя некомпетентной в вопросах устройства народного суда у коренного населения Туркестанского края, комиссия решила включить в журнал своих заседаний аргументированное мнение участвовавшего в ее работе агента министерства в Туркестане Н. Ф. Петровского.

Оставляя за скобками конкретные замечания и предложения Н. Ф. Петровского, остановимся на его общей характеристике народного суда в Туркестанском генерал-губернаторстве.

Сравнивая суд биев с более регламентированным судом казиев, финансовый чиновник подчеркивал их совершенно разный характер, который краевая администрация игнорировала в своем проекте: «...суд биев, безапелляционный и никакими формальностями не стесняемый, должен производиться по киргизскому обычаю не постоянными биями, избираемыми народом на определенное срочное время для решения всех вообще дел... а биями, избранными, на каждый отдельный случай, самими же тяжущимися сторонами для разбора их дела... поэтому очень часто, независимо от учрежденных русской властью постоянных биев, для разбора дел между двумя тяжущимися сторонами приглашается быть бием первый встречный... человек и т. п. Такой суд производится открыто и гласно, не требует никаких формальностей, как то записей решений, приложения печатей и т. п.; решение его считается безусловно обязательно для тяжущихся сторон и, при добровольном избрании биев, весьма редко вызывает протесты. Право апелляции народный суд не знает и не допускает по тому соображению, что решение судьи, выбранного самими же судящимися, не может быть несправедливым» [12. Л. 78].

Действовавший в крае проект Положения 1867 г. ставил шариатский суд в более жесткие, по сравнению с судом биев, рамки. Новый закон, как предполагалось, должен был эту тенденцию сохранить. Петровский обращал внимание на то, что «необходимость устройства туземного суда на основаниях ныне действующего положения мотивируется в пояснительной записке тем соображением, что «суд биев основан на обычаях, не вредных ни для народа, ни для правительства, тогда как суд казиев имеет в основании законы Магомета, развивает фанатизм и вместе с тем ставит народу

тесную рамку для умственного развития»; в виду правительственных целей суд этот может быть только терпим и то при известных ограничениях. Оставление его, при существующей подкупности казиев, послужит к уменьшению их значения и, напротив того, наш суд приобретет доверие народа» [12. Л. 78об.].

Указывая на то, что проектом Положения 1867 г. третейский и неформальный характер суда биев был фактически выхолощен, а сам он превратился в противоестественный для казахов регламентированный государственный институт, финансовый чиновник подчеркивал существенное несоответствие между декларацией законотворцев и установленными ими правилами.

«Если суд биев... не признается вредным ни для народа, ни для правительства, то и не представляется никакой надобности проектировать для означенного суда такое устройство, относительно его состава, круга действия, прав и обязанностей, которое, изменяя коренные основания этого суда и делая его, вследствие сего, совершенно ненародным, вместе с тем и не приближают его, по существу, к суду русскому. В таком случае, вместо устройства для киргизов суда, который не оправдывается их народными обычаями, было бы гораздо рациональнее или подчинить их суду общих законов империи, или **оставить им свой суд в том виде, как он установился обычаем** [выделено мною. — Д. В.], и вместе с тем предоставить им право обращаться по желанию в суды русские не с правом апелляции, как предполагает проект и что невозможно, а как в первую инстанцию суда. Последней мерой, если бы она была принята, достигалась бы та цель, что кочевое население Туркестанского края оставалось бы при своем собственном суде и кроме того имело бы возможность прибегать к суду русскому, распространение которого, на большем круге действия, конечно, не может быть нежелательным; между тем при проектируемом устройстве кочевое население края, строго говоря, будет оставлено вовсе без суда, ибо та регламентация, которая для этого суда предполагается и которая, конечно, станет известной населению после перевода положения на туземные языки, не находит себе подтверждения в обычаях суда народного...» [12. Л. 78об.–79].

К примерам грубого вмешательства в юрисдикцию суда биев и в порядок судопроизводства по адату Н. Ф. Перовский отнес введение чуждого кочевникам понятия уголовного преступления, официальное нормирование вознаграждения биев (*бийлыкка*), введение институтов инстанций и апелляций и других ограничений. «Юрисдикция суда биев не ограничена никакой суммой и безапелляционна; отвода биев, по самому характеру этого суда, не может существовать, а записи решений суда в особые книги невозможны по всеобщей безграмотности кочевого населения. Если же записи эти будут поручены грамотным писарям, то это создаст в суде биев новый, признанный уже в России весьма вредным в народном суде, элемент писарей, который в степи станет тем вреднее, потому что должности писарей в суде биев будут замещаться татарскими муллами, от влияния которых сама администрация края старается, сколько возможно, избавить кочевое население. Ко всему этому следует прибавить, что если такой регламентированный народный суд будет когда-либо установлен, то нет сомнения, что население, не находя в нем своего суда народного, а также не видя в нем суда русского, всегда будет обходить такой суд и создаст рядом с ним свой суд по народным обычаям» [12. Л. 79–80].

Обращаясь к шариатскому суду казиев, Н. Ф. Петровский отметил позицию составителей проекта Положения 1873 г., которая сводилась к тому, что он «развивает фанатизм и вместе с тем ставит народу тесную рамку для умственного развития». Исходя из этого следовало бы ожидать, «...что означенный суд будет регламентирован таким образом, чтобы пользование им и влияние его на население были возможно более ограничены». По мнению чиновника, «к достижению не только этой цели, но даже к введению среди оседлого населения суда по русским законам не представляется в настоящее время, строго говоря, особенных препятствий, так как суд по «шариату»... основывается не на народных обычаях, обусловленных всей исторической и бытовой жизнью населения, а на извне принесенных в Среднюю Азию, вместе с мусульманством, аравийских воззрениях права, бывших для среднеазиатского населения, во время их правления, столь же чуждыми, как и русские законы. Поэтому население Туркестанского края, если бы оно было подчинено суду по русским законам, могло бы точно так же к ним привыкнуть, как оно привыкло к «шариату». Между тем вопреки предположенной цели, устройство суда казиев проектируется в том же самом виде, как и устройство невредного для правительства и населения суда биев. При этом русская власть отказывалась от своего права (признаваемого за ней и мусульманскими законами) назначать казиев по своему выбору и, предоставляя это право населению, привыкшему к выборному началу, создавала на должностях казиев или совершенно никуда не годных в нравственном отношении лиц, или фанатиков мусульманства. И в том и в другом случае подобное положение дел будет вредным: подкупные и малонравственные казии, хотя и выбранные населением, рано или поздно вызовут с его стороны протесты, и тогда русской власти, волей-неволей и против ея же самую поставленной цели, придется поддерживать учреждение суда казиев. Если же, что вероятнее, население изберет в казии тех лиц, которые занимали эти должности при мусульманском владычестве, то лица эти, фанатики мусульманства, захватя в свои руки судебную власть и влияние, конечно, будут еще вреднее, чем первые. Предположение пояснительной к проекту записки, что суд по шариату при существующей подкупности казиев послужит к уменьшению их значения и, напротив того, наш суд приобретет доверие народа... едва ли осуществимо. Не говоря уже о том средстве, несовместном с достоинством русской власти, посредством которого предполагается приобрести доверие туземцев к русскому суду, достаточно сказать, что при многих особенностях мусульманского права, особенно семейного и имущественного, при всеобщем убеждении, что право это основывается на Коране, невозможно ожидать, чтобы население, даже при продажных и подкупных казиях, *добровольно* и только вследствие этой продажности казиев обращалось в русские суды и к русским законам, за которыми оно хотя и признает силу, но все-таки считает их произведением «неверных»» [12. Л. 80–81].

Подчеркивая, что «...в ныне действующем положении [1867 г. – Д. В.] по сравнению его с проектом [1873 г. – Д. В.], некоторые, касающиеся одних и тех же предметов статьи, изложены гораздо ближе к основным началам народного суда...», Н. Ф. Петровский делал вполне закономерный для себя вывод: «По всем этим причинам казалось бы совершенно необходимым исключить из проекта все те добавления, которые сделаны

им в ныне действующем положении, оставить это положение временно в действии в том же самом виде, как оно ныне существует, и вместе с тем командировать от Министерства юстиции одного или нескольких лиц для собрания материалов и изучения этого предмета на месте с целью составления впоследствии судебного положения для туземного населения края» [12. Л. 82об.].

Следует признать, что работа по изучению народного суда в Туркестанском крае, в первую очередь по сбору и систематизации положений адата, была продолжена. Крупные публикации, как было отмечено выше, появились в конце XIX – начале XX в. Но они не оказали никакого влияния на законотворчество имперской администрации в сфере народного судопроизводства.

Линия на расширение юрисдикции русского суда в отношении коренного населения была продолжена в проекте Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве 1881 г. [13, с. 71–72].

Положение народного суда беспокоило не только администрацию, но и российских судей, служивших в генерал-губернаторстве. Так, мировой судья Ферганской области Д. М. Граменицкий, участвовавший в редактировании проекта 1881 г., в записке, представленной военному губернатору Сырдарьинской области, высказал мысль о том, что «...в крае необходимо возможно большее распространение сферы общего суда и общих законов, без всяких компромиссов и уступок, без всяких изменений, пока точно не доказано, что уступки и изменения неизбежны...» и «...что народный суд должен быть низведен насколько возможно до размеров суда волостного, установленного в положении о крестьянах» [14. Л. 3].

Обращая внимание на наличие двух подходов к народному суду – сырдарьинского, настаивавшего на его ограничении, и более лояльного семиреченского, судья Граменицкий придерживался более жесткой позиции. Подчеркивая вредность сохранения народного суда как такового, он обращал внимание на пагубное влияние шариатского суда на суд биев, который фактически утратил значение суда по адату.

«Возможно, что в степях с чистым сплошным киргизским [кочевым, в том числе казахским. – Д. В.] населением, киргизский адат крепок, и народный суд производит некоторое благоприятное впечатление. Но мне приходилось наблюдать народную жизнь в Кураминском, Маргеланском и Туркестанском уездах, где кочевники перемешаны с оседлыми. Здесь картина туземного правового порядка слагается из мертвого фарисейски применяемого магометанского кодекса и ничем не стесняемого произвола киргизских народных судей, из коих лучшие, забыв свой адат, ищут для себя указаний в постановлениях шариата, известных им, при их неграмотности, лишь понаслышке. В Ферганской области мне случалось встречать мнение, что для тамошних киргиз особый суд совершенно не нужен, что для них достаточно суда по шариату, который усердно пропагандировался между киргизами при ханах. В Кураминском уезде мне не раз случалось в разговорах с киргизами слышать, что адат у них бессилен и забыт, что шариат есть лучший руководитель совести их народных судей, потому что он в книге записан. Ввиду этих обстоятельств доводы защитников киргизского народного суда представлялись мне непонятными, тем более, что охотников поддерживать суд казиев совершенно не находилось» [14. Л. 3об.–4об.].

Исходя из этого, Д. М. Граменицкий признавал порочной тенденцию туркестанского законодательства на сохранение усиленной юрисдикции суда биев в сравнении с судом казиев [14. Л. 9об.–10].

Однако ревизия Туркестанского края, проведенная сенатором Ф. К. Гирсом в 1883 г., признала целесообразным полностью сохранить правила народного судопроизводства, установленные Положением 1867 г. [15].

Вопросы устройства и функционирования народного суда в условиях российской административной системы занимали и представителей коренной элиты. Общее стремление вписать шариатский суд в систему общего (русского) судопроизводства выразил, например, муфтий и смотритель Кокандского училища, известный своим активным взаимодействием с туркестанской администрацией, Саттар-хан Абдул-Гафаров. Сохранив существующую юрисдикцию суда казиев, он предложил ввести обжалование его решений в специальном государственном органе (областной комиссии) или в инстанциях, предусмотренных общим законом. В эту же концепцию вполне вписывается и предложение муфтия «...приступить... немедленно к приведению в систему Шариата; а по приведении в систематический порядок и перевод на русский и сартовский языки отпечатать и разослать для руководства казиям во все области» [16. Л. 42–42об.].

Подпоручик казахского происхождения Султан Бабагалиев образно и весьма конкретно описал динамику народного суда у кочевников при российской власти.

Он отметил, что если прежде биями становились знатные казахи, являвшиеся ближайшими родственниками родоправителей и заботившиеся не только о процветании своего рода, но и о мирных отношениях с соседями, то с введением русскими процедуры избрания судей из народной среды «...этих примерных биев заменяют большей частью люди не всегда благонадежные, даже, как рассказывали сами киргизы [казахи. – Д. В.], что биями выбирались убийцы, следовательно, можно ли было ожидать от них того, что от прежних биев. Благодаря современным биям суд по адату совершенно изменился так, что ныне существует только одно название «адат», что же касается того адата, который ранее служил для киргиз нравственным законом, можно сказать, нет даже тени прежнего. Причиной всему служат сами бии, что киргизы хотя и сознают, но не могут исправить этого частью от невежества, частью от существующего порядка выбора» [17. Л. 75–75об.].

«Бии чрезвычайного съезда накануне заседания суда торгуются с киргизами, имеющими дела в суде и, получив вперед «гонорар», постановляют решения в пользу того, кто более пожертвовал во имя «адата». Но чтобы оформить дело, они вызывают тяжущиеся стороны и, спросив несколько слов, объявляют решение, постановленное накануне вызова» [17. Л. 76об.].

Выход из этого бедственного положения виделся в реформе народного суда кочевников на двойственной основе возврата к прежнему идеалу адата в сочетании с установлением более жесткого контроля со стороны российской администрации. В этом плане Султан Бабагалиев считал необходимым ужесточить процедуру выбора биев (дабы действительно достойные занимали эти должности), составить судебник адата (в котором установить конкретные наказания за определенные преступления и проступки), более конкретно определить юрисдикцию народного суда, ужесточить

контроль за деятельностью биев, превратить чрезвычайный съезд в высшую инстанцию народного суда с включением в него представителей российской администрации [17. Л. 78–78об.].

Альтернатива этой реформе, по мнению подпоручика Бабагалиева, могла быть одна: «...вовсе уничтожить этот суд, ввести общий гражданский [русский. – Д. В.] закон между киргизами, иначе никогда не кончатся злоупотребления биев, и киргизы не перестанут таскаться толпами, ища правосудия у русского начальства и усложнять переписку» [17. Л. 80–80об.].

Вступившее в силу в 1886 г. Положение об управлении Туркестанского края постаралось максимально приблизить судебную часть генерал-губернаторства к Судебным уставам 1864 г. Народный суд в целом подвергся еще большей регламентации, а различия между судами казиев и биев были почти ликвидированы. При этом суд для оседлых жителей края стал в большей степени соответствовать традиционным представлениям населения, чем суд у кочевников [18], хотя российская администрация стремилась к прямо противоположному. Суд по обычному праву, признававшийся более гуманным, оправданным и совместимым с государственными интересами, в меньшей степени вписывался в бюрократизированную систему российского судопроизводства, ближе к которой оказался суд казиев, вызывавший, тем не менее, больше претензий со стороны имперской власти.

Включение Туркестанского края в орбиту общероссийской жизни было многовекторным и диахронным процессом, который, тем не менее, затрагивал абсолютно все стороны жизни региона от институтов управления до образования и торговли. Из этого процесса несколько выпадала религиозная сфера, что было связано с концепцией «игнорирования» ислама, активно воплощавшейся генерал-губернатором К. П. Кауфманом. К этой сфере весьма тесно примыкало народное судопроизводство, которое у оседлого населения неразрывно, а у кочевого достаточно чувствительно, было связано с исламом. Поэтому и процесс аккультурации здесь шел весьма медленно и неоднозначно.

С одной стороны, российская администрация сохраняла институты традиционного суда, процессуальные нормы и нормы судебной ответственности, в первую очередь из опасения вызвать социальный коллапс. Но сохраняла их, исходя из европейского понимания цивилизованных правоотношений. И эта попытка вела к противоположным результатам.

Так, стремление поддержать народный суд у кочевников как наиболее близкий к реальной жизни населения и свободный от влияния ислама и облечь его в привычную для европейцев форму обернулось выхолащиванием третьей сути суда биев и активным вовлечением его в сферу мусульманского судопроизводства. При этом суд казиев, подвергшийся минимальному вмешательству власти, со временем приобретал лишь большую популярность, вытесняя даже адатный суд у кочевников. Сложилась ситуация, когда наиболее близким к дороссийской традиции оказался именно шариатский суд, а трансформированный суд биев терял свой авторитет и влияние.

С другой стороны, намерение имперской власти привлекать коренное население к суду по российским законам зачастую вносило хаос в правосознание местных жителей, побуждая их обращаться к русскому суду в поисках более легкого наказания.

Эти проблемы прекрасно понимали обе стороны: и российские чиновники, и местная элита. Поэтому, понимая неизбежность административной ассимиляции региона, наиболее дальновидные региональные деятели выступали за установление административного контроля над шариатским судом и ускорение слияния адатного суда с общеимперским. Иными словами, шедший в Туркестанском крае процесс аккультурации в рассматриваемой сфере, как ни покажется странным, признавался его участниками и свидетелями недостаточно эффективным в силу своей нерешительности и излишней затянутости.

1. *Васильев Д. В.* Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
2. *Кенжалиев З. Ж., Даулетова С. О.* Казахское обычное право в условиях Советской власти (1917–1937 гг.). Алматы : Гылым, 1993. 143 с.
3. Сборник обычного права сибирских инородцев / изд. [и предисл.] Д. Я. Самоквасова. Варшава : Тип. И. Носковского, 1876. 284 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 38: 1822–1823. СПб., 1830. 1355 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 19: 1844. Отд. 1-е. СПб., 1845. 594 с.
6. Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1 / под общ. ред. и с предисл. С. В. Юшкова. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1948. 350 с.
7. *[Баллюзек Л. Ф.]* Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой киргизской орде силу закона // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Казань : Университет. тип., 1871. С. 45–167.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 40: 1865. Отд-ние 1. СПб., 1867. С. 880.
9. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) / сост. М. Г. Масевич. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. Т. 1. С. 282–316.
10. Положение об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства: [Проект]. СПб. : Воен. тип., 1873 // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 334. Л. 22–53об.
11. Пояснительная записка к проекту Положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб. : Воен. тип., 1874. 110 с.
12. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 208. Ед. хр. 11. Л. 33–110об.
13. Объяснительная записка к проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве. 1881 г. Б. м., [1881]. 168 с.
14. Записка судьи Граменицкого о существующей подсудности народных судов, о необходимых изменениях юрисдикции, способов отправления правосудия и выборов народных судей // ОПИ ГИМ. Ф. 307. Н. А. Гродеков. Ед. хр. 45. Л. 1–31.
15. Положение об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве. Б. м., [1883]. С. 18–23.

16. Записка муфтия и смотрителя Кокандского училища Сатар-хана о необходимости учреждения русских школ в крае и изложение порядков управления краем // ОПИ ГИМ. Ф. 307. Ед. хр. 45.

17. Записка Султана Бабагалиева «Бии» // ОПИ ГИМ. Ф. 307. Ед. хр. 45. Л. 75–80об.

18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 6: 1886. Отд-ние 1. СПб., 1888. С. 318–346.

УДК 94 (47). 084.6: 332.3:332.363

Е. А. Волжанина

УЧАСТИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РАБОТЕ ЯМАЛЬСКОЙ СЕВЕРОУСТРОИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1934–1936 гг.

В статье на материалах Ямальской североустроительной экспедиции рассматривается участие коренных народов Севера в землеустроительных работах, организованных в рамках первоначального земельного устройства северных территорий в первой трети XX в. В ходе проводимых работ большое внимание уделялось вопросам землепользования, а в качестве основных приемов работы применялись опрос населения, личное наблюдение и изучение документации, хранившейся на местах. Для достижения поставленных целей и задач предполагалось участие в отрядах переводчиков и проводников из среды коренных жителей, а также активное взаимодействие с местным населением.

Ключевые слова: Ямал, землеустроительные экспедиции, кочевники, первоначальное земельное устройство, ненцы.

E. A. Volzhanina

THE PARTICIPATION OF NORTHERN NATIVE PEOPLES IN THE NORTHERN IĀMAL TERRITORIAL REGISTRATION EXPEDITION OF 1934–1936

Using the archival records of the Northern IĀmal Territorial Registration Expedition, this article analyses the participation of Northern native people in the land registration process which formed part of the preliminary programme of land registration in the [Russian] North in the first third of the 20th Century. The article concentrates on actual land-use patterns as illustrated through survey data and eye-witness reports of the time, along with other official documents archived in local villages. In order to achieve the official aims and objectives of the registration process, the expeditions had to encourage the active participation of local peoples as well as engage local translators and guides from among the native peoples.

Keywords: IĀmal, territorial registration, nomadic people, land rights, Nenetses.

Землеустроительный процесс является частью исторического опыта коренного населения во всем мире, в разных регионах он проходил в разное время, при разных обстоятельствах и не всегда безболезненно для большинства из них, представляя компромисс между государственной и традиционными системами землепользования. Одним из важных результатов этих работ стало формирование архива разнообразных документов, содержащих геоботанические, биологические, исторические, этнографические, экономические, статистические сведения. Настоящая статья является частью исследования, посвященного изучению практики землеустройства территорий традиционного проживания коренных народов Севера России в первой половине XX в.

Несмотря на большой объем литературы, посвященной хозяйственным и бытовым изменениям у коренных народов Севера в рассматриваемый период, задачи подробного изучения землепользования и землеустройства в ней не ставились, с одной стороны, потому, что материалы экспедиций считались «устаревшими», с другой стороны, на них длительное время был наложен гриф «для служебного пользования». Как правило, к ним обращались в контексте изучения других проблем: вопросов о роли территориальности в советской политике, организации и эффективного регулирования природопользования, традиционного хозяйства народов Севера. В первом десятилетии XXI в. исторические аспекты землеустройства и землепользования в 1920-х и 1930-х гг. стали разрабатывать Л. В. Алексеева [1] и И. И. Коньшева [2].

В данной статье рассматривается один из аспектов процесса землеустройства на Севере, связанный с взаимоотношением участников северных землеустроительных экспедиций с коренным населением. Цель работы – показать на примере деятельности Ямальского отряда североустроительной экспедиции как складывались отношения между участниками землеустроительных отрядов с коренным населением и как они влияли на получение нужных сведений, их качество и достоверность, а в дальнейшем на составление итогового проекта реорганизации традиционного хозяйства и быта кочевников.

Официальной датой начала землеустроительных работ можно считать сентябрь 1930 г., когда было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР» и инструкции к нему. С этого времени первоначальное земельно-водное устройство территорий с преимущественно промысловым населением приобрело обязательный всеобщий характер. Под промысловым населением подразумевались коренные народы Севера и отчасти старожилы.

К 1930 г. разрешение земельного вопроса в районах проживания народов Севера приобрело не столько экономическое, сколько политическое значение. Оно стало ключевым в обосновании и оформлении территориального, национально-политического, хозяйственно-экономического статуса вновь организованных национальных округов и районов, создания условий проведения коллективизации и организации колхозов и совхозов, а также уничтожения эксплуатации, образовании национально-территориальных советов и государственного фонда земель для будущего строительства. Предполагалось закрепить охотничьи, рыболовные, пастбищные и прочие промысловые и сельскохозяйственные угодья за коренным населением в коллективное пользование и выявить условия для оседания кочевых и полукочевых хозяйств. Сами по себе

поставленные задачи требовали тесного сотрудничества с коренным и местным населением на всех этапах работы и одобрения последних.

Работы землеустроительных отрядов предусматривали длительный полевой период и применение специально разработанных программ, в которых большое внимание уделялось вопросам землепользования населения. Объем полевых и камеральных работ, запланированных в ходе землеустройства, предполагал участие людей разных специальностей: землеустроителей, геоботаников, агрономов, экономистов, статистиков, рыбоведов, охотоведов, почвоведов. Опрос глав хозяйств в ходе заполнения похозяйственных карточек, личное наблюдение и изучение документации, хранившейся на местах, стали основными приемами полевой работы участников отрядов, применение которых было невозможно без знания языков народов Севера и понимания ситуации на местах. Отсутствие опыта работы в северных условиях и языковых навыков у большинства специалистов априори предполагало приглашение представителей коренного и местного населения к участию в работе экспедиций в качестве переводчиков, а также возчиков и проводников.

Время работы Ямальского отряда североустроительной экспедиции – июль 1934 – январь 1936 г. В его составе работали специалисты, приехавшие по направлению из разных уголков РСФСР и впервые оказавшихся на Севере. Среди них только один охотовед знал ненецкий язык. Согласно данным районной переписи, прошедшей накануне землеустроительных работ в 1932–1933 гг., в Ямальском районе действовало 702 хозяйства, из них 558 кочевых [3]. Кочевые хозяйства являлись преимущественно ненецкими.

Однако практика первого года работы отряда показала, что нельзя рассчитывать на помощь населения на местах. Найти переводчиков среди местного населения (не обязательно из числа народов Севера) оказалось непростым делом в силу целого ряда причин. Среди них – неграмотность и незнание русского языка, нехватка переводчиков, на которых существовал большой спрос в сельских, поселковых и туземных советах, культбазах, опытных станциях, факториях, заготовительных организациях, правлении совхозов и колхозов, непонимание целей и задач проводимых работ, более того к этому времени сложилось устойчивое негативное отношение кочевников к советской власти. Попытка привлечь к работе в летний период – с 15 июня по 1 сентября – учащихся советской партийной школы в Обдорске также не дала нужных результатов. Несмотря на предложение заработной платы 250 руб. в месяц, из трех кандидатов согласился ехать только один – Василий Григорьевич Яр [4. Л. 64]. Двое остальных отказались выполнять условия договора: Антон Николаевич Салиндер бросил учебу и уехал без предупреждения, Константин Георгиевич Ненянг отказался ехать [4. Л. 62, 63]. Заработная плата штатного переводчика экспедиции, совмещавшего свои обязанности с рабочими, была достаточно высокой и равнялась 350 руб. в полевой период и 250 руб. – вне поля, из них 50 руб. стоил труд рабочего. К окладу начислялась северная надбавка, равная 50 % оклада. Переводчик наравне с остальными участниками отряда снабжался по установленным нормам спецодеждой (пара кисов и чижей, полушубок, сапоги, бродни, кожаные рукавицы, постельный гусь, рюкзак) и продуктами питания. Дополнительно после окончания работ его доставляли за счет экспедиции до места проживания его семьи, т. е. куда он укажет – Новый Порт, Ярсали или Обдорск [4. Л. 56].

Проблема найма переводчиков заключалась даже не столько в том, чтобы найти квалифицированного специалиста, а хотя бы более или менее способного к этой работе человека. Часто пригодность человека устанавливалась уже в процессе выполнения того или иного задания. К сожалению, удалось найти мало информации о переводчиках экспедиции, а именно, что это были за люди и их происхождение. С июня по сентябрь 1934 г. на должности старшего переводчика находился Иван Осипович Хороля, который трагически погиб при переправе через р. Хобей-яга на Северном Ямале, его должность перешла к Михаилу Хороля [5; 6. Л. 228].

Два полевых сезона, начиная с августа 1934 г., в составе экспедиции проработал переводчик Константин Павлович Шехов (ханты). Несмотря на низкую грамотность, этот человек оказался очень деятельным и постоянно напоминающим о себе руководству [6. Л. 244].

Еще одной формой участия ненцев в работе Ямальской экспедиции стал наем пастухами в экспедиционное стадо, сформированное к осени 1934 г., когда стала ясной острая необходимость независимости от оленьего транспорта населения [6. Л. 245–246]. Пастухи получали заработную плату и обеспечивались продуктами. Размер оклада определялся должностными обязанностями, оклад старшего пастуха равнялся 160 руб., пастуха – 100 руб., помощника пастуха – 40 руб. [6. Л. 228]. Скорее всего, это были пастухи из малооленных или безоленных ненцев, для которых служба в экспедиции стала возможностью вернуться к кочевой жизни. В дальнейшем оказалось, что они с трудом справляются со стадом в 200 оленей, которое у них разбежалось при первом же каслании в июне 1935 г., а в дальнейшем они плохо укарауливали его от набегов волков [6. Л. 331; 7. Л. 3об.].

Для эффективной организации транспорта и мобильности сотрудников были заранее согласованы вопросы связи между неграмотным пастухом экспедиционного стада Езенги Екка и руководством землеустроительного отряда путем налаживания с ним телеграфного сообщения. По просьбе экспедиции, заведующий пуйковским почтовым агентством Томилов принимал и хранил у себя письма и телеграммы, отправленные пастуху, читал их ему, когда он приезжал, отправлял от его имени ответы на них в Обдорск [6. Л. 262].

Уже первый опыт экспедиции показал, насколько важно получить одобрение работ со стороны населения, чтобы проводить «классово выдержанную земельную советскую политику» в тундре. Начало работы Ямальской экспедиции совпало с выступлением ненцев против советской власти, известным под названием «Мандалада». Отказ коренного населения предоставлять олений транспорт с возчиками, проводников и переводчиков полностью парализовало работу отряда. Образованная и отправленная в июле 1934 г. на Северный Ямал экспедиционная группа из 10 человек вернулась в Салехард через 6 месяцев, понеся убытки в 62 000 руб. [7. Л. 1об.]. Им удалось вернуться только благодаря ненцу Сисю Яптику, добывшему для них пропуск и вывезшего их на своих оленях [8. Л. 161об.]. Таким образом, предполагаемая опора на ненцев в коммуникационном и транспортном вопросах, сыграла злую шутку во время работы среди кочевников, негативно настроенных по отношению к советской политике в тундре и к русским. На заседании Президиума Ямальского (Ненецкого) окрисполкома, руководитель

Северной группы К. И. Синявин докладывал, что «...политическая обстановка: группировка кулаков и шаманов в северной части Ямала не дала возможности и привела к полному бездействию засланную часть специалистов в составе двух землеустроителей, геоботаника, почвовед, статистика, двух переводчиков и прочих. Северной группе не удалось в летний период провести полуинструментальную съемку, провести почвенное и геоботаническое обследование в Северном Ямале, также не произведено обследование стат. экономического порядка (оленоводства, охоты, рыболовства). Основной причиной, которой являлась абсолютная оторванность специалистов от национального населения, касания которых сосредоточено было в нынешнем году на побережье Карского моря в круге создавшейся группировки...» [9. Л. 3]. Проявляя солидарность с ненцами Северного Ямала или из страха быть наказанными ими, кочевники Южного Ямала также отказывали в помощи экспедиции оленями, возчиками и проводниками: «Возчики не хотят возить в место расположения «Мандалы», потому что участники Мандалы накажут за то, что они возят... луцов и они по приговорам судов отбирают оленей и одежду а возчиков голыми оставляют замерзать в тундре. Это и терроризировало население. В этом и кроется молчаливая причина отказа возчиков. Конечно судьба пассажира оставшегося без возчика в тундре тоже безотрадн...» [6. Л. 364].

В сложившихся неблагоприятных условиях кочевники не только отказывались помогать экспедиции, но и старались скрыть информацию о себе и своем хозяйстве (о сдаче пушнины, получении товаров, задолженности, количестве оленей, найме пастухов, отдаче своего и взятии чужого инвентаря во временное пользование, совместном выполнении тех или иных работ с другими хозяйствами, купле-продажи, взятии в долг и дачи в кредит оленей, пушнины, денег и т. д.). Большинство из них старались скрыться под предлогом промыслов, некоторые из них разыгрывали сумасшествие.

Все это только усиливало напряжение между обеими сторонами и вызывало недоверие. Хорошим примером, иллюстрирующим эти отношения, может служить письмо экономиста А. Кибкало: «Анатолий Андреевич, [10] ноября я приступил к опросу г-на Яптик Едайко Сельви, уже записал и фамилию на бланк и вспомнил одновременно наиглавную часть акта, в это время Шехов спрашивал о количестве семьи вдруг переводчик обращается ко мне и сообщает что присутствующий с ним брат запретил ему дальше давать сведения. Это заявление аналогично тому, которое было на Юрибейской фактории Интеграл Союза, там Худи умудрился вызвать опрашиваемого и заставил стрелой умчаться [как] здесь Яптик. Не агентура ли тут? Попросил уже в Ярсале выяснить, что представляет Яптик Едайко Сельви и его брат, а также одновременно и о Юрибейском Худи. Дальше я начал беседу разъяснительного характера. Это привело к тому, что запретивший брат сказал: «Мой чум здесь недалеко я съезжу подумаю и тогда приеду». Думаю, что это дипломатический ход, а может быть у него в чуме сидит его тайный сообщник. Сообщаю это для сведения, предполагая, что в Ярсале [?] по расшифрованию этот вертящийся [под] [ногами] клубок. Эту расшифровку необходимо начать ввиду перехода в скором времени северян и могущего [его] тлетворного влияния. Правда, это типичные случаи, но есть опасения, что они могут разрастись, ибо в них можно усмотреть, что здесь была [проделана] [проработка] и [команды]. [А] случай нашего появления я предполагаю что так и, вероятно, так...» [6, Л. 430].

Если ненцы с неохотой давали сведения о себе, своем хозяйстве и хозяйственной деятельности, то гораздо легче они сообщали данные о территории, используемой ими под пастбища. Из-за очередного позднего выезда Ямальской экспедиции в 1935 г. геоботаникам пришлось зимой собирать материалы о пастбищах и растительности в средней части Ямала от широты озер Яро-то и до широты Ней-то и на севере. Выглядело это таким образом: «давались для прищепок на листе опросной зарисовки береговая линия и схематическое положение центрального водораздела полуострова (обычно в масштабе 1:500000). Дальше уже сами ненцы, поправляемые иногда наводящими вопросами, зарисовывали крупные реки и водоразделы между ними, а затем всю речную сеть, расположение пастбищ и т. д. Почти всегда ненцы знали хорошо большие территории и особенно же, где они живут. В целях взаимных поправок и дополнений почти на всю территорию северного Ямала был составлен опросный материал в трехкратной повторности (от трех разных лиц). Опросный материал дополнялся и по возможности корректировался зимними маршрутами» [7. Л. 32об.]. В средней части Ямала пастбища характеризовались вдоль кочевых маршрутов опрашиваемых ненцев [7. Л. 32об.].

Следующим этапом активного привлечения кочевников к землеустроительным работам стал процесс предъявления и утверждения проекта землеустройства. Готовый проект землеустройства Ямальского района не мог вступить силу без одобрения населения. В результате проделанной работы проект был представлен на обсуждение 575 хозяйств [7. Л. 369]. Всего Ямальским отрядом удалось охватить похозяйственной переписью 656 хозяйств, что составило 67,6 % всего населения, выявить для них угодыпользование, права и пожелания [7. Л. 4].

Протоколы общих собраний, показывают активное участие ненцев в обсуждении земельного проекта [7. Л. 341–365]. Выступления ненцев на собраниях, опротестование предложенных вариантов распределения земельных участков в проекте и предложения своих альтернативных версий уверено показывает, что кочевники предприняли попытку внести изменения в свою пользу, пользуясь предоставленным правом голоса, демонстрируя лучшие знания территории, чем землеустроители, в том числе иницируя вопрос о выселении с полуострова тазовских ненцев. Местное население стремилось закрепить в свою пользу прежде всего угоды, которые ими были уже освоены и хорошо знакомы, аргументировано отстаивая свою позицию в каждом спорном вопросе. Идя на уступку и принимая проект в целом, в том числе новые положения, не соответствовавшие устоявшейся практике землепользования кочевников (среди них – изъятие родовых угодий у кулаков и шаманов и предоставление им пастбищ и промысловых мест в других местах, совместное использование охотничьих угодий разными группами соседских хозяйств, ликвидация вотчинного землепользования, установление сроков выпаса на сезонных пастбищах, организация охотничьих и рыболовецких бригад и т. д.), они настаивали на изменении конкретных границ участков землепользования, которые считали существенными для занятий охотничьим и рыболовным промыслами и оленеводством. При этом возражения поступали как от индивидуальных хозяйств, так и целых групп, включая коллективизированное население. В ходе предъявления проекта обнаружилось, что и мнения людей, объединенных в один колхоз, не всегда

совпадают. Некоторые главы хозяйств на собраниях в знак протеста заявляли, что все равно будут ходить, куда захотят.

Таким образом, работая по специальным заданиям, в специфических условиях Севера, вдалеке от городов и поселков, пользуясь услугами переводчиков и проводников из среды коренных жителей, участники Ямальской экспедиции переживали сложные ситуации и учились на практике строить доверительные отношения с коренным населением. В целом разработка проекта землеустройства Ямальского района показала равнодушное отношение коренного населения к предлагаемой земельной реформе, которое не было пассивным объектом исследования, но активным участником с четко выраженной позицией: от организации вооруженного сопротивления до мирных попыток опротестовать принятые положения демократическим способом и взять инициативу в свои руки. Обе стороны учились взаимодействовать друг с другом для получения результатов.

1. *Алексеева Л. В.* О землеустройстве и землепользовании на Севере Западной Сибири в 1920–1930-х гг. // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут, 2004. №2. С. 108–115.

2. *Коньшева И. И.* История землепользования и землеустройства Обь-Иртышского Севера : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 27 с.

3. *Волжанина Е. А.* Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень : ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 15. С. 225–235.

4. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГА ЯНАО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 137.

5. Альбом И. И. Желтовского. Из фонда Музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского.

6. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12.

7. Там же. Д. 188а.

8. Государственный архив Российской Федерации. А-374. Оп. 26. Д. 41.

9. ГА ЯНАО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 17.

УДК 94 (47)

*Е. В. Годовова***ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО И КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ:
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.***

В работе раскрываются особенности взаимоотношений, сложившихся между граничащими друг с другом оренбургскими казаками и казахским населением. Уровень жизни киргиз-кайсаков был достаточно низким, приобретение ими товаров первой необходимости по причине их дороговизны представлялось затрудненным; все это явилось одной из причин набегов на поселения казаков, угона скота и людей. Еще одной причиной конфликтов между казаками и казахами являлись поземельные отношения. Районы казачьих поселений были недоступны для кочевания, а это в значительной степени нарушало традиционную систему сезонных перекочевков казахов, и они теряли одни из лучших пастбищ. Это обстоятельство стало причиной нападений казахов на казачьи форпосты и станицы и самовольных перекочевков. Казаки в ответ совершали карательные экспедиции, нападая на казахские аулы.

Ключевые слова: казачество, Оренбургское казачье войско, Казахская степь, казахи, киргиз-кайсаки, киргизы.

*E. V. Godovova***ORENBURG COSSACK HOST AND KAZAKH STEPPE: PECULIARITIES
OF RELATIONSHIPS IN THE SECOND HALF
OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE SIXTH CENTURIES**

The paper reveals the peculiarities of the relationships that have developed between the Orenburg Cossacks bordering each other and the Kazakh population. The standard of living of the Kirghiz-Kaisaks was rather low, their purchase of essential goods because of their high cost seemed to be difficult, all this was one of the reasons for the raids on settlements of Cossacks, theft of cattle and people. Another reason for the conflicts between the Cossacks and the Kazakhs was land relations. The areas of the Cossack settlements were inaccessible to roaming, and this largely violated the traditional system of seasonal migrations of Kazakhs, and they lost some of the best pastures. This circumstance caused the attacks of Kazakhs on Cossack outposts and stanitsas and unauthorized migrations. Cossacks in response committed punitive expeditions, attacking Kazakh auls.

Keywords: Cossacks, Orenburg Cossack army, Kazakh Steppe, Kazakhs, Kirghiz-Kaisaks, Kirghiz.

В середине XVIII века было образовано Оренбургское казачье войско. Оно занимало южную и юго-восточную часть Оренбургской губернии от границ Уральского

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта № 17-18-01008.

© Годовова Е. В., 2017

казачьего войска до границ Сибирского казачьего войска. На юге и юго-востоке войско граничило с казахскими степями. В своей повседневной жизни оренбургские казаки регулярно взаимодействовали с казахским населением (киргиз-кайсаками, или киргизами). Отношения между ними складывались противоречиво. С одной стороны, между соседями развернулся торговый обмен, с другой – частыми были военные столкновения, стычки (особенно в XVIII в.).

После набега хана Абулхаира на Оренбург в 1738 году ордынцам запрещено было кочевать вблизи Оренбургской пограничной линии. Официально им разрешалось периодически подходить к городу только для меновой торговли. Уровень жизни киргиз-кайсаков был достаточно низким, приобретение ими товаров первой необходимости по причине их дороговизны представлялось затрудненным; все это явилось одной из причин набегов на поселения казаков, угона скота и людей (баранта) [1, с. 163].

Еще одной причиной конфликтов между казаками и казахами являлись земельные отношения. Районы казачьих поселений были недоступны для кочевания, а это в значительной степени нарушало традиционную систему сезонных перекочевков казахов, и они теряли одни из лучших пастбищ. Это обстоятельство стало причиной нападений казахов на казачьи форпосты и станицы и самовольных перекочевков. Казаки в ответ совершали карательные экспедиции, нападая на казахские аулы. В своих «Заметках об Оренбургском крае» военный губернатор генерал-адъютант П. П. Сухтелен приводит примеры разорения казаками улусов «Меньшой киргизской орды» в 1790 г., угона 12 тыс. лошадей у кочевников в 1797 г. [2. Л. 9].

Самым опасным временем для казаков обычно являлся период жатвы, тем более что много сенокосов располагалось на левом, киргизском, берегу Яика. На время сенокоса казаки разделялись на маленькие группы и часто находились на далеком расстоянии друг от друга. Именно этих моментов и ждали киргизы. Они нападали на человека, привязывали его к скакуну и быстро увозили к себе. Так исчезали, чтобы окончить свою жизнь рабами в Хивецелые, семьи: муж, жена и дети. Современники вспоминали, что, пока казаки с ружьями за плечами поили лошадей, а бабы черпали воду и полоскали белье, на другом берегу гарцевали киргизы и переругивались с казаками [3, с. 125]. В 1823 г. казаки станицы Зубочистенской-2, находившиеся на сенокосе, были атакованы 10 киргиз-кайсаками, в итоге 4 человека было захвачено в плен, еще один тяжело ранен. Преследование ордынцев оказалось безуспешным [4. Л. 1–2об.].

Граф фон Хельмерсен, путешествующий по Уралу и Киргизской степи в 1833 и 1835 г., в своих записках сравнивает киргизов с черкесами, выделяя такое их общее качество, как храбрость, но это, по его мнению, единственное сходство между ними. Он отмечает, что в остальном киргизы настолько отставали по мужеству и упражнениям с оружием, что их с черкесами едва ли можно сравнивать. В то время как мужественный кавказец не знает иного боя, чем на жизнь и смерть, киргиз никогда не осмелится напасть на вооруженного врага. Есть многочисленные примеры того, как казаки часами оборонялись незаряженными ружьями против напавших киргизов, хорошо зная, что те ничего на свете так сильно не боятся как огненного оружия. Только с большим перевесом сил, бывало, они осмеливались напасть на казаков и ответить им на их стрельбу [5].

Похищение людей было обычным делом. В период с 1758 по 1800 г. киргиз-кайсаками было взято в плен 2893 чел., из них выкуплено 786 чел., наибольшее количество увезенных зафиксировано в 1784 и 1799 г. – 120 и 127 чел. соответственно [6, с. 153]. С 1758 по 1831 г. киргиз-кайсаки ежегодно уводили в плен по 52 чел., из которых возвращалось лишь 16; прекращение увода казаков в степь наблюдалось к 1840-м гг. [7, с. 21].

В 1823 г. на Оренбургском военном кордоне было украдено не менее 200 человек. В этот год киргизы потеряли знаменитого султана Харун-Гази. Тот, хотя и был только султаном, т. е. имел монгольское происхождение, приобрел в степи благодаря своей энергии и уму силу повелителя. Киргизы не только его племени, но и многих других племен подчинялись в спорных случаях его судебному решению и почитали его как необыкновенного человека. Харун-Гази поддерживал строжайший порядок среди киргизов на русской границе; он самым строгим образом, нередко даже смертью, наказывал за грабеж. Казаки, их жены и дети могли уходить далеко в степь, и им не причиняли никакого вреда. Как ни радовались на Оренбургской линии хорошему порядку, наведенному знаменитым султаном, пока тот был дружен с русскими, обстоятельства сложились так, что он был удален. Как только это случилось, киргизы поднялись против Оренбургской линии частично, наверное, из мести, а частично потому, что они увидели, что никто больше не сдерживает их жажду грабить. В то время они пробирались к самым стенам Оренбурга и даже украли служителя генерал-губернатора из его сада, находящегося перед крепостью. Но грабежи киргизов постепенно становились реже и вскоре почти совсем прекратились. В 1829 г. были украдены еще пара казаков и один русский священнослужитель, который из Орской крепости ездил в Оренбург без охраны. Этот грабеж произошел днем на территории Ильинской станицы [5].

Судьба пленников была различной. Одного пленного казака купил богатый киргиз, у которого было семь сыновей, сделал его 8 сыном, а потом женил на киргизке. Спустя шесть лет двадцатитрехлетний казак вернулся из плена, оставив в ауле беременную жену и ребенка. Вернувшись на родину, он очень тосковал по жене и детям, плакал, пел киргизские песни, играл на свирели и даже хотел покончить с собой. Соседи его утешали, развлекали и уговорили жениться. В последующие годы слышно было только о воровстве лошадей и путешественников, уже знакомых с местностью и считавших излишним, чтобы за их повозкой ехал верхом караул, а также женщин.

22 января 1835 г. Оренбургский военный губернатор В. А. Перовский предложил начать строительство Новой линии и заселить ее оренбургскими казаками. Старая линия оставалась в неприкосновенности. Пространство между линиями он предлагал передать в собственность Оренбургского войска, а земли в районе Старой линии – в собственность казны. Казёнными землями должна была распоряжаться Оренбургская пограничная комиссия. Казахов, кочевавших между Старой и Новой линиями, В. А. Перовский предлагал временно оставить на этих землях на следующих условиях: 1) таможенная линия не переносилась на Новую линию, разрешалась беспопышная торговля с линейными жителями; 2) свободные земли сдавались казакам в оброк, а деньги шли в пользу войска [8, с. 17].

Строительство Новой линии вызвало недовольство среди кочующих казахов. В знак протеста они вновь стали похищать людей, хотя число похищенных было незначительным.

Для осуществления пограничной системы управления в 1799 г. была создана Оренбургская пограничная комиссия, первоначально состоявшая из трех заседателей от казахов (султана и двух старшин) и трех русских чиновников, один из которых был председателем. В 1818 г. она была дополнена еще двумя русскими чиновниками. Окончательный состав комиссии, оформленный «Положением» 1844 г., включал председателя, товарища председателя, четырех советников с русской стороны и четырех заседателей-казахов [9, с. 11]. С 1824 г. в качестве членов в Пограничную комиссию вошли представители Оренбургского и Уральского казачьих войск, Западной, Средней и Восточной частей Области оренбургских казахов.

Наличие в составе комиссии представителей обеих сторон позволяло решать взаимные споры достаточно справедливо. Например, три казака Татищевой крепости подали прошение губернатору Эссену, требуя возратить им 18 лошадей, угнанных в марте 1815 г. с подножного корма. Пограничная комиссия определила: «Причесть такой отгон в собственную оплошность хозяина». Просьбу же казака Татищевой станицы Игнатия Безсонова об уплате ему 120 рублей за лошадь, угнанную 13 мая киргизами старшины Кусая Баймамбетова, было принято удовлетворить [10, с. 279].

14 июня 1844 г. для регулирования взаимоотношений жителей Уральского и Оренбургского войск с кочевниками была введена должность попечителя прилинейных казахов, на которую назначались российские чиновники или военные в отставке. Было создано шесть попечительств: Гурьевское, Уральское, Оренбургское, Орское, Троицкое, Михайловское. Институт попечительства был введен для решения всевозможных дел между жителями линейных селений и кочевниками. Попечители выполняли поручения Пограничной комиссии, контролировали действия казахской администрации, решали взаимные споры полиэтничного населения, распределяли сезонные кочевки [8, с. 12–15].

Итак, взаимоотношения оренбургских казаков и казахов складывались противоречиво. С одной стороны, развивались торговые связи, с другой – постоянно возникали конфликты, основной причиной которых были поземельные отношения. Районы казачьих поселений были недоступны для кочевания, что нарушало традиционную систему сезонных перекочевков казахов, и они теряли одни из лучших пастбищ. Это обстоятельство стало причиной нападения казахов на казачьи форпосты и станицы и самовольных перекочевков. Казаки в ответ совершали карательные экспедиции, нападая на казахские аулы.

1. Сыровегин И. Э. Оренбургские власти и киргиз-кайсаки Младшего Жуза (первая четверть XIX века) // Альманах современной науки и образования. 2013. № 6. С. 161–165.

2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 231. Оп. 1. Д. 112.

3. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1905. Вып. 6. 165 с.
4. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2904 а.
5. Граф фон Хельмерсен. Путешествие по Уралу и Киргизской степи в 1833 и 1835 гг. СПб., 1841 (на нем. яз.).
6. *Кривошеков А.* На Оренбургской пограничной линии (Очерки прошлого) // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 4.
7. *Гвоздикова И. М.* Отчет Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского по управлению краем (1833–1842). Документальная публикация. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. 109 с.
8. Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX в. (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское) : сб. док. / сост. Н. Е. Бекмаханова. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. 428 с.
9. *Горбунова С. В.* Оренбургская пограничная комиссия и политика России в Младшем казахском жузе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 18 с.
10. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып. 8. 521 с.

УДК 94:378.4 (571.1.1/5) "19"

Е. Е. Дутчак, Н. А. Качин

СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК «ХРАМ НАУКИ»: ИЕРОТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В. М. ФЛОРИНСКОГО

В статье рассматривается один из аспектов дискурса власти последней четверти XIX в. – проект В. М. Флоринского по организации пространства Томского императорского университета. Обнаруженный документ о распределении православных икон по официальным, исследовательским и учебным помещениям показывает логику конструирования «храма науки» и позволяет ставить вопрос об инструментальной роли иеротопии в процессах формирования регионального социума, ориентированного на культурную матрицу метрополии.

Ключевые слова: Томский университет, В. М. Флоринский, иеротопия, православная икона.

Е. Е. Dutchak, N. A. Kachin

SIBERIAN UNIVERSITY AS A «TEMPLE OF SCIENCE»: V. M. FLORINSKY'S IEROTOPICAL PROJECT

The article examines one of the aspects of the rule discourse during the late 19th century – V.M. Florinsky's project on creation of the Tomsk Imperial University space. The discovered document on the distribution for Orthodox icons among offices, research

and study placements shows the design of a “temple of science”, and it brings up the question on the instrumental role of the ierotopia in establishing the regional socium oriented on imperial cultural pattern.

Keywords: Tomsk University, V.M. Florinsky, ierotopia, orthodox icon.

Переориентация исследований по истории освоения Сибири с описательных на дискурсивные является историографическим фактом. Сама логика этого процесса способна указать, какие общественные сферы и группы оцениваются научным сообществом как наиболее информативные при выявлении импульсов, формирующих ориентированный на имперские культурные модели и ценности региональный социум.

Парадоксально, но даже «безмолвствующее» крестьянское большинство при изменении исследовательских подходов оказалось более «разговорчивым», чем университетская профессура [1]. Вместе с тем сложно представить, что государственный деятель такого масштаба, как В. М. Флоринский, при разработке в 1875–1880-е гг. концепции первого университета Сибири мог остаться в стороне от общеимперских проектов колонизации края. Необходимость выстраивания системных взаимодействий зауральских территорий с метрополией диктовалась не только социо-демографическими трансформациями сибирского общества – «объинородчиванием» переселенцев, но включением в политическую жизнь «областников» с их не-государственным пониманием «университетской идеи» [2, с. 112–115]. Решение, по мысли петербургских чиновников, виделось в «укреплении православия, русской народности и гражданственности» [3, с. 116].

Потенциальную возможность регулировать процессы через сеть учебных заведений открывают два документа из архива В. М. Флоринского. Первый из них – Реестр грузов, подтверждающий получение 4 июля 1884 г. «двух ящиков с тремя тысячами портретов Государя в золоченых рамках, от Дациаро, и ящика с иконами на 107 руб.». Второй – счет Товарищества метакромотипии Ракочий, Сидорский и К^о с записями В. М. Флоринского, показывающими, как именно «заказчик» планировал ими распорядиться в соответствии со своим представлением об университетском пространстве [4. Л. 495, 413].

Прежде всего обратим внимание на производителей «товара». Колоссальный заказ на изображения царствующей особы для университета и учреждавшегося в 1885 г. под попечительством В. М. Флоринского Западно-Сибирского учебного округа выполнила литографическая мастерская наследников Дж. Дациаро, в числе клиентов которой были «императорская чета и великие князья» [5, с. 163].

Изготовители икон имели иную целевую аудиторию. Видимо, с 1874 г., когда открытое по инициативе генерал-лейтенанта С. А. Хрулева заведение перешло в руки компаньонов, его цель «распространение в народе хорошо и точно воспроизведенных» и при этом дешевых икон начала реализовываться с коммерческим размахом. Рассчитанные на разные «кошельки» копии образов праздников и святых – отдельно и в иконостасах, на дереве и холсте, с золотым фоном и чеканной работой (обещалось, что такая икона «не чернеет и не лупится»), размерами от 7 см до 1,5 м и разбросом цен от 20 копеек до 150 рублей – широко рекламировались через газетную и журналь-

ную сети и без труда находили покупателей «в самых отдаленных местах Российской империи» [6, с. 9].

Присутствие в заказе портретов православного государя и христианских икон обращают к понятию «иеротопии» как сознательному конструированию пространства с признаками сакральности [7]. Причем в нашем случае речь идет об ее имперской модели, предполагающей слитность политических и религиозных ритуалов, текстов и символов. Подобный ракурс чрезвычайно важен для приближения к пониманию В. М. Флоринским – сыном сельского дьякона, выпускником духовной семинарии, волею случая ставшим медиком – своей задачи. Полагаем, что ее осознание складывалось на пересечении разных мировоззренческих установок.

С одной стороны, он, никогда не ощущавший по отношению к религии «духа отрицания и сомнения» [8. Л. 40, 52, 67, 80], уже по воспитанию являлся «носителем» иеротопического мышления, с детства знакомого с древнерусским богословием в образах. Конечно, в его адаптированном в Новое время варианте, признающем равнозначность икон, созданных по каноническим прорисям и подлинникам, и их механически воспроизведенных копий. С другой – принадлежность к врачебной корпорации приобщала его к кругу идей, имеющих государственное звучание, и обеспечила вхождение в состав российской «просвещенной бюрократии» [9; 10].

Следовательно, иеротопический проект В. М. Флоринского может оцениваться как опыт управления идеологическими ресурсами христианства и рассматриваться в трех измерениях – власть, прогресс и наука. Основой изучения их системного единства выступает предложенный А. М. Лидовым концепт «образ-парадигма» как тип религиозной перекодировки социальной реальности, в ходе которой художественное, ритуальное и интеллектуальное сплетаются «в одну духовную ткань» [11], и формируются условия для того, чтобы визуализированные конфессиональные и имперские символы были «правильно» прочитаны университетской корпорацией.

Дискурс власти: от Александра Невского к Александру III. По сложившейся традиции портреты монарха являлись обязательным атрибутом государственных учреждений и учебных заведений, но подбор икон для них оставался в ведении руководителей. В. М. Флоринский для актового зала, зала совета и канцелярских помещений выбирает изображения Александра Невского и Николая Баргградского. Попытаемся установить причины предпочтений.

Александр Невский относится к святым-правителям, чья иконография соответствует этапам их мифологизации. До конца XIV века князю, умершему в 1263 г., не было посвящено даже местного церковного празднования. Лишь с открытием мощей при митрополите Киприане (1381 г.) утвердился его изображение как схимника. После общерусской канонизации в 1547 г. и завоевания Казанского ханства оно дополнится представлением князя в облике воина [12]. Акцентирование политической составляющей примет заверченный вид в эпоху Петра I – основателя столицы на месте битвы со шведами и ее первого – Александро-Невского – монастыря, что предельно четко выразит распоряжение Синода: «Святого благоверного великаго князя Александра Невскаго в монашеской персоне никому отнюдь не писать, а только во одеждах великокняжеских» (1724 г.) [13. № 1314]. С этого момента, как считает Д. Г. Мироненко, берет отсчёт

«императорская (Петровская)» иконография Александра Невского, и монашеский, княжеский и воинский типы изображений подчиняются обоснованию древности российской императорской власти [14, с. 9]. Учреждение Ордена св. Александра Невского в качестве высшей военной награды (1725 г.), введение в число официальных церемоний посвященного князю крестного хода (1743 г.) и изготовление для мощей серебряной раки (1753 г.) – событийный ряд, доказывающий усвоение новой трактовки.

Несмотря на это, материалы, относящиеся к периоду правления Александра III в целом и деятельности В. М. Флоринского в том числе, позволяют предположить, что в последней трети XIX в. восстанавливается в правах оценка князя как «единственного в свое время светского защитника идеалов православия» [15]. Это смещение отражает, во-первых, пояснение в прејскуранте Товарищества к иконе, предназначавшейся канцелярским помещениям: «Священное изображение "Александр Невский" в память важнейших событий царствования почившего Государя императора (освобождение крестьян и славян), для народных школ на бумаге по 75 копеек» [16]. Во-вторых, заказ иконы Николая Барградского.

Под этим названием известен иконографический тип Николая Чудотворца из базилики г. Бари, по легенде, написанный на основе прижизненного изображения святого. В русском церковном календаре с XII столетия он знаменовал собой праздник перенесения его мощей из Византии в 1087 г. Флоринский в 1863 г. почти два месяца путешествует по Италии. Он не оставил детального описания маршрута, но вряд ли глубоко религиозный человек мог не побывать в городе, ассоциировавшемся с именем самого почитаемого в русском православии святого и историей спасения от мусульман важнейшей из христианских реликвий.

Выбор для строящегося университета этого изображения (его особенность – разведенные в стороны руки в позе «оранта», заступнической молитвы) объясним не одними личными впечатлениями. О присутствии государственного мотива говорят как минимум два обстоятельства. С конца XVII века Бари становится обязательным местом паломничества путешествующих по Европе Романовых: в 1698 г. его посещает царевич Алексей, в 1852 г. – великий князь Константин Николаевич, в 1892 г. – цесаревич Николай Александрович [17]. А в последней трети XIX в. итальянский город идеологически связывается еще и с древнерусским князем – борцом с католическим Тевтонским орденом: в Петербурге в память «избавления императора Александра II от покушения в Париже в 1867 г.», строится «барградская» часовня, посвященная одновременно Николаю Чудотворцу и Александру Невскому (1879 г.) [18].

Соединение фигур святых – защитников христианской веры и православных народов – создавало условия для восприятия в подобном ключе деятельности правящей династии второй половины XIX в. В этом контексте может быть понят замысел В. М. Флоринского – в зрительных и культурно значимых формах показать политическое значение Первого и Императорского университета в Азиатской части России.

Дискурс прогресса: «Спас Нерукотворный» vs «Спаситель с Гвидорени»?

В конце 1850-х гг. слово «прогресс» относилось к запрещенным к употреблению в «официальных бумагах» и печати [19, с. 424], но несколькими годами позднее оно становится их обязательным атрибутом. Причем словарь В. И. Даля фиксирует его

специфическую коннотацию – это «умственное и нравственное движение вперед» [20, с. 496]. В рассуждениях В. М. Флоринского о России как будущем лидере «всемирного прогресса» она усилена религиозной интерпретацией: «У нас есть и люди, и деньги. Нужно только доверчивее относиться к первому и умело распоряжаться вторыми <...>. Будем надеяться на Бога и верить в свои национальные силы и предначертанную свыше судьбу» [21. Л. 22, 28].

В христианстве идея предначертанности связана с категорией «благословение» и апотропеями-оберегами, обозначающими прямую защиту высших сил. Изображения Христа считаются обладающими такой силой, тем не менее его иконография имеет градацию. Высшую ступень занимает образ «Спас Нерукотворный», размещение которого, например, в надвратной башне являлось знаком «благословенного града» [11, с. 135–159]. Заказ В. М. Флоринским иконы для аудиторий вполне логичен, неожиданным и, значит, более информативным выглядит другое решение: поместить литографические копии «Спасителя с Гвидорени» (sic!) в научные кабинеты при кафедрах.

Начнем с того, что речь идет об итальянском живописце Гвидо Рени (1575–1642), вслед за И. Босхом, В. Тицианом и А. ван Дейком создавшем художественную версию евангельского рассказа о выдаче Понтием Пилатом своего пленника иудеям. В России тип изображения Христа в терновом венце («Ессе Ното» / «Се, Человек») известен с XVIII в., однако настоящую популярность приобретает столетие спустя, по мнению С. И. Михайловой, не без влияния вышедшей в 1863 г. «Земной жизни Иисуса Христа» Э. Ренана [22].

Индивидуализация религиозного чувства, стремление увидеть в библейской истории психологическую драму и поиск нетрадиционных приемов для передачи ощущения святости [23] привели, по выражению М. Н. Соколова, к «разграничению сакрумов в церковной сфере»: консервативный, восходящий к Средневековью, был сосредоточен на обряде и его зримых символах; новый, «увлеченный обаянием искусства», устанавливал по контрасту с архаикой «подчеркнуто изящный канон» [24, с. 189]. Слитное написание «Гвидорени» в прејскуранте Товарищества отражает процесс не менее очевидно, чем становление профессиональной религиозной живописи.

Показательно, что В. М. Флоринский – человек православного воспитания, но уже оценивший эмоциональную силу католического искусства – не был услышан в административной среде, где складывается лобби защитников традиционной иконописи [25]. (Оно оформится организацией в 1900 г. «высочайше утвержденного» Комитета попечительства о русской иконописи, запретившим ввоз из-за границы печатных изображений, заменяющих иконы.)

В то же время оценка В. М. Флоринским собственной религиозности как «несокрушимой привычки, инстинкта, духовной потребности» [8. Л. 40] дают основание для сомнений в выводах Л. А. Успенского, считавшего регрессом «духовное возрождение», шедшее «вне прямой связи с традиционным церковным образом, иконой» [26, с. 368]. На примере устроителя Сибирского университета корректнее говорить о функциональном расширении иконопочитания в эпоху *modernity*: оно выступает свидетельством не только веры, но и стремления к просвещению и «естественному саморазвитию».

Наглядно это показывает выбор В. М. Флоринским иконы князя Владимира для университетских музеев и изображения Кирилла и Мефодия для аудиторий.

Впервые на родство категорий «просвещение» и «крещение» в церковных песнопениях, посвященных первому христианскому правителю Руси, и самопрезентации российских реформаторов XVIII в. обратил внимание Ю. М. Лотман [27, с. 107]. В сходном «просветительско-христианском» ключе трактовалась моравская миссия солунских братьев, тысячелетие которой в 1863 г. по распоряжению Синода отмечалось введением дня славянской письменности. Придание событию церковно-государственного статуса должно было решать внешне- и внутривосточные задачи: демонстрировать глубинную связь ареала *Slavia Orthodoxa* и противостоять размыванию этнического сознания русских, начавшегося в пореформенный период вслед за крестьянскими миграциями. Вероятно, апеллирование к системообразующим христианскую цивилизацию факторам – «языку», «священному тексту» и «шрифту» [28] – В. М. Флоринскому тоже представлялось надежным способом позиционирования Сибирского университета как форпоста православной культуры в Азии.

Появление впоследствии в актовом зале наряду с императорскими портретами еще одной иконы Кирилла и Мефодия «в киоте и серебряной вызолоченной ризе» [29, с. 88], равно как и план набирать студентов из числа семинаристов, открывают миссионерский характер иеротопического проекта. Так, оценивая преимущества Томска перед Омском при выборе места университета, В. М. Флоринский обращает внимание на «непросвещенность» (!) и срединное положение первого: «Миссионеры идут на проповедь, не соображаясь с тем, где для них было бы комфортнее, а где они нужнее. Точно также и просветительская роль Сибирского университета будет *плодотворнее* [дописано Флоринским] в том центральном пункте, откуда его лучи будут равномерно расходиться во все концы Сибири [...] Мы первые пионеры в глухой сибирской тайге, должны принести маленькую жертву во имя *великой* [зачеркнуто] идеи справедливости и будущей общественной пользы» [30. Л. 24–25].

В сущности, перед нами – христианская интерпретация понятия «прогресс» как результата «просвещения крещением», и неважно, какими средствами он достигается – с помощью древнерусской иконы или произведений европейских мастеров.

Дискурс науки: ученый Василий Великий и «безмездный врач» Пантелеймон. На 1870–1880-е гг. приходится завершающий этап адаптации модели классического немецкого университета к российским реалиям. К этому времени стало понятно, что на отечественной почве приживется лишь идея совмещения обучения с исследованием (*Einheit von Lehre und Forschung*) [31]. Ее рецепция В. М. Флоринским, видевшим Сибирский университет научным центром с современным оборудованием, материалами и литературой, вновь коррелирует с заказом икон: изображение Василия Великого предназначалось для зала факультетских заседаний, великомученика Пантелеймона – лабораториям.

Образы Василия Великого – ученого-теоретика, медика и астронома, математика и богослова, умело использовавшего категориальный аппарат античной философии – и полулегендарного врача-практика Пантелеймона, лечащего бедняков бесплатно [32; 33], казалось бы, полярны и несопоставимы. Однако объединенные иеротопической

логикой они олицетворяли собой «полезное знание», поиск которого В. М. Флоринский считал главной задачей университета. Неслучайно он сам примет деятельное участие в открытии в 1889 г. Томского общества естествоиспытателей и врачей и станет его первым председателем.

На наш взгляд, еще одно смысловое поле дискурса «наука» в понимании ученого – выходца из духовного сословия – раскрывает, с одной стороны, его сравнение профессора «без хорошей книги» с воином без оружия [4. Л. 73]; с другой – пиетет перед богородичными иконами. Связь этих предметных полей лежит в области православного духовного опыта, причем в идеализированном «деревенском» варианте: «Вспоминая детские годы, вижу теперь, какую пользу принесло начальное, свободное воспитание: 7–8 лет я уже развил в себе находчивость и наблюдательность, хороший глазомер, ловкость и быстроту движений, умение найтись в затруднительных обстоятельствах» [8. Л. 52]. Добавим к этому – органичное усвоение народных представлений о специализации чудотворных икон и святых: В. М. Флоринский прекрасно знал, что посвящение университетской церкви Казанскому образу поможет молитве «о прозрении ослепших очес», купленные копии Иверской – умножению «плодородия земли» и защите имущества от пожара.

В его системе координат прагматическое отношение к древней иконе не противоречило научному рационализму. Тревога В. М. Флоринского за приобретенные им книжные коллекции [30. Л. 57] и его суждения о необходимости развития не только памяти, но и мышления [8. Л. 67] вполне естественно оформлялись в желание видеть в университетской библиотеке именно Иверскую икону как символ урожая во всем богатстве значений слова, своеобразный гарант сохранности, разумного использования и преумножения материального и интеллектуального.

Дж. Скотт, отождествивший носителей такого практического знания (*metis*) с многохитрым Одиссеем, доказал, что в сочетании с государственной идеей оно способно творить новую сложную реальность [34, с. 498–499]. Создавая университет в Томске – центре церковного управления Западной Сибирью, В. М. Флоринский планировал на его примере продемонстрировать потенциал близкого ему по воспитанию патриархального уклада. Перенос его норм на сообщество ученых-преподавателей («старшие члены семьи») и студентов («молодое поколение») виделся ему исконно русским ответом на вызовы времени, инструментом сплочения и развития университетской корпорации.

Поставленный на службу прогрессу условный, символический язык иконы и тщательно подобранный пантеон должны были конституировать городской ландшафт, в котором главным действующим лицом выступала наука – национальная, полезная и огражденная от европейских «quasi-гуманных идей» [8. Л. 162].

Реальность оказалась сложнее, чем это представлялось «просвещенному бюрократу». Университет, задуманный им как «духовное орудие» в деле «покорения» края и «начавшийся» с открытия церкви, вскоре окажется привлекательным для профессуры и студентов, «выдавленных» из Европейской России уставом 1884 г. и мечтавших найти здесь свободу научного поиска [35, с. 226–228, 455]. Прагматизм *metis* сыграл злую шутку: учреждение непрофильных для медицинского факультета кафедр (физики, химии, минералогии, ботаники, зоологии) сформирует интеллектуальную

среду, восприимчивую к культурным ценностям христианской ойкумены, но далекую от преданности монархии.

Храм науки был создан, и литературные описания университета в 1980-е гг. как «церкви без алтаря» [36] – тому свидетельство. Вместе с тем идея В. М. Флоринского использовать символику православия для конструирования его научного образа и имени, еще раз подтверждает, что решение проблемы о латентных связях «святого места» и «священного пространства», поставленной медиевистикой, может находиться за пределами Средневековья.

1. Чуркин М. К. Миграционное поведение российского крестьянства во властном и общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2015. № 3(35). С. 21–29.

2. Ремнев А. Университетский вопрос в Сибири XIX столетия // Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири. М. : Новое изд-во, 2013. С. 97–123.

3. Церковное дело в районе Сибирской железной дороги // Россия. Комитет Сибирской железной дороги (материалы). Б. м., [1894]. Т. 1. 520 с.

4. Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Ф. В. М. Флоринский. № 117959–822. Подшивка писем и черновых набросков. 890 л.

5. Северюхин Д. Старый художественный Петербург: рынок и самоорганизация художников от начала XVIII до 1932 г. СПб. : Мирь, 2008. 535 с.

6. Вестник Первой всероссийской выставки монастырских работ и церковной утвари. 1904. № 11. 11 с.

7. Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М. : Индрик, 2006. 700 с.

8. НМРТ. Ф. В. М. Флоринский. № 117959-205. Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени. 195 л.

9. Lincoln W. B. The Great Reforms. Autocracy, bureaucracy, and the politics of change in imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1990. 226 p.

10. Вишленкова Е. А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 47–82.

11. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М. : Дизайн. Информация. Картография, 2009. 362 с.

12. Бегунов Ю. К. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха: исследования и материалы. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. С. 172–176.

13. Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. СПб., 1876. Т. IV. 356 с.

14. Мироненко Д. Г. Иконография святого Александра Невского : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2013. 24 с.

15. Данилевский И. Н. Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М. : ИВИ РАН, 2005. С. 119–132.

16. Тамбовские епархиальные ведомости. 1884. № 9. С. 402. URL: <http://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=665#n=57> (дата обращения: 12.02.2017).
17. «Патриаршее подворье святителя Николая Чудотворца в городе Бари». URL: <http://bargrad.com> (дата обращения: 12.02.2017).
18. Краткое описание Бар-градского Николо-Александровского храма в Петрограде. Пг., 1916. 31 с.
19. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Высш. шк., 1982. 528 с.
20. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882. Т. 3. 576 с.
21. НМРТ. Ф. В. М. Флоринский. № 117959–100. Дневник заграничных путешествий 1861 г. 219 л.
22. *Михайлова С. И.* Образ Спасителя в терновом венце в русской религиозной живописи второй половины XIX в. Эскиз Н. А. Кошелева из собрания Музея Москвы // Вестник славянских культур. 2014. № 4(34) С. 196–207.
23. Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия : сб. ст. М. : Изд. ГосНИИР, 2001. 322 с.
24. *Соколов М. Н.* Ab arte restaurata. Сакральность эстетического в «иеротопии» Нового времени // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. М. : Индрик, 2009. С. 172–201.
25. Письмо министра народного просвещения И. Д. Делянова – В. М. Флоринскому, 5 декабря 1885 г. // Государственный архив Томской области. Ф. 126. Д. 26. Л. 20–20об.
26. *Успенский Л. А.* Богословие православной иконы. М. : Изд-во Западно-Европейского экзархата. Московский патриархат, 1996. 474 с.
27. *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. М. : Искусство-СПб, 2002. 786 с.
28. *Шемякин Я. Г.* Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 113–123; № 3, с. 119–129.
29. Первый университет Сибири. Томск, 1889. 93 с.
30. Музей истории Томского гос. ун-та. Дневниковые записи В. М. Флоринского: «1881 г., От Екатеринбурга до Томска». 142 л.
31. *Качин Н. А.* В. М. Флоринский: в поисках сибирской модели «классического университета» // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2015. № 6(38). С. 11–18.
32. Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru> (дата обращения: 12.02.2017).
33. *Шевченко Ю. Л.* Святые целители и врачи // Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н. И. Пирогова. 2006. Т. 1 № 1. С. 13–15.
34. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М. : Университетская книга, 2005. 576 с.
35. *Ляхович Е. С., Ревушкин А. С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной науки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 580 с.

36. *Каленова Т. А.* Университетская роща. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1984. 416 с.

УДК 94(571.1+574)091

Ж. А. Ермекбай

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ И КАЗАХСКИЙ КРАЙ В XIX НАЧАЛЕ XX В. : ОРГАНИЗАЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ

Устав о сибирских киргизах 1822 г. устранил ханскую власть в степи и установил новые имперские формы управления на территории Казахского края. Дальнейшая колонизация обширного края путем создания своеобразных структур власти, с привлечением местного населения к управлению в округах, волостях и аулах, а также развитие очагов земледелия, промышленности, торговли, уездных городов создали новые экономические, социальные и культурные коды в степи, которые во многом изменили внутренний образ жизни казахов и восприятие внешнего мира.

Ключевые слова: Устав о сибирских киргизах, Западно-Сибирское генерал-губернаторство, Степное генерал-губернаторство, Окружной приказ, Омская область.

J. A. Yermekbay

WESTERN SIBERIA AND THE KAZAKH DISTRICT IN XIX – EARLY XX CENTURY: THE ORGANIZATION OF IMPERIAL POWER

The Charter of the Siberian Kirghiz in 1822 eliminated the khan's power in the steppes and established new imperial forms of government on the Kazakh territory, subordinated to the Siberian administration. Further founding of the vast territory through the creation of peculiar structures of the power, involving the local population in the districts, regions and villages, as well as the development of agriculture, industry, trade, county cities and transformation of steppes into new economic, social and cultural centerchanged the internal way of life of the Kazakhs and the perception of the outside world.

Keywords: Charter of the Siberian Kirghiz, West Siberian Governor-General, Steppe Governor-General, District Order, Omsk Region.

Западная Сибирь и Казахстан связаны географически и исторически. Население приграничной полосы имели политические, экономические и культурные связи еще до похода Ермака. Изучение взаимоотношений царской администрации Западной Сибири и казахского населения имеет давнюю историю. Дореволюционная историография данной темы насыщена большим количеством источников и литературы, которые составляют ценный дискурс. Исследования, имеющие мемуарное, художественное,

историческое, этнографическое, экономическое, географическое, энциклопедическое содержание, обращали внимание на разные стороны взаимоотношений между сибирской администрацией и казахами, чьи кочевья находились вдоль периметра административных границ или внутри округов и областей, включенных в состав Западно-Сибирского (Степного) генерал-губернаторства.

Волею судьбы сложилась так, что значительная территория казахов оказалась под управлением западно-сибирской царской администрации. Это были земли, где кочевали казахи со стадами, включали север, северо-восток, центральную часть и часть южной территории Казахстана, входившие в Средний и частично Старшие жузы.

Исторические сведения о взаимоотношении казахов и сибирской администрации можно найти в книге «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Киргизский край», где отмечено: «Киргизы [казахи. – Ж. Е.], никогда не знавшие верховной власти, которую немыслимо было создать в вольной степи, где искони традиционная форма власти сосредоточивалась в руках самоуправляющегося рода и его вожаков, в XIX в. вошла в состав населения степных областей. Признав свою зависимость от русского правительства, киргизы [казахи. – Ж. Е.] не сразу примирились с этим положением и даже пытались потом снова восстановить свою независимость, но эти попытки кончились неудачей» [1, с. 145]. Далее о Казахском крае сказано, что «в колонизации края русскими можно различать два момента: появление здесь вольных колонизаторов и движение по следам их правительственных дружин <...> В начале 80-х годов XVI в. на Иртыше появились вслед за Ермаком первые дружины из служивых людей, которые задались уже определенной целью – продолжать дело, начатое Ермаком, именно подвести инородцев «под высокую царскую руку» и завладеть краем» [1, с. 148].

Со времени вхождения Казахстана в состав Российской империи Западный Казахстан, относящийся к Младшему жузу, и часть территории северо-запада находились под управлением Оренбургского генерал-губернаторства, а значительная территория казахских земель Среднего жуза волею судьбы оказалась под контролем сибирской администрации. Здесь уместно сослаться на слова В. О. Ключевского: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией» [2, с. 50]. Мнение известного русского историка соответствовало историческому прошлому взаимоотношений царской администрации Западной Сибири и Казахского края рассматриваемого периода.

Политика царизма в Азиатской части России во многом осуществлялась благодаря действиям чиновников. Одним из известных государственных деятелей России был генерал-губернатор Сибири М. М. Сперанский (1772–1839). В 1819 г. М. М. Сперанский был назначен генерал-губернатором Сибири и с этого времени начинается его активная политическая деятельность по реформированию управления Сибири и Казахского края. По его инициативе с 1822 г. Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Иркутске.

Территория Западной Сибири, куда вошли Тобольская, Томская, Омская области и земли казахов Среднего и части Старшего жузов, получила название «Область сибирских

киргизов». Для управления кочевьями казахов, которые оказались под контролем Западно-Сибирского генерал-губернаторства, М. М. Сперанским был разработан специальный «Устав о сибирских киргизах», который был утвержден 22 июня 1822 г. Это был программный документ, своего рода код административного и гражданского управления казахов, расселенных на территории Среднего жуза.

В Уставе было указано, к какому сословию относятся казахи в российской империи, определены административные структуры по управлению новыми территориями, права местного населения с учетом традиционного образа жизни, судопроизводство, сборы и повинности, намечены пути развития промышленности и торговли, распространение образования и медицины среди казахов. Во введении Устава было указано, что «§ 1. Сибирские киргизы [казахи. – Ж. Е.] принадлежат к сословию кочевых инородцев и имеют с ними равные права <...> § 2. Страна сибирских киргизов [казахов. – Ж. Е.] составляет внешние округа Омской области» [3, с. 399].

Согласно «Устава о сибирских киргизах» территория казахов была разделена на округа, а округа делились на волости, волости – на аулы. В округ входило от 15 до 20 волостей, в волость – от 10 до 12 аулов, в аул – от 50 до 70 кибиток [3, с. 400]. При создании округов за основу брали зимние кочевья. Во главе округов стояли окружные приказы, а управлял округом старший султан, который избирался из среды потомков чингизидов на три года. По Уставу 1822 г. «§ 51. Старший султан имеет быть везде признаваем и почитаем в чине майора российской службы <...> § 52. Даже и после срочной смены старший султан считается в числе почетнейших султанов и, ежели прослужит три срока, имеет право просить диплом на достоинство дворянина Российской империи...» [3, с. 400]. В Уставе в 20 и 21 параграфах отмечено «В Приказе под председательством старшего султана присутствуют: два российских заседателя, определяемых областным начальством, и два заседателя из почетных киргизов [казахов. – Ж. Е.], по выбору <...> Окружной Приказ имеет свою канцелярию, переводчиков и толмачей по штату» [3, с. 401].

Волостями управляли волостные султаны, которые подчинялись окружному приказу. Аулы возглавляли аульные старшины, которых избирали жители аулов раз в три года и утверждали окружным приказом. Аульные старшины подчинялись волостным султанам.

Введению новой структуры управления казахскими кочевьями способствовала смерть в 1817 г. хана Бокея, а в 1819 г. хана Среднего жуза Уали. Таким образом, воспользовавшись ситуацией, российские власти решили отменить ханскую власть и впредь не назначать нового хана, тем самым приближая контроль казахских кочевий к внутренней административной системе управления. Отметим, что в «Уставе о сибирских киргизах» нет речи о сохранении ханской власти в степи.

Для улучшения управления новыми территориями была образована Омская область в составе Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В составе Омской области казахи проживали в аулах, которые объединялись в волости, а волости составляли округа, которые, в свою очередь, подразделялись на внутренние и внешние округа. Во внутренние округа входило в основном русскоязычное население, а во внешние – кочевья казахов. Округа создавались по территориальному принципу администра-

тивного управления, хотя ради справедливости следует отметить, что учитывалась традиционная родовая структура казахов, кочевья которых проходили уже вне новообразованных округов. Само окружное управление или приказ включало в себя старшего султана и заседателей, двое от русских и два от казахского населения. Заседатели выбирались из населения и утверждались областным руководством. Приведенные примеры свидетельствуют об относительной автономии казахов на местном уровне самоуправления.

Содержание «Устава о сибирских киргизах» свидетельствует о ликвидации ханской власти в Среднем жузе и включении казахских земель в состав Российской империи, которые находились до февраля 1917 г. в составе Западно-Сибирского, а затем Степного генерал-губернаторства. Управление казахскими землями, которые были объявлены государственными, велось через внешние округа.

В 1824 г. были образованы первый Каркаралинский и Кокчетавский приказы, а в 1832 г. создали Акмолинский окружной приказ, которые стали опорными пунктами в колонизации новых земель. 30 апреля 1824 г. чиновник Омской области писал своему начальнику Г. Броневскому «29 апреля на многочисленном собрании в Средней киргизкайсакской орде султанов, старшин и биев и простого киргизского [казахского. – Ж. Е.] народа <...> Кокчетавский окружной приказ открыт торжественно. Старшим султаном выбран сын покойного хана Валия султан Габайдулла...» [4, с. 211].

Согласно предписанию, открытие окружного приказа произошло в торжественной обстановке, о чем свидетельствует омский чиновник в своем донесении: «В 10 часов утра поутру собрался перед линией лагеря весь отряд в парад, штаб- и обер-офицеры в полной форме, а нижние чины в мундирах и полном вооружении, пешим строем. К прибытию на площадь при доме, устроенном для дивана, собравшихся близ отряда киргизских [казахских. – Ж. Е.] султанов, старшин и биев <...> сделан тремя пушечными выстрелами сигнал <...> на площадь принесено туда имеющееся при отряде 3-го казачьего полка знамя при конвое одного взвода с трубачами при игрании марша на трубах. Вслед оно маршировал повзводно отряд и выстроился фронтом повыше площади и киргиз перед домом дивана, знамя постановлено в середину отряда при самом собрании. При устройении фронта и собрания читаны одним из переводчиков статьи из высочайше утвержденного в 22 день июня 1822 г. о сибирских киргизах [казахах. – Ж. Е.] устав, переведенные на киргизский [казахский. – Ж. Е.] язык. При прочтении оно, предложено султанам на основании статей того устава избрать добровольно из среды себя старшего султана для управления округом <...> По окончании <...> выборов старшего султана, кандидата его, заседателей, кандидатов их и волостных султанов, на посланных перед домом дивана коврах, принесено муллою, выбранными султанами, заседателями, кандидатами, старшинами, биями и всеми вообще киргизами [казахами. – Ж. Е.] по их вере и закону на коленях всемогущему богу <...> моление, а трубачи перед тем проиграли на молитву. При совершении моления, приведены муллою, по установленной форме перед алкораном по их обряду, все султаны, старшины и бии со всем собравшимся киргизским [казахским. – Ж. Е.] народом на верность подданства, а выбранные старший султан, заседатели, кандидаты их и волостные наличные султаны <...> на верность службы к присяге. Акт клятвенного обещания, составленный на русском

языке и переведенный на киргизский [казахский. – Ж. Е.], читан был муллой; слова его повторяли все присягавшие, а потом акт подписали почетнейшие в народе, равно как и выбранные, старший султан и заседатели, а неумеющие писать прикладывали собственноручно свои печати» [4, с. 211–212]. Приведенная запись свидетельствует о том, насколько серьезно царская администрация относилась к ритуалу открытия округа.

В 1836 г. в Омской области насчитывалось 7 внешних округов – Кокчетавский, Каркаралинский, Аягузский, Акмолинский, Баян-Аульский, Учбулакский, Аман-Карагайский. По национальному составу во внутренних округах русских было 89,84 %, казахов – 9,71 %, а во внешних округах казахов – 99,41 %, а русских – 0,58 % [5, с. 12].

Царская администрация распространяла среди казахов и новую систему суда на основе общеимперских законов. В Уставе в 17 параграфе указано «Для судных разбирательств в аулах и волостях нынешние почетные киргизы [казахи. – Ж. Е.], называемые биями, удерживают свое значение и название» [3, с. 401]. Учитывая традиционный образ жизни кочевого населения, царские чиновники сохранили суд биев на уровне аулов по маловажным исковым делам. Уголовные дела, типа грабежа, государственной измены, неповиновения власти, рассматривали на основе общеимперских законов [3, с. 416–417]. Таким образом, царские чиновники сумели привести обычное степное право казахов в соответствие с общеимперскими законами России при сохранении внутренней автономии местного населения.

По «Уставу о сибирских киргизах» были определены «Сборы и повинности» с казахского населения. Согласно уставу: «§ 128. Каждый округ, со дня введения в оный нового распорядка, пользуется пятилетней льготой от всех податей <...> § 134. По окончании льготного времени собирать с киргизов (казахов. – Ж. Е.) ежегодно ясак скотом со ста голов одну, с верблюдов ясак не собирается» [1, с. 410–411]. Налогообложение казахов предписывалось делать по волостям, один раз в году в летнее время. Устав предписывал создание в каждом округе по две пары лекаря, неподвижные больницы, «...введению между киргизами предохранительной оспы...» [3, с. 418–419].

«Устав о сибирских киргизах» 1822 г. предусматривал казахскому населению заниматься хлебопашеством и отводил по 15 десятин земли на человека, тем самым создал условия к оседлому образу жизни, вести торговлю в степи и «...переходить в другое государственное сословие, селиться внутри империи, вступать в службу и записываться в гильдии, где пожелает, на общих основаниях» [3, с. 414–415; 422].

В Уставе отдельным параграфом было предусмотрено следующее: «§ 128. Киргиз, который первый в округе разведет значительное хлебопашество, пчеловодство и проч., равно и все те, которые окажут в сих делах отличные успехи, получают право на особенную награду...» [3, с. 415]. О том, как это реализовалось в жизни можно узнать из записи журнала Сибирского комитета о награждении казахов, занимающихся земледелием от 30 сентября 1833 г., где отмечено «В заседании 30 сентября рассмотрено представление генерал-губернатора Западной Сибири (от 8 мая 1833 г., № 2684), чтобы некоторым киргизам [казахам. – Ж. Е.] в четырех округах, всего 20 человекам, более прочих отличившимся в заведении хлебопашества, всемиловитейше пожалованы были по уставу о киргизах [казахах. – Ж. Е.] награды, а именно: 1) шестерым – суконные кафтаны с широким галуном, двенадцати – тоже по галунам узким; 2) одно-

му султану, имеющему медаль на Андреевской ленте – подарок и 3) другому султану, имеющему чин коллежского ассесора, жалованное платье и медаль на Александровской ленте – медаль на ленте Андреевской. Сии киргизы [казахи. – Ж. Е.] принялись за хлебопашество с 1830 г. и 1831 г., сеют озимый и яровой хлеб всего на 154 десятинах и 56 загонах большей частью без всякого пособия от казны, а именно, четверым только дано до 25 п. пшеницы на семена, урожаи были частью хорошие» [4, с. 267].

По мере административного, экономического и культурного освоения Казахского края, в 1838 г. было создано «Пограничное управление сибирскими киргизами» и узаконено «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами». Эти нововведения должны были централизовать управление над казахским населением, находящимся под контролем сибирской администрации.

Преобразования в казахской степи охватывали разные направления, определяющие жизнедеятельность местного и пришлого населения. В Казахском крае появились населенные пункты, которые со временем приняли городской статус. В 1855 г. Семипалатинское областное правление предложило ввести городское самоуправление в городах Кокпекты, Аягузе и Капале [4, с. 411]. В ходатайстве генерал-губернатора Западной Сибири в Министерство внутренних дел говорилось о значении Акмолы в последнее 10-летие в связи ростом в нем численности не только казаков, но и торговцев и разночинцев «Стремление торговцев к водворению в Акмолах возрастает ежегодно вследствие успешного развития на сем пункте торговли. Акмолы расположены почти в средоточии Области сибирских киргиз [казахов. – Ж. Е.] на караванном пути из Ташкенда и Хоканда в Петропавловск, и потому киргизы [казахи. – Ж. Е.] стекаются туда во множестве для приобретения необходимых товаров по быту их потребностей. Многие караваны оканчивают там распродажу своих товаров, а гостиный двор, устроенный нашими торговцами, имеет в настоящее время до 70-ти лавок <...> Акмолинское селение станет одним из замечательнейших торговых пунктов Западной Сибири» [4, с. 484]. В 1862 г. министр внутренних дел при согласовании с военным министром и управляющим Министерством финансов поддержал ходатайство генерал-губернатора Западной Сибири о переводе Акмолы в статус окружного города и заключил: «1) Акмолинское селение в Области Сибирских киргиз [казахов. – Ж. Е.] возвести на степень окружного города с предоставлением ему прав, дарованных городам Сергиополю, Кокбектам и Копалу» [4, с. 487].

21 октября 1868 г. император Александр II подписал «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства», согласно которой в Западно-Сибирское генерал-губернаторство вошли Акмолинская и Семипалатинская области. Как отмечено в одном из дореволюционных изданий: «Устав о сибирских киргизах», которым определялась жизнь этой окраины до того, был отменен и было введено новое «Временное положение об управлении в степных областях» <...> киргизские [казахские. – Ж. А.] земли признаны государственной собственностью, предоставленной киргизам [казахам. – Ж. Е.] лишь в общественное пользование, а в управлении введены значительные перемены. Султанская власть и окружные приказы упразднены; киргизам предоставлено народное управление (выборными из своей среды); ясачная подать заменена кибиточным сбором и введены различные другие реформы» [1, с. 175].

Следует отметить, что до принятия «Временного положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства» в 1868 г. в казахской степи руководствовались «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г. Об этом свидетельствует донесение Кокчетавского внешнего окружного приказа специальной комиссии, командированной императором Александром II для проведения административной реформы от 10 августа 1865 г., где отмечено значение выборности старших султанов, заседателей, волостных управителей, аульных старшин, предписанных «Уставом о сибирских киргизах» [4, с. 523].

В 1882 г. было образовано Степное генерал-губернаторство с центром в Омске в составе Акмолинской, Семипалатинской и до 1898 г. Семиреченской области во главе с военными губернаторами, которым предоставлялась военное и гражданское управление в вверенных им областях [1, с. 176]. Степное генерал-губернаторство (неофициальное название Степной край) просуществовало до февраля 1917 г. и контролировало значительную часть территории Казахстана, так называемой Азиатской России.

Организация имперской власти в Казахском крае со стороны сибирской администрации осуществлялось последовательно в зависимости от внешних и внутренних событий. Царские чиновники немало поработали в изучении нового края, обычаев и традиций местного населения, хозяйства, и лишь после этого приступили к преобразованиям, которые привели к установлению имперской власти на местах. Колонизация казахской степи происходила не сразу, а постепенно, по мере её вхождения в состав империи.

«Устав о сибирских киргизах» 1822 г., разработанный сибирским генерал-губернатором графом М. М. Сперанским явился нормативным документом, цель которого заключалась в интеграции казахской степи в имперский мир России. Аналогичный «Устав об управлении инородцев» 1822 г., касающийся бурятов Забайкалья, утвержденный М. М. Сперанским, по словам петербургского ученого И. И. Верняева, «...весьма успешно решал одновременно две задачи: с одной стороны, имперской интеграции «инородцев», с другой – сохранения их относительной автономии в образе жизни и социокультурной сфере» [6, с. 161]. В целом оба устава преследовали цель последовательной интеграции новых территорий Азиатской России в общеимперскую управленческую систему и кодификации внутренней жизни инородцев в соответствии с гражданским кодексом населения внутренних губерний империи.

Революционные события 1917 г. внесли свои коррективы в управление Казахским краем со стороны западно-сибирской администрации. Приход к власти большевиков и установление советской власти на территории бывшей империи привели к ликвидации Степного генерал-губернаторства и размежеванию границ между Западной Сибирью и Казахстаном. С 1920-х гг. начинается новая страница истории Казахской автономной советской республики в составе РСФСР, в дальнейшем ставшей союзной республикой в составе СССР.

1. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 18. Киргизский край. СПб., 1903. 479 с.

2. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М.: Мысль, 1987. 430 с.

3. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под общ. ред. академика М. К. Козыбаева. Алматы : Санат, 1996. 656 с.
4. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы) : сб. документов и материалов. Алма-Ата : Наука, 1964. 576 с.
5. *Ремнев А. В.* История образования Омской области // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.) : Междунар. науч. конф., посвященная 175-летию образования Омской области : тезисы докладов и сообщений. Омск : Омский госуниверситет, 1998. С. 6–14.
6. *Верняев И. И.* Бурятское общество и сибирский генерал-губернатор Михаил Сперанский // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 148–163.

УДК 316.722

Е. А. Ерохина

ИНТЕГРАЦИЯ VS ОРИЕНТАЛИЗАЦИЯ: СИБИРЬ КАК МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКЦИЯХ ОБЛАСТНИЧЕСТВА

Статья посвящена принципу «единство в многообразии» как методологическому инструменту, позволяющему описывать этнокультурное разнообразие России в контексте ее существования как единого государства и локальной цивилизации. Делается вывод о том, что принципы совместного существования этносов в пространстве и структуре российской цивилизации могут быть эксплицированы благодаря обращению к широкому кругу философских и научных идей, в том числе социологической и исторической концепции сибирских областников, содержащей представление о многообразии путей развития разных народов при единстве развития человечества как целого.

Ключевые слова: этническое многообразие, интеграция, российская цивилизация, народность, Сибирь, областничество.

Е. А. Erokhina

INTEGRATION OF VS ORIENTATION: SIBERIA AS AN INTERETHNIC COMMUNITY IN GEOPOLITICAL PROJECTIONS OF OBLASTNICHESTVO

The article focuses on the “unity in diversity” principle as a methodological instrument which allows to describe the ethnocultural diversity of Russia in the context of its existence as a state and local civilization. It is concluded that the principle of co-existence of ethnoses in space and in the structure of the Russian civilization can be explicated with the help of a wide circle of philosophical ideas, including sociological and historical conception of Siberian regionalists (oblastnics) which contains the idea

of a variety of developmental paths of different civilizations while maintaining the development of humankind as a single whole.

Keywords: ethnic diversity, integration, Russian civilization, narodnost, Siberia, oblastnichestvo.

Геополитическая формула «Россия (как самостоятельная цивилизация) в Евразии» оказывается сегодня наиболее востребованной в концептуальном пространстве этнолого-антропологического знания. Многие исследователи (В. А. Авксентьев, Б. В. Аксумов, В. Ю. Зорин, Ю. В. Попков, В. А. Тишков и др.) утверждают в своих работах реальность существования российской цивилизации как социокультурной системы, объединяющей народы России в гражданское сообщество россиян [1–4].

Между тем российская цивилизация является продуктом не только новейшей, но и новой истории. Существование российской цивилизации конституируется наличием особых институционально-нормативных механизмов (моделей и практик) управления и аксиологических принципов самоорганизации общества. Институционально-нормативные механизмы российской цивилизации в сфере регулирования межэтнических отношений репрезентированы моделями социальной (имперской, национальной, советской) интеграции [5]. Аксиологические приоритеты могут быть выявлены через обращение к ментально-ценностным ориентациям общественного сознания россиян. С этой точки зрения полезно обратиться к наследию тех ученых, которые посвятили изучению этнического многообразия России свою профессиональную жизнь: этнографов, географов, востоковедов.

С начала XVIII до середины XIX в. на роль значимых научных парадигм претендовали эволюционизм и ориенталистский дихотомизм, в соответствии с которым часть народов Российской империи была искусственно отнесена к европейским, а часть – к азиатским. Однако, оставаясь в глазах Запада Востоком, российская политическая элита и научное сообщество вынуждены были творчески адаптировать западные научные доктрины к социокультурным условиям России. В этой связи чрезвычайно интересными для исследователя в качестве «кейсов», отражающих запросы общества, оказываются проекты, связанные с развитием определенных территорий, наделенных противоречивыми характеристиками, соединяющими «западные» и «восточные» элементы. Такой территорией является Сибирь, где довольно рано сформировалось региональное самосознание при относительно невысоком градусе сепаратистских настроений, а таким проектом – областничество, которое, по мнению российского историка А. В. Ремнева, содержало слой пред-евразийских идей [6, с. 202–203].

Восприятие Россией себя как особого рода целостности сопровождалось конструированием границ между Россией и не-Россией в общественном сознании россиян. В этом процессе особую роль играла Сибирь как «другая Россия» [7]. Нужды и потребности сибиряков, в том числе и коренных народов Сибири, оказались в центре внимания деятелей сибирского областничества, добивавшихся децентрализации политической власти, уменьшения социальной дистанции и смягчения диспропорций в развитии центра и периферии, уважения к личности и к праву территорий на развитие. По мере того как Сибирь утрачивала черты далекой окраины в общественном сознании россиян,

образ Сибири «включался» в ядерные структуры российского и собственно русского национального самосознания как органическая часть самохарактеристики.

Предпосылки преодоления эволюционизма и ориентализма как методологических и аксиологических ориентиров российской науки формируются под влиянием внешних, в том числе политических, факторов и изменений в общественном сознании. В числе внешних факторов влияния обращает на себя внимание факт поражения России в Крымской войне, что обусловило переориентацию геополитической активности России с европейско-ближневосточного направления на восточное направление, на Сибирь и Дальний Восток. Рубеж XIX и XX веков подвел итог первой «евразийской интермедии» [8].

В числе внутривосточных обстоятельств обращают на себя внимание процессы этнической мобилизации народов Российской империи. Стремясь избежать сепаратизма и обвинений в колониализме, российская власть оказывается вынужденной, вопреки своим европоцентристским ориентациям, идти на сближение с этническими элитами для избегания оценок собственных действий как несправедливых [6, с. 203; 9, с. 109–127].

Наконец, важно отметить изменение отношения россиян к Азиатской России, к Дальнему Востоку и Сибири, которые в течение XIX в. претерпевают трансформацию своего геополитического статуса. Из окраины они превращаются во внутреннюю периферию России. В этой связи примечательно, как отмечает в своем исследовании историк Т. А. Кузнецова, изменение отношения исследователей, сотрудничавших с Императорским Русским Географическим Обществом (ИРГО), к восточным окраинам Российской империи. Если до 1890-х гг. в текстах авторов, публиковавшихся на страницах периодических изданий ИРГО, регулярными были сочетания с топонимом «Сибирь» слов «колония», «колонизация» («сподручная колония России», «земледельческая колония», «отдаленная колония» и др.), то в 1890-х гг. колониальная риторика уступает место признанию за восточными областями, такими как, например, Сибирь и Дальний Восток, регионального статуса. «В публикациях этого времени исследователи начали чаще упоминать слова «окраина», «провинция». Показательно усиление приближенности Сибири к России при помощи местоимений «наша», «наши»: наша Сибирь, наш Дальний Восток, наша восточная окраина и др.» [10, с. 15].

На смену пугающему образу «дикой земли», нуждающейся в цивилизационном «окультуривании», приходит представление о ней как о «русской Америке», стране предприимчивых людей с сильным здоровым характером, которые при этом, как писал в конце XIX в. известный исследователь А. Н. Пыпин, лишены высокомерия по отношению к сибирским народам [11, с. 276–323]. По мнению Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и других областников, в Сибири под влиянием природно-климатических факторов и взаимодействия с коренными сибирскими народами («инородцами») сформировался новый этнографический тип русского славянского народа [12, с. 105]. Эта позиция позволила взглянуть на Сибирь как на «русскую» территорию, «родную землю».

Между тем по мере усиления европоцентристских тенденций в сфере государственного строительства социальная дистанция между русскими и нерусскими, прежде всего финно-угорскими и тюрко-монгольскими народами России, начинает

увеличиваться. Эта дистанция в Российской империи оказывается большей, нежели в Московском царстве. На это указывает и смена лексики. Так, например, «иноземцы», как именовались все без различия иностранцы в России, в том числе и аборигенные народы Сибири, превращаются за два века в «инородцев», статус которых в европеизирующемся русском самосознании приобрел черты неполноценности [13]. Осознание неравенства, в том числе основанного на этническом различии, осмысливается учеными и общественными деятелями во второй половине XIX в.

Ярким примером соединения гражданской и научной позиции является творческое наследие сибирского областничества. По мнению Е. П. Ковалешкиной, именно областники сыграли важную роль в формировании идеи сотрудничества народов Востока и Запада в историческом процессе как альтернативы эволюционизму [14, с. 14–16]. В этой связи методологический анализ областнических идей оказывается незаменимым для выявления императивов общественного сознания россиян. Подавляющее большинство деятелей областнического движения были выходцами из разночинской среды. Это позволяет связать их взгляды на всемирную историю и место народов России в ее развитии с широким общественным запросом.

Как показал в своих исследованиях М. В. Шиловский, концептуальная основа научной и общественно-политической деятельности областников базировалась, с одной стороны, на своеобразной адаптации западных социальных доктрин к историческому опыту России, с другой стороны, на этнографических исследованиях Центральной Азии, предпринятых ими в качестве членов ИРГО во второй половине XIX в. Речь идет о комплексном изучении историко-культурного наследия и современного им состояния населения Азиатской России и сопредельных ей территорий. Г. Н. Потаниным и его коллегами, русскими географами и путешественниками, был осуществлен целый ряд экспедиционных исследований в Северной и Центральной части Евразии. Серия ярких научных открытий позволила выявить существование на территории Азии в древности городов, письменности и прочих атрибутов так называемой «цивилизации» в ее европейском понимании [12]. Речь идет о находках орхонских рунических надписей и их последующей расшифровке, обнаружении тюрко-монгольских мифологических сюжетов в европейской эпической традиции, археологических раскопках древних городов и т. п.

Усилиями областников на рубеже XIX и XX веков свершается научная революция: Сибирь и Центральная Азия превращаются в регионы, сыгравшие особую роль в истории Евразии – роль колыбели всех европейских и азиатских народов. Как убедительно продемонстрировала Л. И. Шерстова, накопленный в последней трети XIX в. этнографический материал свидетельствовал о сходстве элементов культур народов Востока и Запада. Наиболее полно это сходство прослеживалось в сюжетах мифов, сказок и легенд. Г. Н. Потанин, который сам собирал полевой фольклорно-этнографический материал в своих экспедициях по Центральной Азии и использовал его для сравнительных сопоставлений, объяснял это обстоятельство единством законов человеческого мышления и заимствованиями. Исследовательская работа позволила ему сформулировать тезис о глубоком влиянии культур народов Азии на западно-европейскую культуру, что пришло в противоречие с господствующим на тот момент времени европоцентрист-

ским взглядом на историю. Однако трудно согласиться с выводом Шерстовой о том, что его новаторские идеи оказались неочтенными современниками и почти не понятыми потомками [15].

Вклад областников в понимание сибирского макрорегиона не как азиатского, а как евроазиатского проблематизировал С. В. Селиверстов. Этот вклад может быть сформулирован следующим положением: «главная особенность российской колонизации и геополитики заключается в географической связанности, интегрированности национально-государственной территории и отсутствии четко выраженных культурно-исторических различий между метрополией и колонией» [16, с. 107]. Вслед за А. В. Ремневым Селиверстов выделяет слой предевразийских идей в содержании научной концепции сибирского областничества.

Как отмечают А. Д. Агеев и Е. А. Макарова, главное отличие истории Сибири от истории, например, Америки заключается в характере взаимоотношений между аборигенными народами и пришлыми мигрантами. Если американцы территории завоевывали, то русские, скорее, осваивали. В одном случае происходило подавление одних народов другими, в другом – взаимопроникновение культур. В итоге «взаимная ассимиляция являлась главной чертой продолжавшегося антропогенеза теперь уже «русско-сибирской», или евразийской цивилизации» [17, с. 230]. «И тот факт, что коренные народы сохранили свою этническую жизнеспособность, видится Потанину и Ядринцеву самым позитивным в истории освоения Сибири» [18, с. 55].

Обзор социологических и исторических воззрений деятелей сибирского областничества убеждает в обоснованности методологической модели «единство в многообразии» применительно к оценке этнического разнообразия России. Данная модель позволяет соотнести глобальный (цивилизационный) контекст социокультурной динамики с локальным (этническим) контекстом и еще раз подчеркнуть значимость обитаемого пространства как пространства социальной интеграции народов, связанных месторазвитием, даже если в иных (этническом, религиозном, лингвистическом, конфессиональном) отношениях их разделяет культурная дистанция. Модель «единство в многообразии» адекватно описывает геополитический контекст, в котором существует полиэтничный российский социум, а также принцип межэтнической интеграции в структуре российской цивилизации.

Предпринятый анализ также позволил выявить главный аксиологический императив областнической концепции исторического процесса: связь между идеей равенства народов и их правом на сохранение своей самобытности [19]. Эта идея, на наш взгляд, глубоко укоренена в общественном сознании россиян [20]. Связь между эгалитарностью и культурной самобытностью наглядно выступает при анализе лексемы «народный». В русском языке слово «народный» имеет два значения: 1) народный как принадлежащий всем членам общности без исключения (признак эгалитаризма); 2) народный как отражающий дух и характер общности (этнонациональный признак). Оба смысловых значения являются равноправными и не могут быть редуцированы одно к другому. Это предполагает, что народность как ценностный ориентир совместного существования этносов в пространстве и структуре российской цивилизации может быть эксплицирована благодаря обращению к широкому кругу философских

и научных идей, содержащих концепт народность как базовый для описания этнического разнообразия России.

1. *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В.* Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования (Социс). 2010. № 12. С. 18–27.

2. *Зорин В. Ю.* Стратегия государственной национальной политики: традиционность и новые подходы к укреплению единства многонационального народа России (российской нации) // X Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов (Москва, 2–6 июля 2013). М. : ИЭА РАН, 2013. С. I–XII.

3. *Попков Ю. В.* Заключение // Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Нонпарель, 2010. 449 с.

4. *Тишков В. А.* Российский народ. Книга для учителя. М. : Просвещение, 2010. 223 с.

5. *Ерохина Е. А.* Проблема этнокультурного многообразия и принципы государственного строительства // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 3. С. 80–86.

6. *Ремнев А. В.* Внутренняя геополитика азиатской России конца XIX – начала XX вв. // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск : Параллель, 2011. С. 184–203.

7. *Родигина Н. Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : НГПУ, 2006. 343 с.

8. *Цымбурский В. Л.* Циклы «похищения Европы» (Большое примечание к статье «Остров Россия» // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995. Т. 2. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment (дата обращения: 12.02.2017).

9. *Ремнев А. В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3(62). С. 109–128.

10. *Кузнецова Т. А.* Тема Сибири в периодических изданиях Императорского Русского географического общества второй половины XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 28 с.

11. *Пыпин А. Н.* Русская народность в Сибири // Вестник Европы. 1892. № 1. С. 276–323.

12. *Шиловский М. В.* Сибирские корни евразийства // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск : НГУ, 1999. Вып. 1: Культурный космос Евразии. С. 102–111.

13. *Люцидарская А. А.* От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур : тезисы междунар. науч. конф. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1995. Т. II. С. 165–169.

14. *Ковалышкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областнической мысли : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 21 с.

15. *Шерстова Л. И.* Этнографическая проблематика в труде Г. Н. Потанина «Очерки северо-Западной Монголии». Непреходящая актуальность и современное восприятие // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 15–18.

16. *Селиверстов С. В.* Г. Н. Потанин: Сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 3. С. 107–155.

17. *Агеев А. Д.* Сибирь и американский запад: движение фронтиров. М. : Аспект-Пресс, 2005. 334 с.

18. *Макарова Е. А.* Посмертный диалог Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина (на материале писем и архивных документов) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 54–59.

19. *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М. : Изд-во тов-ва И. Н. Кушнеров и К°, 1899. 893 с.

20. *Ерохина Е. А.* Концепт «народность» в судьбе и наследии российской геополитики // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10. Вып. 4. С. 88–94.

УДК 94 (571).083

Г. М. Запорожченко

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЗАДАЧ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА

На основе результатов всестороннего изучения деятельности потребительской кооперации в Сибири в конце XIX – начале XX вв. в статье сделаны выводы о соответствии ее развития содержанию имперской политики в отношении глобальных задач колонизации восточных территорий. Хозяйственная деятельность кооперации, система кооперативных союзов генерировали объединительный импульс, интегрируя центр и периферию, развивая внутрисибирские связи. Открытость кооперации, ее конфессиональный и этнический индифферентизм совпадали с задачей центра сформировать в Сибири русскую идентичность. Особую актуальность в условиях гражданского противостояния эпохи войн и революций имела политическая позиция кооперации, выступавшей за мирный эволюционный путь реорганизации общественного и хозяйственного строя. Испытывая давление местных центров государственной власти, кооперация, являясь агентом модернизации, апеллировала к имперской власти как к источнику современных решений.

Ключевые слова: потребительская кооперация, колонизация восточных территорий, социально-экономическое развитие, общественно-культурная деятельность, Сибирь.

*G. M. Zaporozhchenko***CONSUMER COOPERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES THE IMPERIAL POLICY OF THE EARLY XX CENTURY**

Based on the results of a comprehensive study of the activities of consumer cooperation in Siberia in the late XIX – early XX centuries the author draws conclusions on the compliance of its development to the content of the Imperial policy toward the global challenges of the colonization of the Eastern territories. The economic activities of cooperative societies, cooperative unions generated a unifying impulse, integrating the center and the periphery, developing connection inside of Siberia. The openness of societies, its religious and ethnic indifference coincided with the center's task to create in Siberia the Russian identity. In conditions of civil strife, the era of wars and revolutions, of particular relevance was the political stance of cooperatives, which advocated a peaceful evolutionary way of reorganization of social and economic order. Feeling the pressure of the local centers of state power, cooperation, as an agent of modernization, has appealed to the Imperial government as to the source of modern solutions.

Keywords: consumer cooperation, the colonization of the Eastern territories, socio-economic development, socio-cultural activities, Siberia.

Предпринятое в историографии в последние десятилетия теоретическое осмысление места и роли кооперации в модернизационных процессах, которые обозначились в России на рубеже XIX– начала XX вв., позволяет ввести кооперативную тематику в проблемное поле исследований государственной имперской политики в отношении глобальных задач колонизации восточных территорий. Комплексное изучение кооперативного опыта общественно-экономической самоорганизации населения в работах И. Е. Файна, А. П. Корелина, К. Е. Балдина, В. В. Кабанова, Ким Чан Чжина, А. В. Лубкова, Е. Ю. Болотовой, А. В. Соболева и др., на сибирском материале – И. А. Корякова, Л. Х. Коряковой, М. В. Гузик, В. К. Алексеевой, Г. М. Малаховой, Е. М. Чедуровой, Н. И. Бурнашевой, В. В. Аксарина, И. Б. Ломакиной, Б. С. Старина, А. Н. Макеева, М. В. Пановой, А. Г. Сыщенко, А. П. Анашкина, Ю. С. Левашова, А. В. Иванова, О. А. Баранова, Т. А. Константиновой, О. В. Чудакова резюмируется в характеристиках потребительской кооперации как наиболее массовой общественно-экономической организации, ставшей важным компонентом рыночных отношений и средством жизнеобеспечения населения в условиях рыночной экономики. Всеобщее признание получили представления о важном цивилизационном аспекте кооперативных форм объединения ввиду множественности функций кооперации, о роли дореволюционной потребительской кооперации в процессе модернизационного перехода как эффективного механизма регулирования хозяйственно-экономических и социальных отношений.

Источниковая база для введения кооперативной тематики в русло «имперской ситуации» имеет комплексный характер [1]. Наиболее систематизированные представления по кооперативному вопросу содержатся в законодательных и нормативных актах, документах Министерства внутренних дел, Департамента полиции и губернаторов.

Отразившийся в них государственный взгляд на кооперативное движение имеет ярко выраженную охранительную направленность. Привлечение материалов кооперативных организаций, кооперативной общественности, министерств, ведавших торговлей и финансами, органов местного самоуправления, периодической печати, детализирующих и расширяющих представления об основных направлениях хозяйственной и общественно-культурной деятельности потребительных обществ и союзов, позволяет сделать объективные выводы об участии кооперации в имперском проекте колонизации.

В качестве основных составляющих имперской политики «внутренней колонизации» исследователи выделяют процессы «оцентрирования» новой территории (путем установления региональных центров государственной власти), «обрусения» территории (путем ее интенсивной земледельческой и промышленной колонизации, распространения на окраины реформ, апробированных в центре страны), экономической и социокультурной модернизации. Региональная политика империи преследовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой, административной и народонаселенческой однородности [2, с. 345]. В контексте этих процессов рассмотрим различные аспекты деятельности в Сибири городской потребительской кооперации.

Развитие потребительской кооперации в сибирских городах началось в 1890-е гг. и определялось общими для Российской империи социально-экономическими и политическими процессами, промышленной модернизацией, урбанизацией, прогрессированием культурной сферы. Потребительские кооперативы встраивались в социально-экономическую структуру городских поселений в силу недостаточной развитости розничной торговли для низкодоходных групп населения и системы снабжения и питания находящегося в пути экстерриториального состава поездных и судоходных бригад.

В целом в городских поселениях Сибири в дореволюционный период было образовано более 110 потребительских кооперативов. Устойчивый рост городской потребительской кооперации в регионе начался с 1912 г. Первая мировая война явилась мощным катализатором кооперативного движения. На 1 января 1917 г. в Сибири насчитывалось около 1 тыс. потребительских кооперативов из 5 тыс. кооперативов всех видов с 500 тыс. членами. С учетом членов семей кооператоров они обслуживали 2 млн чел. или 22 % населения [3, с. 11]. В процентном отношении доля городских обществ по сравнению с сельскими в общем количестве потребительских кооперативов Сибири была невелика и постоянно снижалась – с 5,2 %, в 1912 г. до 1,6 % в 1917 г. [4, с. 101], что объяснялось большим количеством учрежденных в деревнях мелких потребительских кооперативов. Но по численности, размаху деятельности, величине оборотов городские кооперативы заметно превосходили сельские. Вместе с членами семей пайщиков с потребительскими кооперативами было связано до трети горожан, обороты на одно общество достигали полумиллиона рублей в год. На малочисленные, в сравнении с сельскими, городские и рабочие кооперативы приходилось почти 30 % от общего товарооборота сибирской потребительской кооперации, достигшего к 1917 г. 20 млн руб.

Торговая сеть городских кооперативов постоянно расширялась, что позволило им стать монополистами на местном рынке, когда в условиях товарного и транспортного

кризисов в годы Первой мировой войны закрывались частные торговые предприятия. Кооперативная торговля и производство (хлебопечение, помол муки и крупы, кожевенное, мыловаренное, консервное, веревочное, изготовление и ремонт одежды и обуви), выплата дивидендов существенно отражались на жизнеобеспечении пайщиков.

С точки зрения имперской «окраинной» политики важно, что кооперация, для которой идеи интеграции являлись стержневыми, способствовала углублению и расширению хозяйственных и торговых связей. Городские общества стояли у истоков создания большинства сибирских кооперативных союзов, которые играли ключевую роль в товароснабжении низовой сети, населения и армии, решении комплекса социально-бытовых и культурных задач. Так, все население Томской губернии было поделено между кооперативами: «Томский кооператор» обслуживал примерно 422,4 тыс. чел., Мариинский кооператив – 270 тыс., Мариинский союз кредитных товариществ – 147 963, «Обский кооператор» – 357 288 и т. д. из общего количества населения Томской губернии 4 071 018 чел. [5]. Таким же образом было охвачено кооперативным снабжением население других губерний.

Кооперативные торговля и производство способствовали разветвлению и упрочению внутрисибирских и внутривосточных экономических связей, увеличивая потоки сырья и продукции и расширяя их географию. Каким другим способом отдаленные области обширного сибирского края могли обмениваться сырьем и товарами, если бы это не взяла на себя кооперация с её демократической ценовой политикой? Например, «Томский кооператор» снабжал население отрезанного от Томска в период распутицы Нарымского края продуктами и предметами первой необходимости – мукой, солью, сахаром, орудиями рыболовства и теплой одеждой, сбывая, в свою очередь, продукцию местных промыслов нарымчан – рыбу и орехи [6].

Кооперация, возникая в самых глухих углах, способствовала развитию местных поселений, «приближая» их к экономическим и транспортным центрам. Описывая зарождение кооператива в одной из деревень Приангарья в 1916 г., современник писал: «Приангарский край Енисейского уезда, это две волости – Кежемская и Пинчугская, растянувшиеся вдоль реки Ангары свыше чем на 600 верст вдоль по ее течению. Крайне редкое население, малокультурное, почти на 9/10 неграмотное, живет совершенно оторвано от всего остального мира. Никаких железных дорог здесь нет, и зимой и летом сообщение поддерживается только по реке – летом на лодках, зимой на лошадях. До мало-мальски культурных пунктов хоть три года скачи, не доскачешь: до губернского города 700–1000 верст, до уездного – 400–700» [7, с. 273]. Возникавшие по всей Сибири, в том числе в инородческих районах, потребительные общества, работавшие на принятых кооператорами всего мира рочдельских принципах, усиливали интеграцию этих территорий в общеимперскую общественно-экономическую жизнь.

Векторы имперской политики и кооперативного движения сходились в таком знаковом для Сибири феномене, как политическая ссылка. Нормальный устав потребительных обществ позволял ссылке вступать в кооперативы в местностях, предназначенных для их водворения на жительство. Рост русского населения в Азиатской России являлся важным приоритетом правительственной политики на имперской периферии и политсылы как часть миграционного потока несли с собой опыт участия в коопе-

ративном движении центра страны, становясь главными работниками в кооперативах, особенно в Восточной Сибири. Так, полицейские власти в 1916 г. констатировали, что «небывалый рост кооперативного движения в Иркутской губернии возглавляют почти исключительно политические поселенцы» [8. Л. 5].

На примере ссыльных в кооперации проявлялась управленческая проблема центра и региона, когда позиции центральных и местных властей во взглядах на окраинные нужды могли не совпадать. Местная администрация, сильнее заинтересованная в стабильности и четких ориентирах, сурово обходилась с политссыльными, удаляла их из состава кооперативов, запрещала присутствовать на собраниях и съездах. Когда у ссыльных доставало решимости отстаивать свои права в высших инстанциях, последние, как правило, давали благоприятный исход делу [9, с. 220–223]. Если считается, что уголовная и политическая ссылка отягощала местные финансы и развращающе действовала на сибиряков, то эту же сторону медали нельзя не отметить и в отношении кооперации. Партийные активисты, прежде всего большевистского направления, развивая кооперацию, подчиняли ее ресурсы партийным задачам.

Управленческая проблема центра и региона проявилась также и в вопросе учреждения потребительных обществ. Разрешительный порядок их учреждения в Российской империи (в отличие от явочного порядка в странах Западной Европы) несколько смягчался наличием Нормального устава, но имел ряд недостатков: учредители полностью зависели от усмотрения губернатора, полагавшегося в своем мнении на полицейские власти, которые давали заключения о благонадежности учредителей и необходимости в данной местности потребительской организации. Для этого местные власти требовали сведения о списке членов и размере паевого капитала еще не открытого общества. Тормозящее влияние на развитие кооперации этих требований усугублялось в Сибири расстояниями и общей отсталостью населения [10, с. 621].

Хозяйственно-экономические аспекты в деятельности кооперации тесно переплетались с социальными. В период 1912–1917 гг. потребительская кооперация в городах Сибири становилась наиболее массовой и организованной частью городского социума, постепенно выстраивала связи на местном, региональном и общероссийском уровне с городскими корпорациями, общественными организациями, органами власти. Превращению кооперации в самостоятельный источник влияния на местную жизнь способствовала ее культурная работа при опоре на широкую деятельность Московского союза потребительных обществ, кооперативную прессу, инструкторов, культуртрегеров, что порождало общность деятельностных и ментальных процессов в центре и на окраинах. В Сибири распространялись центральные и местные кооперативные периодические издания. Создаваемые кооперативами многочисленные площадки для общения и проведения культурного досуга способствовали продвижению в сибирскую провинцию стандартов быта и нравов, присущих крупным городским центрам.

Легальные возможности для культурной работы были настолько узкие, что кооператоры называли ее проведение «фактически контрабандой». Необходимость детального согласования с губернской властью культурных мероприятий не позволяла в полной мере пользоваться предоставленными в этой области Нормальным уставом возможностями. Так, правление кооператива «Сотрудник» в Барнауле в мае 1916 г.

вынуждено было срочно командировать одного из сотрудников в Томск за губернаторским разрешением на проведение лекции известного инструктора Московского союза потребительских обществ. Задержка с разрешением повлекла отмену актуального мероприятия, так как лектор, совершавший турне по всей России, останавливался в Барнауле проездом. По этому и целому ряду подобных случаев кооператоры отмечали, что в Томской губернии кооперация вынуждена работать, «смежив уста» [11, с. 222]. По формальному поводу в феврале 1916 г. Акмолинским губернатором П. П. Кандидовым были запрещены знаменитые кооперативные четверги в Омском городском обществе потребителей. Зависимость от субъективных решений местных центров власти была одной из причин для кооперативной общественности выступать за модернизацию кооперативного законодательства.

Расхождение интересов имперского центра и окраин чувствовалось в настойчивом желании кооперации наращивать местные ресурсы вертикальной мобильности в области всех ступеней образования. Тезис о том, что метрополия «высасывала не только материальные, но и духовные силы Сибири, централизовав всю научную деятельность и систему высшего образования» [2, с. 353], не был лишен оснований. Кооперативы финансировали школы для детей, устраивали воскресные школы для неграмотного взрослого населения, курсы по кооперативному счетоводству. С идеей образования и просвещения была тесно связана деятельность по созданию библиотек и читален. Образовательные и досуговые цели преследовались при организации кооперативных клубов и Народных домов как центров кооперативной и культурной жизни.

Городская кооперация Восточной Сибири основала «Общество Народного университета» и фонд с ежегодным отчислением 50 % прибыли от посторонних для учреждения второго регионального университета и ходатайствовала о его основании в Иркутске перед председателем Государственной думы М. В. Родзянко, депутатами Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенским, министром народного просвещения [12, с. 766]. Потребительская и кредитная кооперация Мариинского уезда Томской губ. в марте 1916 г. приступила к созданию Мариинской кооперативной школы. Делегат съезда, на котором была выдвинута эта идея, отмечал: «Первый раз за три дня работы собрание разразилось шумными аплодисментами и единогласно принимает решение» [13, с. 449]. В 1916 г. Омский городской кооператив решил производить значительные отчисления от прибыли (10–12 тыс. руб. ежегодно за счет надбавки 1 % к продажной цене товаров) в пользу Народного университета в Омске [14].

Особую актуальность для судеб имперского строя в условиях мировой войны имела политическая позиция кооперации. Наибольшим влиянием в кооперативном активе пользовались меньшевики и эсеры. Влияние социал-демократов (большевиков и меньшевиков) распространялось главным образом на потребительские кооперативы с большой прослойкой рабочих, такие как «Трудовой союз» в Чите, «Самодетельность» в Красноярске, «Экономия» в Верхнеудинске, а также на аппараты управления отдельных кооперативных союзов, например Областного союза Забайкальских кооперативов под председательством известного социал-демократа А. А. Войлошникова. Несмотря на присутствие в кооперативах тех или иных политических сил, радикальные политизированные выступления партийных активистов далеко не всегда получа-

ли полную поддержку пайщиков даже в рабочих обществах потребителей. Для большинства пайщиков приоритетными оставались экономические мотивации и желание заниматься собственно кооперативной работой.

Таким образом, результаты деятельности кооперации, в основе которой лежали идеи интеграции и коммуникации, соответствовали ключевым составляющим имперской политики колонизации восточных территорий, поиска ресурсов обеспечения безопасности и устойчивости империи т. п. Отвечая экономическим мотивам освоения новых территорий, потребительская кооперация способствовала углублению и расширению хозяйственных и торговых связей, «приближала» отдаленные поселения, в том числе инородческие, к железнодорожным артериям и административным центрам; в социальной сфере – повышала качество жизни. Открытость кооперации, ее конфессиональный и этнический индифферентизм совпадали с задачей центра сформировать в Сибири русскую идентичность. Отвечая на сепаратистские фобии имперского центра в отношении Сибири, кооперация генерировала объединительный импульс, интегрируя центр и периферию. Особую актуальность в условиях гражданского противостояния эпохи войн и революций имела политическая позиция кооперации. Несмотря на значительное влияние политических партий практика городской кооперации детерминировалась преимущественно экономическими, а не идейно-политическими факторами, большинство пайщиков сознательно или спонтанно поддерживали идеологию мирного эволюционного пути реорганизации общественного и хозяйственного строя. Все это поддерживало интеграционные усилия центра и совпадало с его векторами.

В то же время потребительская кооперация, выступая органичной частью модернизационных процессов в экономике и социально-культурной сфере сибирской провинции, не всегда получала поддержку местной власти, ущемлявшей ее свободную деятельность в рамках Нормального устава в отношении учреждения кооперативов, членства, общественно-культурной работы. В этих вопросах, как и в желании модернизировать в крае социокультурное пространство и инфраструктуру вертикальной мобильности, кооперация апеллировала к имперской власти как к источнику современных решений.

1. *Запорожченко Г. М.* Городская потребительская кооперация Сибири в начале XX в.: источниковедческий аспект // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 66–70.

2. *Ремнев А. В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3/4. С. 343–358.

3. Известия Общества потребителей Забайкальской железной дороги. 1917. № 2.

4. *Махов В. Н.* Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития. Материалы по истории кооперации (1898–1920 гг.). Новониколаевск : Сиб. отд-ние Центросоюза, 1923. 243 с.

5. Утро Сибири. 1916. 21 октября.

6. Сибирская жизнь. 1916. 4 августа.

7. Союз потребителей. 1916. № 7–8.

8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДПОО. 1917. Д. 9, ч. 27, лит. Б.
9. *Запорожченко Г. М.* Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX века. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления / отв. ред. А. А. Николаев. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, изд-во Сибпринт, 2015. 540 с.
10. *Байкалов А. В.* Тормозы кооперации // *Союз потребителей.* 1916. № 18.
11. *Союз потребителей.* 1916. № 6.
12. *Кооперативная жизнь.* 1916. № 15–16.
13. *Союз потребителей.* 1916. № 14.
14. *Омский телеграф.* 1916. 25 дек.; *Сибирская жизнь.* 1917. 5 февраля.

УДК 94.323.2+950(=574) “18/19”

Г. Б. Избасарова

ПОНЯТИЕ АМАНАТСТВА В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ КАЗАХОВ И ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ДАННОГО ИНСТИТУТА В XVIII ВЕКЕ*

В статье рассматривается изменение понятия аманатства в кочевом обществе казахов после присоединения Младшего жуза казахов к Российской империи в XVIII в. Изучается восприятие кочевниками нового значения аманатства как заложничества. Аманатство как заложничество подвергаются анализу, как гарантия исполнения обязательств, как средство удержания казахских правителей в рамках послушания. Рассматривается положение хана Младшего жуза Абулхаира после отправки сыновей в заложники и отношение к нему представителей традиционного казахского общества.

Ключевые слова: аманат, Абулхаир, казахское традиционное общество, Российская империя, казахско-российские отношения, хан, Оренбургский край.

G. B. Izbassarova

THE CONCEPT OF AMANATSTVO IN KAZAKHS' NOMADIC SOCIETY AND INFLUENCE OF THE RUSSIAN EMPIRE POLICY ON THE TRANSFORMATION OF THIS INSTITUTE IN THE XVIII CENTURY

The article studies the concept change of an amanatstvo in Kazakhs' nomadic society after a merge of the Kazakhs' Junior horde to the Russian Empire in the XVIII century. The perception of a new value of an amanatstvo as hostages by nomads is studied. Amanatstvo – hostage-taking is analyzed as a guarantee of the obligations fulfillment, as a way of retaining Kazakh rulers within obedience. The article considers

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта № №17-18-01008.

the position of the Junior horde khan Abulkhair after sending sons in hostages and the attitude of traditional Kazakh society representatives towards him.

Keywords: amanat, Abulkhair, Kazakh traditional society, the Russian Empire, the Kazakh-Russian relations, Khan, the Orenburg region.

Обычай брать аманатов из аристократического рода, сыновей или братьев правителей уходит своими корнями в древность. После включения в состав России казахов Младшего и Среднего жузов, важнейшей задачей стало удержание их в империи. С самого начала присоединения казахов к России по отношению к ним правительство использовало такой рычаг воздействия, как взятие в аманаты (заложники) детей ханов, а затем и старшин.

Понятие аманатства в казахском обществе имело широкий смысл. Необходимо выделить несколько его толкований. Так, например, в энциклопедии по этнографии казахского народа дается нижеследующее определение. «Аманат – понятие, имеющее правовое, морально-этическое значение в традиционной среде. Обычай, возлагающий большие надежды и ответственность в отношениях между людьми в процессе социализации. Имущество, вещи или скот, порученный на хранение одним человеком другому. В аманаты отдавали и человека. Человек, собирающийся в дальнюю дорогу, а также перед смертью поручал детей, остающихся без попечения родных, и нажитое имущество верным, доверенным людям с большой душой. В традиционной среде причинение вреда аманату человеком, взявшим аманат, при любых сложных обстоятельствах считалось непростительным грехом перед Всевышним. В казахском понятии человек, взявший аманат, до возвращения его был в долгах перед Богом, отвечал своим достоинством и жизнью» (пер. авт. статьи) [1, с. 168].

Следующее понимание аманатства среди кочевников – это наказ и обязанность. Первоначально казахская верхушка воспринимала аманатство, по-видимому, в данном толковании. Так, например, даже в указе Российской императрицы отмечалось, что «введенное издавна обыкновение содержать в Оренбурге в аманатах киргиз-кайсацких ханов детей, которые для них всегда и не малым обязательством служили» [2, Л. 45].

В институте аманатства как заложничества было уважительным отношение к аманатам. У казахов есть выражение «қылма аманатқа қиянат», т. е. что доверено тебе на хранение, следует с честью хранить.

Изначально институт аманатства в его классическом понимании служил для обеспечения мирных отношений между враждующими племенами или народами, потенциально враждебными друг другу. Ареал распространения института был обширен: им пользовались арабы, персы, крымские татары, казахи, азербайджанцы, народы Северного Кавказа – аварцы, ингуши, кабардинцы и т. д.

Понятие аманатства, как заложничества применялось и у представителей российской администрации. В. Н. Татищев в своем «Лексиконе...» дает следующее толкование термину аманат: «на збережение, которые между воюющими во время какого переговора для безопасности от одного другому люди знатные даются, доколе договорятся или оставят и оных паки разменяют. Другое, от ненадежных подданных берутся

знатных людей дети и братья родные, как то у нас от многих степных народов, тако, яко от горских, татарских и других народов берутся и на довольном пропитании содержаться» [3, с. 162].

Институт аманатства (заложничества), по мнению В. В. Трепавлова, был заимствован русскими из ордынской политической практики, которая, в свою очередь восходила к мусульманской традиции отношений с кочевниками [4, с. 140]. Арабские халифы содержали в качестве заложников представителей знатных кочевых родов, которые проживали определенное время при дворе, после чего заменялись своими родственниками. Заложники выступали гарантами исполнения принимаемых на себя обязательств.

Что же касается России, подписание договора в купе с присягой на верность, требованиями платежа ясака и дачи аманатов входило в обычную практику завязывания государством первоначальных отношений с нерусскими народами Поволжья и Сибири начиная еще с XV в. [5, с. 138–139].

Согласно исследованию М. Ходорковского, договоры, заключаемые русской властью с туземной знатью этих регионов никогда не воспринимались Москвой (и тем более императорским Петербургом) в качестве взаимных, но лишь как «клятва верности нехристианских народов московскому сюзерену». Эти договоры, как и присяга на верность, изначально были нацелены на то, чтобы трансформировать статус ранее независимых народов и стать началом их политической интеграции в состав Российского государства [6, с. 51–56].

Как говорилось ранее, институт аманатства был широко распространен в Российской империи. В период покорения Кавказа военные часто использовали детей горских князей и старшин в качестве заложников. Генерал А. П. Ермолов предложил Александру I отказаться от прежней тактики нерегулярных карательных походов в горные районы и убедил его в необходимости планомерного завоевания Кавказа. Генерал при завоевании Дагестана, в частности города Акуша, взял двадцать четыре аманата и назначил им пребывание в Дербенте [7, с. 54].

Аманаты от чеченских, калмыцких, кабардинских, ногайских владельцев содержались в XVIII в. в Астрахани, Терской крепости, Святом Кресте, Моздоке, Уфе, Кизлярской крепости. По данным Н. А. Сотавова, в 1726–1727 гг. десятки правителей и старшин Дагестана, Кабарды и Чечни в подтверждение своей верности России выдавали аманатов [8, с. 75]. Г. А. Кокиев уточняет, что «в Терках в начале XVIII в. аманатов было 14 человек, в Святом Кресте в 1733 году – 18 человек, в Кизляре в 1760 году – 20 человек» [9, с. 193]. Возраст их составлял от 3 до 26 лет. В 1763 г. в Кизляре находились в аманатах дети кабардинских и калмыцких владельцев. В тот же период в Оренбурге находился и аманат от Нурали хана.

В 1730–1740-е гг. русская власть вполне осознавала необходимость осторожной и гибкой политики в отношении новоявленных подданных – казахов и именно поэтому создавала видимость равноправия сторон, что выражалось во включении в договоры взаимовыгодных пунктов, а также соотнесении употребляемой лексики (ясак, аманаты) и церемонии присяги с местными традициями и обычаями, преподнесении подарков и жалования туземной знати в обмен на выплату ясака [5, с. 138–139].

Аманатов в начальный период брали из семьи хана Абулхаира и из числа детей, рожденных у хана от старшей его жены Бопай [10]. И первым аманатом стал их сын Ералы. В 1732 г. 11-летний Ералы в качестве посланника хана Абулхаира был отправлен в Санкт-Петербург вместе с 50-летним двоюродным братом хана Ниязом, где его посольство 10 февраля 1734 г. было принято императрицей.

На обратном пути старшины были возвращены в Степь, а сын хана остался в качестве аманата (заложника) в новой крепости. Абулхаир не считал сына заложником, а называл послом при российском дворе, но уже к 1740-м гг. он был вынужден признать данный факт.

Следующий сын хана – Кожа Ахмет находился в аманатах с 1738 по 1748 г. В это период обострились отношения хана с оренбургской администрацией из-за несогласия смены Кожа Ахмета на другого сына хана, рожденного от жены калмычки. В 1743 г. Абулхаир просил администрацию заменить Кожа Ахмета. Хан писал, что «некоторые малоразсудные кайсаки его, хана, тем порицают и от них он имеет зазрение» [11, с. 13]. На что Оренбургская администрация отвечала, что учитывая тот факт, что Абулхаир пришел первым в подданство Российской империи и заботится об удержании от набегов казахов на российскую сторону, в качестве милости хану детей его повелевалось содержать в Санкт-Петербурге. «А чтобы дети хана в надлежащем по состоянию их и с честью хана сходственном, обучении и сведении были, повелено детей ханских содержать в С-Петербурге, а не на границе и тем уничтожить укоризны и непристойные толкования» [11, с. 13], – указывалось в грамоте, отправленной хану в апреле 1744 г.

Инициатива содержания Кожа Ахмета в Петербурге исходила от И. И. Неплюева. 4 марта 1744 г. в своем донесении в Коллегию иностранных дел тайный советник и генерал-майор Штокман писали, что «содержание его [имеется ввиду Кожа Ахмета. – Г. И.] впредь в тамошних местах, представляют крайне невозможным и требуют, чтоб оно султана содержать в резиденции Е. И. В.» [12, л. 30об]. Это объяснялось тем, что в 1743 г. казахи не раз нападали на волжских калмыков и на российские селения.

Находясь на чужбине, молодой аманат начал «производить не порядки» и пытался бежать из Сорочинской крепости. После попытки бегства аманата были усилены меры по охране крепости. Была поставлена иррегулярная команда в двести человек [13, с. 90] и принято решение содержать аманата в столице.

В конце октября 1744 г. в своих письмах Абулхаир хан просил императрицу Елизавету вернуть аманата в Орду. Он просил позволения Кожа Ахмету быть при дворе на приеме, а потом весною об его отправке с награждением на Родину. Хан даже был согласен на то, чтобы в Оренбурге построили бы дом, «где б ему [имеется в виду Кожа Ахмет. – Г. И.] завсегда приезжать и выезжать было позволено». Абулхаир писал, что молодому султану все равно где жить, что смерти не минует никто. Хан сообщал, что братья и дети его говорят: «кто де туда ездит, тот назад не возвращается, ибо де, хотя кто к калмыкам ездит, те и от них скорее возвращаются» [13, с. 112].

В январе 1745 г. Кожа Ахмет и находившиеся при нем трое старшин прибыли в Москву, а оттуда были направлены в Санкт-Петербург. Молодой султан прибыл в столицу 30 марта 1745 г. и содержался здесь более года [11, с. 15]. Время пребывания Кожа Ахмета в Петербурге было «весьма скучным», он тосковал по родине

и беспрестанно просил об отпуске его в Орду. Коллегия иностранных дел, опасаясь, чтобы от скуки он не сделал какойнибудь «непристойности», спрашивала мнение И. И. Неплюева об отпуске аманата домой. 5 января 1746 г. между султаном и находившимся при нем старшиной Казбеком произошла ссора, которая переросла в драку и чуть не закончилась убийством Кожа Ахмета. После данного инцидента указом Правительствующего Сената, согласно мнению А. Тевкелева, было решено содержать султана в Казани, в Татарской слободе.

В своем письме сыну султану Кожа Ахмету хан с досадой сообщает: «Поверь мне, что я отправил тебя, только чтоб удостоиться видеть ея и. в. и опять возвратиться. Я уповал, что как и прежде было для посольства, так и ты в посольствии ж обращаться будешь, но ты в поимке, не ведаем о тебе, живы или нет. Многократно у ея и. в. я просил, токмо прозьбы своей не получил. И народа нашего, всех плутов не щадя, хотя я и отдавал, но их не принимали, только год от году мы унижились, и прозьба наша втуне оставалась. И мы уже отчаялись: каждогодно обнадеживали, что скоро придешь с мурзою и отпустишься сюда, тому уже 2 года» [13, с. 155].

После неудавшегося побега ханского сына из Сорочинской крепости и перевода его в Петербург, а затем в Татарскую слободу Казани рассвирепевший хан заявил явившимся от И. И. Неплюева переводчикам, что «я-де вас, яко собак, у себя заморю» [14, с. 682–695]. Одной из форм показа своего недовольства хан избрал нападение на российские крепости, грабеж караванов проходивших по степи, нападение на волжских калмыков. В этот период казахи «около Оренбурга в плен забрали 96 русских и 4 иноверцев» [15, Л. 9]. Но аманат не понес наказания за поступки своих соотечественников, так как это не входило в практику дипломатических отношений в Российской империи.

Мотивирование отказа И. И. Неплюева принять султана Чингиза, что он побочный сын хана, вместо аманата Кожа Ахмета, было продуманным шагом в подрыве авторитета Абулхаира в степи. Предоставление степным правителем своего сына в аманаты иностранному государству не являлось простым частным делом этого лица, а представляло важный международно-правовой акт, означающий признание дающим монархом определенных политических обязательств перед принимающей стороной и установление отношений зависимости [16, с. 30]. Невозможность для хана добиться смены аманата отражалась во внутривосточных отношениях как показатель бессилия хана, как показатель его невысокого международного престижа. Этими соображениями и мотивировал Абулхаир свое требование о возвращении Кожа Ахмета в степь. В своем прошении от 7 ноября 1743 г. императрице Елизавете хан писал: «Здесь бии и лучшие люди киргиз-кайсаков [казахов. – Г. И.] и журт, говорят: «Эй, хан, журты равные нам, как-то: верхние калмыки – Галдан Чирин, шуршуты – китайцы, персияне, – окружающие журты, стали народами (равноправными) не тем, что отдали сына своего хана». Казахи говорили хану: «Ты сам отдал своего сына, приготовив его как животное». Абулхаир просил: «Окажите нам милосердие отпустите Хожа-Ахмета... Тогда наши слова были бы более вескими в глазах злыязычных и наших врагов» [13, с. 74]. Вопрос о смене аманата оставался еще не решенным.

Озлобленный хан говорил вахмистру Ивану Уракову, что до весны (имеется в виду весна 1745 г.) подождет известий из столицы. Абулхаир сообщал, что даже находясь-

дение сына его в России не удержит его, «если не будет в сердце верности». Положение сына он рассматривал как умершего человека, так как «заперт в пустой крепости, где нет людей и торга». Хан напоминал, что сына его взяли не «из-под сабли», и недоумевал его положением. Он сравнивал своего сына с сыном хана Среднего жуза Абулмамбета, который был взят силой в аманаты джунгарами, и сообщал «и тут держат со сменою» [13, с. 114]. Абулхаир говорил, «что или де хотят меня привести как башкирцов или калмык, токмо де так не приведут».

Таким образом, невыдача и дальнейший отказ заменить аманата вышла за пределы личного столкновения хана и Оренбургского губернатора.

В 1746 г. кризис во взаимоотношениях Оренбургского губернатора И. И. Неплюева и хана Младшего жуза Абулхаира достиг «пика». В течение 8 лет хан не приезжал в Оренбург, а беспокойства на границе усилились. Губернатор предлагал «одними яицкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца, и тем их в страх привести». Но в Коллегии иностранных дел его не поддержали. По представлению канцлера графа Бестужева-Рюмина, императрица Елизавета Петровна своим указом от 7 июля 1747 г. распорядилась направить из столицы в Оренбург бригадира А. Тевкелева, которому было поручено разрешить конфликт между тайным советником и ханом [17, с. 321–322]. Петербург пошел на уступки хану, в инструкции, данной бригадиру, предусматривалось в случае упорного нежелания Абулхаира отдать в аманаты вместо Кожы Ахмета другого сына от ханши Бопай, согласиться принять его побочного сына Чингиза [18, с. 32].

В 1751 г. в крепостях и форпостах появились казахские аманаты, как залог спокойствия в период перехода на внутреннюю сторону Яика. Хотя первоначально хан и султаны не соглашались с данным решением Коллегии иностранных дел, но затем «оставили от каждого улуса аманата» [12. Л. 57]. В 1753 и 1755 г. Оренбургские начальники сообщали в Петербург о своих успехах.

Таким образом, казахское общество и хан Абулхаир вынуждены были принять новое значение понятия аманат как заложничества. Как бы ни сопротивлялся Абулхаир, но ему пришлось смириться с положением его детей аманатов-заложников. С 1735 по 1750 г. 4 сына хана Младшего жуза Абулхаира, а с 1750 по 1769 г. 13 малолетних сыновей хана Нуралы находились в аманатах [19]. После 1770-х гг. основной упор делается на детей старшин и «лучших» людей. Институт аманатства в традиционном понятии казахов трансформировался в понятие заложничества в 1740-е гг. «Почетное заложничество» отменяется в 1770-е гг., но данный институт сохранился в Степи до середины 1830-х гг.

1. Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Алматы: DPS, 2011. Т. 1. 736 с.

2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 49.

3. Татищев В. Н. Лексикон Российский исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные произведения / под общ. ред. с. Н. Валка. Л. : Наука, 1979. С. 153–327.

4. *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления подданства у народов России XV–XVIII вв. М. : Вост. лит., 2007. 253 с.
5. *Сухих О. Е.* Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 258 с.
6. *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, 2002.
7. *Ермолов А. П.* Записки. 1818–1825 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2000. 683 с.
8. *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700–1774 гг. М. : Наука, 1991. 223 с.
9. *Кокиев Г. А.* Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия ЮОНИИК. Сталинир. 1933. Вып. 1. (Отдельный оттиск.)
10. *Избасарова Г. Б.* Аманат в традиционной культуре казахов и в российской политике XVIII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 103–112.
11. *Крафт И. И.* Тургайский областной архив. Описание архивных документов с 1731 г. по 1782 г., относящихся к управлению киргизами. СПб. : Тип. Лопухина, 1901. 141 с.
12. *Рычков П. И.* Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе (1734–1771) // Отдел рукописи Российской государственной библиотеки. Ф. 222/8. Панины.
13. Материалы по истории Казахской ССР. (1741–1751). Т. 2. Ч. 2. / отв. ред. М. П. Вяткин. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1948. 457 с.
14. *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань : Типо-литография В. М. Ключникова, 1897. Т. 3.
15. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24.
16. *Ерофеева И. В.* Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731–1759) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. Т. 3. С. 5–50.
17. Сначала какое высокое суждение было и с пользою признано киргиз-кайсацкие орды в подданство Российской империи о приняты способы искать // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. Т. 3. С. 319–323.
18. Поколенная роспись династий казахских ханов и султанов и описание родоплеменного состава трех жузов // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. Т. 3. С. 300–304.
19. *Избасарова Г. Б.* «Почётные заложники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII–XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза) // Клио. 2016. № 6 (114). С. 44–51.

УДК 947.084.51

Г. Б. Карсакова

К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ В АКМОЛИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921–1923 гг.

В статье рассмотрены некоторые аспекты крестьянского восстания 1921–1923 гг. на примере уездов Акмолинской губернии. Показаны основные причины, характер и ход восстания на территории северного региона. На основе источников и архивных материалов был сделан анализ исторических событий, приведены цифровые данные по уездам. Рассмотрен ход событий в Петропавловском, Кокчетавском и Атбасарском уездах Акмолинской губернии. Исследована деятельность повстанческих движений, рассмотрены движущие силы восстания и их роль в данных событиях. Показана роль продовольственной разверстки в экономическом развитии данного региона как основная причина восстания. Автор приходит к выводу, что социальная база восстаний была массовой и именно крестьянской, недовольной политикой «военного коммунизма», которая самым жестоким образом ущемляла экономические интересы сельских производителей.

Ключевые слова: политика «военного коммунизма», продовольственная разверстка, бандитизм, вооруженное восстание, повстанческое движение.

G. B. Karsakova

TO THE QUESTION ABOUT PEASANT PERFORMANCES IN THE AKMOLA PROVINCE IN 1921–1923

This article examines some aspects of the peasant uprising of 1921–1923. On the example of the counties of Akmola province. The main reasons, character and course of the uprising in the territory of the northern region are shown. On the basis of sources and archival materials, an analysis of historical events was made, and numerical data for uyezds were presented. The course of events in Petropavlovsk, Kokchetav and Atbasaruyezds of Akmola province is considered. The activity of insurgent movements is investigated, the driving forces of the insurrection and their role in these events are considered. The role of food distribution in the economic development of this region as the main cause of the uprising is shown. The author comes to the conclusion that the social base of the uprisings was mass and precisely peasant, discontent with the policy of “military communism”, which most severely infringed upon the economic interests of rural producers.

Keywords: the policy of “military communism”, food tax, banditry, armed uprising, insurgency.

В сельском хозяйстве концентрированным выражением политики «военного коммунизма» стала так называемая разверсточная система заготовки сельхозпродуктов. Экстренные меры по выкачиванию хлеба все чаще наталкивались на сопротивление

крестьянства. В целом силовая политика государства возымела все более нарастающее недовольство аула и деревни. В целом ряде случаев реакция неприятия административного террора, проводимого властью, вылилась в акты открытого саботажа и вооруженного сопротивления со стороны крестьянства. В 1920 г. под лозунгами «За советы без коммунистов», «Долой продразверстку!», «Долой коммунистическую продовольственную диктатуру!» вспыхнули мятежи в большинстве регионов Казахстана. Восставшие крестьяне организовывались здесь в отряды и «повстанческие армии». Летом 1920 г. крупные антибольшевистские выступления произошли в Семипалатинской области и Павлодарском уезде, которые оказались в зоне контроля 10-тысячной «Народной повстанческой армии». В феврале 1921 г. восстание, поднятое «Сибирским крестьянским союзом», охватило районы западно-сибирского региона и северного Казахстана: численность его участников достигала 30 тыс. человек. Повстанцам удалось временно захватить Петропавловск и Кокчетав. Достаточно многочисленная «Зеленая крестьянская армия» действовала на территории кустанайской губернии, а в западном Казахстане бунт подняли именовавшие себя «Красной Армии Правды» вооруженные отряды под руководством бывшего комдива РККА А. Сапожкова. Открытое недовольство, перераставшее в вооруженное крестьянское сопротивление, было характерно и для других губерний Казахстана. [1, с. 70].

Напряженное продовольственное положение в стране, вызвавшее интенсивное взимание продразверстки в Западной Сибири, достигшей кульминации к концу 1920 – началу 1921 г., общая хозяйственная разруха, отсутствие промышленных товаров отрицательно сказались на настроении большинства крестьянства, которое в социальном отношении было неоднородно. По данным Петропавловского уездно-городского комитета РКП (б), в конце 1920 г. в составе населения города и уезда 25 % составляли кулаки, 50 % – середняки и 25 % бедняки [2, Л. 14].

Постепенно недовольство крестьян, усиливаясь, перерастало в недовольство разверсткой вообще и в недовольство Советской властью. О настроениях крестьян в эти дни говорят документы. Так, например, Омский Губком РКП(б), характеризуя политическую ситуацию в сентябре 1920 г., отмечал: «Крестьянство недовольно разверсткой. Говорят, что она распределяется неправильно и ложится больше на бедняка и мало коснулась кулака, вопреки распоряжению Советской власти...» [3. Л. 84]. Петропавловская уездно-городская партийная конференция (27 декабря 1920 г. – 2 января 1921 г.), характеризуя ситуацию в уезде, указала на очень сильное «кулацкое сопротивление, малосознательность и непонимание нужд республики крестьянином-средником» [4, с. 4]. Секретарь Бугровской партячейки Лядов информировал Петропавловский уездный комитет партии: «Настроение населения неудовлетворительное. Наблюдаются протесты, выступления и недовольства на почве выполнения государственных развёрсток и при несении трудовой повинности. К компартии отношение неудовлетворительное. Население с неудовольствием относится к нажимам продработников» [5, с. 153]. На исходе 1920 г. сложилась парадоксальная обстановка. В крестьянской разоренной семью годами войны стране сельское хозяйство – основа жизни 82 % населения – пришло на грань катастрофы. Оно не обеспечивало даже минимума потребностей собственно земледельца. А город, промышленность, транспорт, армия требовали питания.

Взять его было негде, кроме как у тех же крестьян. Уже с 1916 г. складывалась система чрезвычайных мер по насильственному перераспределению продуктов питания. Свое развитие и завершение она получила в 1919–1920 гг. и вошла в историю под названием «военный коммунизм», главным элементом которого стала продразверстка. Проводниками большевистских кампаний по продовольственной разверстке выступали сельские комбеды (комитеты бедноты) и вооруженные рабочие отряды, экспроприировавшие в «пользу революции» производимые крестьянами продукты (главным образом зерно). Получив безвозмездно землю, крестьяне, тем не менее, не получили возможности распоряжаться продуктами своего труда. Продразверстка большинство из них поставила в оппозицию к большевикам и Советской власти. И эти обстоятельства были учтены активом правых эсеров и народных социалистов, создавших весной 1920 г. в Зауралье, Западной Сибири и северном Казахстане так называемый «Сибирский крестьянский Союз». Его комитеты действовали во многих населенных пунктах. В Петропавловском уезде он состоял из 8 человек и возглавлялся бывшим руководителем городского комитета партии эсеров И. Н. Шантуровым. Этой коалиции удалось летом 1920 г. организовать ряд вооруженных выступлений крестьян в Прииртышье, районах Тобола и Приишимье (в районах Семипалатинска, в Кустанайском и Петропавловском уезде). Отряды частей особого назначения (ЧОН) их подавили [1, с. 71].

Первый тревожный сигнал о надвигающейся катастрофе на территории северного Казахстана поступил из Всесвятского района Петропавловского уезда, где в августе 1920 г. появился отряд «зеленых» в количестве 200 человек. 26 августа из Петропавловска в Омск телеграфировали: «В селе Всесвятское неожиданно напали на двух ответственных сотрудников по заготовке продовольствия, расстреляли районного комиссара, толпа арестовала и обезоружила красноармейцев. За этим во Всесвятское введены дополнительно 50 человек с двумя пулеметами... Восстание подавлено». 1 сентября чекист Л. Дульский докладывал из станицы Пресногорьковской: «Восстание подавлено, некоторые зачинщики арестованы. Красноармейский отряд прочесал степь, бандиты спаслись бегством, продолжаем их преследовать. Самому необходимо задержаться еще, выяснить, сколько осталось в деревнях бандитов» (пер. авт. статьи) [6, с. 71]. В разных волостях вспыхивали неорганизованные бунты, местами пассивное сопротивление действиям власти перерастало в активное. В ноябре в той же Всесвятской волости вспыхнул повторный бунт, который был подавлен специально выделенным отрядом 21-й стрелковой дивизии войск внутренней службы. Властями были сделаны соответствующие выводы, они были готовы к такому обороту событий, об этом свидетельствует протокол секретного заседания Сиббюро ЦК РКП(б) от 11 февраля 1921 г., где продкомиссар Омской губернии Монастырский рассуждал: «Сила наша в психологическом эффекте, создаваемом нашим нажимом. Вмешательство губисполкома и губкома приводит крестьян к невыполнению разверстки». Его поддержал председатель Сибревкома И. Н. Смирнов, заявивший: «Несмотря на восстания, нажим надо продолжать. Если кровь проливается, то пусть на пользу государства. Надо нажимать. Надо довести до 75 %, и все советские люди в этом отношении должны вести работу». На этом же заседании было принято решение «впредь до выполнения 75 % разверстки никакое ослабление продовольственной политике и нажима допущено быть не может» [7, с. 96].

Поводом для крестьянских вооруженных выступлений в конце 1920 – начале 1921 гг. на территории Казахстана и Западной Сибири стало проведение органами местной власти семенной разверстки. Когда представители власти стали изымать семенной хлеб в качестве разверстки, для крестьян это было подобно смерти. Семенной хлеб, изъятый у крестьян и свезенный на склады, включался в общегосударственный фонд, который весной должен был быть возвращен крестьянам для посева по единому государственному плану как ссуда. Усилил недовольство крестьян вывоз хлеба с внутренних сыпных пунктов к линии железных дорог и его последующая отправка в центральные районы России. Первые очаги массового восстания вспыхнули в Ишимском уезде Тюменской губернии в конце января. Уже к 8 февраля весь район между северной и южной ветвями Транссиба и долинами рек Ишима и Тобола был захвачен мятежниками. С целью прекратить вывоз хлеба они разрушали пути и мосты на ж.-д. магистрали Омск – Челябинск. Волна вооруженных выступлений крестьян неудержимо катилась из Ишимского уезда к Петропавловску. 9 февраля 1921 г. было отмечено первое нападение повстанцев на участках дороги Челябинск – Омск. С целью прекратить вывоз хлеба был разобран путь, прервано движение поездов. 12 февраля вооруженные отряды подступили к городу, намереваясь внезапным ударом захватить этот важный стратегический пункт, крупный железнодорожный узел. Петропавловский уездный комитет партии и исполком создали Чрезвычайную пятерку по руководству борьбы с мятежниками. В нее вошли председатель уездного комитета партии П. Ф. Федоров, председатель уездного исполкома В. Г. Барлебен, военком Л. Л. Омельянович, начдив Быков и зав. политбюро В. И. Дьяконов. В Петропавловске и уезде было введено военное положение. Начальником обороны города назначили А. Ф. Соловьева, комендантом – помощника военкома Г. М. Часовитина. В короткий срок в городе сформировались коммунистические отряды под командованием военрука Б. Н. Горячева. Петропавловский уездный комитет партии, уездный уисполком, бюро профсоюзов опубликовали 13 февраля обращение в газете «Мир труда» к трудящимся города и уезда с призывом не поддаваться провакационным попыткам бандитов, оказывать помощь Советской власти в ликвидации бандитизма и налаживании мирного советского строительства. 13 февраля 1921 г. в город со стороны Новопавловска ворвались отряды повстанцев, захватили тюремное здание, базарную площадь. Первыми удар приняли на себя милиционеры. Во главе с начальником уездной милиции Колесниковым они отчаянно сражались на Ново-Мечетной улице (ныне улица Мира). Вместе с ними отражал натиск наступавшего противника незначительный гарнизон красногвардейцев. Некоторые командиры гарнизона, бывшие царские офицеры, оказались предателями. Еще накануне командир пулеметного батальона Сокольский приказал красноармейцам пулеметной роты разобрать пулеметы якобы для чистки и подготовки к учениям. Это значительно ослабило защитников города. Повстанцы захватили без боя семь пулеметов, три орудия вместе с расчетами. Сохраняя поредевшие ряды, бойцы к вечеру сконцентрировались у железнодорожной станции и консервного завода. В сильную метель, расположившись в снеговых окопах, они отражали непрерывные атаки противника. Вскоре к ним пробилась небольшая группа бойцов из 100 коммунистов. Из города поездом были эвакуированы архивы. Семьи многих партийных

и совестких работников, раненые отправлены на станцию Токуши, на которую напал отряд Рыбалкина и уничтожил около 200 человек из эвакуированного эшелона. 14 февраля из Омска к Петропавловску двинулся бронепоезд «Красный сибиряк». На всем пути он пробивался с боями. Пости четыре часа шла операция по спасению осажденного повстанцами гарнизона на станции Булаево. По прибытии в город командование поезда предприняло артиллерийскую атаку. Пушки, установленные прямо на перроне, вместе с орудиями бронепоезда в течение часа вели огонь. Под гул орудий 200 пехотинцев и 30 кавалеристов под командованием Н. И. Корицкого повели наступление на мятежников и вытеснили их из большей части города. 15 февраля на станцию прибыли эшелоны с солдатами 249-го полка. На Соборной площади (ныне Октябрьская) разгорелся последний яростный бой. Площадь была усеяна убитыми и ранеными. 16 февраля 1921 г. город был полностью освобожден. Отряды повстанцев еще двое суток пытались взять город, но безуспешно.

Захваченных коммунистов, комсомольцев, рабочих мятежники подвергали жестоким пыткам. Прибывший в Петропавловск по заданию Омского губкома РКП(б) коммунист А. Ф. Солдатов писал в своих воспоминаниях: «В клубе пожарников были сложены трупы несколько десятков зверски замученных коммунистов – членов большевистской организации города Петропавловска. Сердце сжималось от боли при виде этой жуткой картины. Все трупы изуродованы, у некоторых отрезаны уши, носы, разможжены черепа, вывернуты руки» [8. Л. 17]. Всего за 3 дня в городе бандиты убили 150 коммунистов, в окрестностях города было подобрано более двухсот трупов. В селе Корнеевка было обнаружено до двухсот трупов зверски убитых коммунистов и членов их семей. В станице Новокаменской раздето наголо и заморожено 7 коммунистов. Руководители восстания и те, кто творил зверства над пленными, предстали перед судом ревтрибунала. В марте 1921 г. 41 человек был по его приговору расстрелян. Обманутым крестьянам, принудительно мобилизованным и явившимся с повинной, была объявлена амнистия.

К этому моменту началось восстание в нескольких волостях Кокчетавского уезда. Командующий войсками Кокчетаевского уезда Ф. В. Воронов в тот же день докладывал в оперативный отдела штаба Помглавкома по Сибири: «В районе Кривоозерной положение слишком скверно. В тылу Кривоозерной, в станице Челкарской и в станице Имантавская вспыхнуло восстание казаков. Кроме того, банды напирают со стороны Корнеевки и просачиваясь к югу в обход Кокчетава с запада, поднимают восстания казачьих станиц, что видно из восстаний Имантавской и Челкарской станиц» [7, с. 179]. Из оперативной сводки штаба Кокчетавской уездной тройки за 19 февраля можно узнать, что «Сандыктавский район почти весь охвачен восстанием. Замечается брожение в Сандыктаве, что 90 верст южнее Кокчетава по тракту на Атбасар, и в станице Зеренда. Есть сведения о восстании в станицах Ново-Николаевской, что в 80 верстах юго-западн. Кокчетава, Акан-Бурлакской, Арыкбалыкской, Верхне-Бурлакской, Нижне-Бурлакской» [7, с. 234]. Уездные власти сосредоточили в селе Еленинском, в 30 км западнее Кокчетава, 200 штыков и 150 сабель с пулеметами под командованием Н. М. Архипова и Ларионова, чтобы наступать на Челкарскую и соседние с ней станицы. Как вспоминает У. Абдрашитов, «20 февраля наше наступление на Челкарскую

станцию. Бой начался с бандами в 10 верстах от Еленовки, банда стала отступать в панике, но наши части станицу Челкар не занимали, возвратились обратно в Еленовку, не хватило патронов» [9, л. 13]. Только ли нехватка патронов стала причиной остановки атаки? Позже, уполномоченный Сибревкома Е. В. Полюдов председателю Сибревкома И. Н. Смирнову сообщал следующее: «Отряд этот бежал оттуда в панике, бросив два пулемета без замков, и на обратном пути заночевал [в] поселке Еленинский. Ночью на них напали бандиты, ранили пятерых. Ларионов сбежал первым в Кокчетав и здесь навел панику» [7, с. 230].

Отступление этого отряда навело панику и в Кокчетаве. В ночь на 21 февраля уездная ревтройка оставила город и отступила на северо-восток, в сторону Омска. Из доклада председателя Кокчетавской революционной тройки Т. Ф. Розенбаха Омскому губкому РКП(б) можно представить, что творилось в городе: «400 штыков состояли из всякого сброда – милиционеров, повстанцев-«алтайцев» и, как метко выразился один товарищ, сибирских «смежных коммунистов». Вся эта публика при первых выстрелах побежала без оглядки. Много дезертировало и побросало винтовки. Нельзя на словах передать весь тот кошмар, который пришлось пережить в Кокчетаве. Верно тов. Медведев писал перед смертью о том развале, который царит в Кокчетаве» [7, с. 327]. Только 23 февраля отряды повстанцев вошли в Кокчетав. По словам Е. Полюдова, три дня Кокчетав не был никем занят, царил грабеж. «Потом пришло палочное войско бандитов. По определению их самих, был организован бандитами Главный военный совет, штаб, комендатура, была объявлена мобилизация. В их распоряжении оставалась Кокчетавская типография, печатались приказы, воззвания, распространялись слухи о падении Омска и Иркутска и т. д. Новая власть производила только аресты, никого не расстреливая. Была объявлена советская власть без коммунистов, свободная торговля. Пребывание свое в Кокчетаве «бандиты» использовали широко в смысле агитации, пропаганды так называемого истинного народовластия. Они имели большой успех среди крестьянства, которое активно принимало участие, больше чем наполовину, казаки почти все, киргизы – незначительная часть» [7, с. 373].

В Атбасарском уезде советские власти контролировали ситуацию. Революционная военная тройка Атбасарского уезда в составе И. И. Бокши, В. Д. Сергеева и Кириленко организовала отряд во главе с помощником начальника уездной милиции И. Плескачом, который был направлен на подавление восстания в станице Сандыктавской и близлежащих поселках. Первый бой с повстанцами отряд принял в селе Балкашино, но там долго не задержался, двинулся в сторону с. Владимировки, где соединился со вторым отрядом из Атбасара под командованием Кресса.

Повстанцы попытались уничтожить отряд Плескача, взяв приступом село Владимировку, но это им не удалось. Бой продолжался три часа, казахский эскадрон в составе атбасарского отряда решил исход в контратаке, но погиб командир эскадрона Аюханов. Позже отряд закрепился в селе Петровка. Попытки повстанцев уничтожить отряд, успеха не имели.

12 марта атбасарскому отряду прибыло подкрепление из уезда и Акмолинска. Атбасарский отряд, сковав своими действиями, значительные силы повстанцев на западе Кокчетавского уезда, смог отвлечь их внимание на время от главного направления

удара карательных войск Советов. Из советских войск, действовавших под Петропавловском, была выделена Южная группа под командованием чрезвычайного уполномоченного Сибревкома Е. В. Полюдова. Она и сыграла решающую роль в разгроме кокчетавского очага Западно-Сибирского восстания. В составе этой группы были 26-й кавалерийский, 233-й Казанский стрелковый, 253-й стрелковый полки, батарея 76-го артдивизиона, 7-й запасной пулеметный батальон.

В первых числах Южная группа очистила тракт Петропавловск-Кокчетав, 5 марта в ходе ожесточенного двухчасового боя выбили повстанцев из Кокчетава. По словам Полюдова «Кокчетав банды обороняли довольно дружно и храбро, но потом дрогнули и побежали в панике, бросив в пяти верстах от Кокчетава пленных советских работников и красноармейцев – около 600 человек» [7, с. 373]. Повстанческие силы отступали в западном и юго-западном направлениях. За неделю Южная группа войск заняла практически все населенные пункты, за исключением казачьих станиц, расположенных в 80–100 км западнее Кокчетава. Основные силы повстанцев укрепились в станицах Лобаново, Аиртав, Арык-Балык и др. В ходе кровопролитных боев продолжавшихся с 12 по 22 марта сопротивление восставших было сломлено.

По сведениям штаба 233-го Казанского стрелкового полка только в боях за Лобаново повстанцы потеряли убитыми и ранеными около 1 100 человек. После этих событий, а также разгрома повстанцев на юге Кокчетавского уезда, в станицах Щучинской, Котыркульской восстание пошло на убыль. Часть повстанцев, не сдавшихся Советской власти, ушла на юг, через Акмолинские степи, на время взяв Каркаралинск. Но в середине апреля регулярные войска их выбили из города, часть повстанцев была уничтожена, а спасшимся удалось уйти на территорию Китая. Отголоски восстания в виде разрозненных повстанческих отрядов тянулись до 1923 г.

Не представляется возможным определить количество погибших повстанцев. Во всех сводках, донесениях различных штабов карательных войск количество погибших исчисляется сотнями. Только по данным председателя Сибревкома И. Н. Смирнова, к 12 марта 1921 г. в Ишимском и Петропавловском уездах было убито около 22 тыс. повстанцев [10]. Стихийность, отсутствие единства в действиях повстанцев, тотальная нехватка вооружения стали основными причинами поражения восстания. Своеобразной чертой в организации военных действий участников восстания, присущей стихийным выступлениям, была разобщенность, низкая дисциплина, привязанность к той местности, откуда были крестьяне. Стихийность была неотъемлемой чертой необузданной силы народных масс. Среди мятежников не было единства действий даже в пределах отдельных уездов.

Многочисленные архивные документы, подкрепленные свидетельствами участников и очевидцев трагических событий 1921 г. на территории Казахстана и Западной Сибири позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на предпринятые усилия, у повстанцев не было создано ни единого штаба, ни единого командования, ни единого плана действий. В этом заключалась одна из причин их поражения. Тем не менее стихийность крестьянского вооруженного движения сопровождалась целенаправленными попытками руководства боевыми операциями и организацией самоуправления, созданием гражданской и судебной власти. Другой причиной, оттолкнувшей крестьянство

от всеобщей поддержки повстанческого коммунистического движения, стал народный протест переродившийся в бандитизм. На всей охваченной восстанием территории действия мятежников были направлены на истребление коммунистов и продработников, уничтожение разверсточных списков, разграбление сельских Советов, складов и ссыпунктов для пополнения повстанческих отрядов боеприпасами, вооружением и продовольствием, угон скота.

Все эти движения жестоко подавлялись властью и в последующем квалифицировались в отчетах ВЧК как кулацко-бандитские. В этой связи отметим, что действительно очень часто к повстанцам примыкали откровенно уголовные элементы. Верно и то, что в целом ряде случаев крестьянское сопротивление, будучи по характеру своему стихийным бунтом загнанных в угол, а потому до предела обозленных людей, сопровождалось актами ничем не оправданной жестокости. И все же следует признать: социальная база восстаний была массовой и именно крестьянской, движимы они были не столько логическими мотивами, сколько сильнейшим недовольством политикой «военного коммунизма», которая самым жестоким образом ущемляла экономические интересы сельских производителей. Таким образом, ситуация, сложившаяся в Акмолинской губернии к началу 1920-х гг., подтверждала общую картину экономического и политического кризиса, охватившего страну.

1. *Григорьев В. К.* Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане. Алма-Ата : Казахстан, 1984. 176 с.
2. Партийный архив Северо-Казахстанской области (ПАСКО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 49.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 10.
4. Мир труда. 1921. 4 января. С. 4–6.
5. Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. Алматы, 1993. 392 с.
6. *Harms I.* Viktor Barleben: Leben und Tätigkeit in Petropavlovsk in den Jahren 1920–1921. Alma-Ata, 1988.
7. Сибирская Вандея. Документы : в 2 т. М. : МФ «Демократия», 2001. Т. 2 (1920–1921). 774 с.
8. ПАСКО Ф. 2558. Оп. 3. Д. 115.
9. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 2.
10. *Шушкин В. И.* Западно-Сибирский мятеж // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1.

УДК 930.1

С. И. Ковальская

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ «ЦЕНТРА» И «ПЕРИФЕРИИ» В УСЛОВИЯХ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ ИМПЕРСКОГО ПРОСТРАНСТВА*

В статье охарактеризованы основные теоретико-методологические подходы к проблеме модели «центр – периферия». Кратко представлена классификация типов миграций из центра на имперскую периферию. Основной акцент при этом сделан на анализе специфики религиозных миграций на территорию современного Казахстана. К исследованию привлечены различные исторические источники. В том числе материалы региональных епархий, православных миссий, дневники православных священников, имеющих приходы в казахской степи и т. п.

Ключевые слова: центр, периферия, миграции, православие, аккультурация, гетерогенность, этноконфессиональная политика, империя.

S. I. Kovalskaya

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE “CENTER” AND “PERIPHERY” IN THE CONDITIONS OF ETHNO-CONFESSIONAL HETEROGENEITY OF THE IMPERIAL SPACE

The main theoretical and methodological approaches to the problem of the “center” – “periphery” model will be described in the article. The classification of migration types from the center to the imperial periphery is briefly present. The main emphasis in this case will be made on the analysis of the specifics of religious migration to the territory of modern Kazakhstan. Various historical sources will be involved in the research. Including materials of regional Dioceses, Orthodox missions, diaries of Orthodox priests who have parishes in the Kazakh Steppe.

Keywords: center, periphery, migration, Orthodoxy, acculturation, heterogeneity, ethno-confessional politics, empire.

Уникальная типология центр-периферийных систем предложена американским ученым Ш. Эйзенштадом, выделившим два вида центр-периферийных систем: 1) системы, в которых центры радикально отличаются от периферии; 2) системы, в которых такого различия не существует [1, с. 53]. В нашем случае четко прослеживается первая модель, относящаяся, по мнению самого Эйзенштадта, к имперским и имперско-феодальным системам. Периферия представлена как нечто уникальное и принципиально отличающееся от центра, что стимулирует центр не только ресурсно эксплуатировать последнюю, но и цивилизационно воздействовать на нее, выстраивая механизмы коммуникации и контроля.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта № №17-18-01008.

© Ковальская С. И., 2017

Важно отметить, что классик концепции «центр-периферия» на Западе Дж. Фридман считал, что периферия – это не однородное поле. Периферия, в свою очередь, делится на внутреннюю, ближнюю, тесно связанную с ядром и непосредственно получающую от него импульсы к развитию, и внешнюю, или дальнюю [2, р. 17].

Американский географ Р. Хартшорн подчеркивал, что основная цель любого государства – объединить разные его части в единое целое [3]. Во всех случаях государство пытается установить контроль во внутривнутриполитических отношениях для стабильности и порядка. Как правило, жизнь регионов существенно отличается по целому ряду признаков. Среди них могут быть и религиозные отличия, и отличия в образе жизни, организации семьи и воспитания, системы образования и т. д. Государство должно суметь связать воедино более или менее разрозненные области в эффективное политическое образование.

Концепция «центр-периферия» повлияла на возникновение теории мировых систем, созданной И. Валлерстайном [4]. Полупериферия, которая является, по мнению И. Валлерстайна, промежуточным звеном между центром и периферией, сочетая в себе черты той и другой, эксплуатируется центром и, в свою очередь, эксплуатирует периферию, являясь своего рода стабилизирующей базой функционирования системы.

Центр и периферия связаны между собой видимыми и невидимыми нитями – людьми, идеями, потоками информации, капитала, товаров и т. д. Учитывая все вышеизложенные концепции, постараемся разобраться каким образом выстраивались отношения между имперским центром и периферийной казахской степью в условиях этноконфессиональной гетерогенности имперского пространства. Долгое время вектор данного воздействия рассматривался как исключительно односторонний по направлению движения из центра на периферию. Сегодня, в новых теоретико-методологических условиях, появилась возможность увидеть, что данное взаимодействие было обоюдным, хоть и не всегда, возможно, равноценным.

Взаимоотношения имперского центра и вновь приобретенной периферии выстраивались в первую очередь благодаря миграционной активности населения, результативность которой была различной в разные годы, но имела стабильный тренд к увеличению. Типология миграций в исторических трудах разработана недостаточно. Трудности такого рода классификации можно объяснить обобщающим характером миграционной проблематики, требующей учета закономерностей, а также региональных особенностей, кроме того важно какой именно признак миграции берется в качестве основного каждым конкретным исследователем.

В одних случаях за основу берется такой признак, как пересечение административной границы. Говоря о миграциях в дореволюционной России, большинство авторов имеет в виду внутрисоветскую миграцию.

Анализируя внутрисоветскую миграцию, в предисловии к книге «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом» отмечено, что «..это исторический процесс, начавшийся вслед за присоединением тех или иных регионов Сибири к русским владениям, имеет своим основанием стремление населения Империи к более правильному и равномерному самораспределению по всей государственной территории России и представляет собой, таким образом, явление внутренней коло-

низации, в отличие от выселения «эмиграции» излишка жителей западноевропейских государств в страны Нового Света» [5, с. 1]. Таким образом, имелась в виду та миграция, которая шла в пределах империи, когда мигранты не покидали своего отечества, а осваивали новые земли на его окраинах, отодвигая границы и расширяя государство. Что интересно, подобный подход мы встречаем и в советской историографии. Так, В. Покшишевский отмечал, что «центральное место в исторических сдвигах размещения населения России занял процесс последовательно-поступательного распространения русского народа по территории созданного им государства. Это расселение происходило в тесной связи с расширением рамок Русского государства и в значительной степени обеспечивало это расширение, географически «цементировало» входившие в состав государства новые области» [6, с. 11].

В целом для историографии XIX века было характерно обращение к крестьянскому типу миграций, а если положить в основу производственный признак – аграрному и/или промысловому. Не меньшее внимание уделялось анализу казачьей колонизации (Г. Ф. Миллер, А. И. Левшин, С. М. Соловьев, В. В. Бартольд и др.). В дальнейшем эта традиция была продолжена в трудах советских историков (М. Аджиев, Н. В. Алексеенко, Е. Б. Бекмаханов, Н. Е. Бекмаханова, А. С. Елагин, В. К. Григорьев, Ж. Касымбаев, М. К. Козыбаев и др.) В период независимости эта тема также остается актуальной как для российских, так и для ученых бывших союзных республик. Например, монография М. Ж. Абдирова «История казачества Казахстана», изданная в Алматы в 1994 г. [7].

Отдельно стоит такой тип миграции, как «штрафная колонизация», или, говоря современным языком, политическая ссылка как специфический тип миграции. Политическая ссылка являлась мерой, посредством которой государство расселяло и использовало труд лиц, подвергнутых уголовному наказанию и административной ссылке. Таким образом государство решало двоякую задачу: наказание преступников и освоение новых территорий, максимально отдаленных от центра.

О заселении «пограничных линий» отчасти ссылными поселенцами писали Н. В. Алексеенко и А. Д. Колесников [8]. По мнению Н. Э. Масанова, которое он высказал в своей монографии «Кочевая цивилизация казахов», политика «медленного» вторжения в степь преобладала во взаимоотношениях России и Казахстана в течении XVIII и первой половины XIX века [9]. В. В. Покшишевский называл данный процесс «ползучей» миграцией [6, с. 17]. Вопрос о соотношении двух элементов ссылки – колонизационного и карательного, как и в целом проблема колонизационного значения ссылки, всё еще остаются дискуссионными.

Еще одним самостоятельным типом можно выделить религиозную миграцию. С XVIII века на территории современного Казахстана, в частности в долине Бухтармы, стали появляться последователи староверческого движения. Переселение последователей раскола шло и позже, приобретя формы «ходаческого движения», поисков легендарной страны Беловодья. С конца XIX века в рамках крестьянских миграций прибывали религиозные общины молокан, меннонитов и т. п. Литературу по этой теме нельзя назвать обширной, но она есть. В основном это работы дореволюционных авторов – А. А. Новоселова, Г. Т. Хохлова и некоторых других [10]. В советской историографии этот аспект проблемы рассматривался в связи с мотивацией миграционного

движения в исследованиях А. И. Клибанова, Т. С. Мамсик, К. В. Чистова, а также в работах Н. В. Алексеенко [11].

Понятно, что до момента проникновения в казахскую степь российских казаков, крестьян, промысловых людей и т. п. «охочих людей», христианство практически не было представлено в регионе. Конечно, если не вспоминать далёкое средневековье и, например, найманов с кереитами, принявшими христианство несторианского толка. Нам было бы крайне важно разобраться в вопросе, насколько далеко зашел процесс аккультурации среди казахов-кочевников в религиозной сфере.

Если обратиться к одному из уникальных источников «Россия. Полное географическое описание нашего отчества. Настольная и дорожная книга для русских людей», XVIII том которого называется «Киргизский край», то по вероисповеданию население края начала XX века было достаточно гетерогенным и представлено двумя большими группами – магометан и христиан. При этом магометане составляли 73,5 %, христиане – 26 %, иудеи – 0,09, язычники (калмыки) – 0,04 % [12, с. 182]. Христиане в большинстве являлись православными. Протестантов насчитывалось 0,2 %, католиков – 0,1 %.

Подчеркивается, что довольно много сектантов и раскольников – около 2,8 %. Среди сектантов упомянуты приемлющие священство, беспоповцы, немоляки, новые духовные христиане, или христиане нового Израиля. Авторы подчеркивают, что число раскольников и сектантов существенно увеличилось в период аграрных переселений.

С момента расселения православного населения на территории Казахстана Русская православная церковь старалась не только обеспечить своих прихожан религиозной поддержкой, но и увеличить паству за счет новокрещённых казахов-кочевников. Киргизская духовная миссия была создана в 1881 г. на территории казачьих поселков Сибирского войска – Большенарымского, Долонского, Буконьского, Шульбинского. И лишь на рубеже XIX–XX вв. она смогла продвинуться в степь, открывая свои станы вблизи поселков русских крестьян-переселенцев. Соседское проживание русских и крещенных казахов рассматривалось как необходимое условие успешной аккультурации новокрещенных. Оно должно было способствовать процессу оседания кочевников, заимствованию сельскохозяйственного опыта, образа жизни и нравов российских переселенцев.

Религиозная имперская политика, если можно говорить о таковой, таким образом, состояла из двух важнейших задач. И если с первой она справлялась удовлетворительно, то вторая задача зачастую была ей не под силу. Хотя определенные успехи в обращении казахов-кочевников в число православных христиан можно было наблюдать достаточно часто. Особенно в период джута или других социально-экономических кризисов в степи.

Мы располагаем несколькими дневниками священников, служивших в казахской степи в конце XIX – начале XX в. Один из них опубликован в открытой печати в 1900, другие хранятся в 175 фонде Государственного архива Оренбургской области, где отложены документы Оренбургского Епархиального комитета православного миссионерского общества.

Алексей Килячков, священник Георгиевский церкви города Тургая, совершавший инспекционные поездки иногда до 600 верст, особое внимание в своих дневниках уде-

ляет проблемам новокрещенных казахов, подчеркивая, что казахское общество в целом крайне негативно относилось к таковым. Сами новокрещенные, по мнению А. Килячкова имеют весьма поверхностный взгляд на христианскую веру, мало того, они перенимали вредные привычки и обычаи у русских – пить с радости и в горе, в силу мягкости и беспечности характера [13].

Вторит ему священник Макарьевского миссионерского стана Александр Иваншин: «В нравственной жизни новокрещенные проявляют крупные недостатки из них можно отметить: буйство и разлад в обществе, обман и пьянство. Последнее развито особенно сильно: выпивками сопровождается семейная радость, удача... Причинами таких печальных явлений, тёмных сторон в религиозно-нравственной жизни новокрещенных киргиз должно признать: 1) поверхностный взгляд на христианскую веру и ее требования. Многие возвышенные истины христианства остаются для них непонятными; не сознается важность исполнения того или другого христианского требования, а также и то насколько несовместимы с христианскими требованиями такие привычки и обычаи, которые унаследовали или переняли от других; 2) пагубное влияние русских своим обычаем пить с радости и горе, при различных сделках; 3) частая вражда по земельному вопросу с жителями поселка Михайловского; 4) разобщенность новокрещенных, собранных от всех сторон Киргизии; 5) природная мягкость и беспечность, пристрастие к укоренившимся привычкам, требующих не мало усилий, чтобы искоренить их. Вследствие таких причин в материальном отношении многие новокрещенные убоги, всегда нуждаются в материальной поддержке или хлебом или деньгами» [14. Л. 56–57].

В дневнике А. Килячкова мы читаем: «...спросил о крещенном казахе Николае Степнове. Они сделали вид, что не знают, но на теоретический вопрос об отношении к крещеным казахам сказали – убьют. Разговор им явно не нравился» [15. Л. 132]. Ответ сам говорит за себя. Николай Степнов – это не кто иной как Алиби Джангильдин (1884–1953). Имя Николая Степнова станет революционным псевдонимом этого неординарного человека.

Ефрем Елисеев в своих «Записках миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899», описал убийство новокрещенного Токуша (в христианстве Ивана) в Зайсане как факт хоть и единичный, но «в высшей степени прискорбный» [16, с. 33–34].

Елисеев не раз подчеркивал, что перед священниками стоит очень непростая задача христианизации казахов-кочевников [16, с. 10]. При этом он развенчивает миф о казахах как о «плохих мусульманах». Буквально пишет следующее: «К сожалению, такое представление о киргизах часто далеко не соответствует действительности. Как видно будет ниже, киргизы зачастую проявляют такую же слепую преданность исламу, как и фанатики-татары, и поэтому оглашение киргизских степей святыми истинами веры Христовой нередко требует от миссионера-проповедника невероятных усилий...» [16, с. 5].

Священник пишет о том, как тяжело на «громадном пространстве в 55,000 кв. верст и при 95,000 мусульман, охраняемых аульными и волостными муллами и фанатичными татарами из Казани, поселившихся среди киргиз под именем чалоказак. Если

взять во внимание число школ и мулл, имеющих в каждом малочисленном аульном обществе в обширных киргизских степях, то что может значить против такой силы единственный миссионер, живущий около какого-нибудь маленького общества ново-крещенных? К тому же сама мусульманская религия так естественна и сродна кочевому киргизу» [16, с. 151].

На страницах данных Записок можно, однако, встретить и надежду на то, что христианизация казахов возможна. Так, Ефрем Елисеев пишет, что, приехав в район реки Курчум, что в Алтайских горах, он с удивлением обнаружил отсутствие влияния татарских мулл в волостях Майтерековской и Калджирской, но заметил и то, что нога миссионера там также еще не ступала, а значит, был шанс приобщить население к новой вере [16, с. 23].

Выполняя свою религиозную миссию, для привлечения казахов в лоно православной церкви, Е. Елисеев описывает в своих записках различные меры, к которым он прибегал для её успешного выполнения. Среди них: частое отправление богослужения, проговаривал на каждой службе поучения, собирал по воскресеньям новокрещенных и читал им акафисты, беседовал на религиозные темы, приглашал к себе домой для беседы, объяснял смысл молитв, читал вслух религиозные тексты и молитвы на казахском языке, участвовал в открытии школ для казахских новокрещенных мальчиков [16, с. 6, 36]. При этом Елисеев отмечает, что от школы как таковой степняк ждет исключительно практической пользы – для развития земледелия, огородничества – всего того, что их родители-кочевники не знали. В школе имеются отдельные сельскохозяйственные инструменты – молотилка, веялка и плуг, подаренные школе бывшим степным генерал-губернатором Г. А. Колпаковским. Однако школы не располагают землей, что затрудняет в полной мере реализовать данное устремление [16, с. 171].

Е. Елисеев с удивлением отмечает, насколько казахи глубоко убеждены в своем превосходстве над русскими, объясняя это религиозным преданием о Пророке, подчеркивая, что издревле русские также были кочевниками и мусульманами, как и все другие народы, но позже приняли христианство как недостойные звания мусульманина [16, с. 153].

Конкретный опыт одного только священника существенно расширяет наши представления о реальной ситуации в степи в плане религиозного разнообразия и насыщенности повседневной религиозной жизни степняков-казахов рубежа XIX–XX вв. Кроме того, Е. Елисеев пишет о раскольниках-чашечниках, которые поселились так далеко, по его мнению, не столько для сохранения веры, сколько для уклонения от казенных повинностей и налогов. Он упоминает три деревни: Чиганькатты, Тюскаин и Березовая, подчеркивая, что у каждого раскольника есть берданка, хотя они не отбывают воинской повинности, но при этом обижают казахов, пугая и разгоняя их выстрелами. Священник подчеркивает, что казахи прозвали эти деревни «жаман-кала» и вполне правы со своей точки зрения [16, с. 25–26]. При этом Е. Елисеев пытается объяснить такое недопонимание и недоверие между раскольниками и казахами особенностями повседневной жизни тех и других. Если казахи поразительно щедры и делятся всем буквально от хлеба до ночлега, то раскольники, наоборот, в силу своих религиозных представлений, крайне неприветливы, негостеприимны, никогда не сядут за общий стол не только с казахом, но и с любым русским не их веры [16, с. 35].

Подводя итог нашим рассуждениям можно сказать следующее. Взаимовлияние имперского центра и периферии шло по разным каналам. Мы остановились на характеристике религиозной миграции и влияния Русской православной церкви не только на христиан-переселенцев, но, что особенно важно, на увеличение паствы в казахской степи за счет новокрещенных казахов-кочевников. Используемые источники демонстрируют нам как непростой характер взаимодействия переселенцев и казахов, так и весьма неоднозначный результат реализации имперской религиозной политики на рубеже XIX–XX вв., направленной на интеграцию народов империи, как основного результата аккультурации в первую очередь в религиозной сфере. На этом пути процесс аккультурации был взаимным. Шел активный процесс знакомства с новыми образцами культуры обеими сторонами, но пока еще с частичным восприятием другой культуры.

1. *Eisenstadt S.* Cultural Orientations and Center-Periphery in Europe in a Comparative Perspective // Mobilization, Center-Periphery Structures and Nation-Building: a Volume in Commemoration of Stein Rokkan / ed. by P. Torsvik. Bergen: Universitetsforlaget; Irvington-on-Hudson, N. Y. : Columbia University Press, 1981. 567 p.
2. *Friedmann J.* Regional Development Policy. Boston, 1966. 279 p.
3. *Hartshorne R.* The Functional Approach in Political Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1950. № 40. P. 95–130.
4. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер с англ. П. М. Кудюкина под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Университетская книга, 2001. 416 с.
5. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Изд. Канцелярии Комитета Министров, 1900. 374 с.
6. *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск : Обл. Гос. изд-во, 1951. 208 с.
7. *Абдиров М. Ж.* История Казачества Казахстана. Алматы : Казахстан, 1994. 160 с.
8. *Алексеев Н. В.* Русские и казахи Верхнего Прииртышья в XVIII – начале XX века. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967; *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири XVIII – начала XX в. Омск, 1973.
9. *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов. Алматы ; М., 1995. 319 с.
10. *Новоселов А.* Беловодье. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1957. 200 с.; *Хохлов Г.Т.* Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» / с предисл. В. Г. Короленко. СПб. : Тип.-лит. «Герольд», 1903. 112 с.
11. *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России 60-е гг. XIX в.– 1917 г. М. : Наука, 1965. 348 с.; *Мамсик Т. С.* Крестьянское движение в Сибири: вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. 268 с.; *Чистов К. В.* Русская народная утопия (гене-зис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. 539 с.; *Алексеев Н. В.* Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII – первая половина XIX в.) : монография. Усть-Каменогорск : Изд-во ВКГУ им. с. Аманжолова, 2012.

86 с.; *Алексеев Н. В.* Изучение истории населения Казахстана в XVIII–XX вв. Усть-Каменогорск, 2003. 84 с.; *Алексеев Н. В.* Население дореволюционного Казахстана: (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата : Наука, 1981. 110 с.

12. Россия. Полное географическое описание нашего отчества. Настольная и дорожная книга для русских людей : в 19 т. / под ред. В. П. Семенова. СПб. : Изд-во А. Ф. Девриена, 1903. Т. XVIII. Киргизский край. 479 с.

13. *Ковальская С. И.* Дневники священников как источник по истории Казахстана // Казакстанмурагаттары. 2009. № 3 (11). С. 113–118.

14. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 28.

15. ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. 142 листа.

16. *Елисеев Ефрем.* Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899. СПб, 1900. 228 с.

УДК 94 (571.1): 332.021

Л. В. Котович

УКАЗ 9 НОЯБРЯ 1906 ГОДА – «ВЕЛИКАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА...»: КРЕСТЬЯНСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЖУРНАЛА «СИБИРСКАЯ ДЕРЕВНЯ» ОБ ОБЩИННОМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ

Журнал «Сибирская деревня» откликнулся на важнейшие перемены, которые происходили в деревне, в их числе важное место занимали мероприятия аграрной реформы начала XX века. Крестьянские материалы, которые публиковались на страницах журнала в этой связи, позволяют говорить о том, что отношение к общинному землепользованию было неоднозначным. На страницах еженедельника была представлена позиция как сторонников, так и противников сохранения общинного землепользования.

Ключевые слова: община, общинное землепользование, отношение крестьян к общине.

L. W. Kotovich

THE DECREE OF 9 NOVEMBER 1906, THE “GREAT AND LAST HOPE...”: THE PEASANT CORRESPONDENT OF THE MAGAZINE “SIBERIAN VILLAGE” (SV) ON THE COMMUNITY LAND

The journal “Siberian village” responded to the major changes that occurred in the village, one of them occupied an important place in the activities of the agrarian reform of the early XX century. Peasant materials that were published in the pages of SV in this context, suggests that the attitude toward community-based land management has been mixed. On the pages of the weekly was presented the position of both supporters and opponents of the preservation of communal land.

Keywords: community, communal land tenure, the relation of the peasants to the community.

Перемены, переживаемые сибирской деревней в начале XX века, сделали весьма актуальным и даже злободневным вопрос об отношении к общинному землепользованию: сохранение/отказ.

Эта проблема активно обсуждалась на всех уровнях: в правительственных кругах, Государственной думе, в органах местного самоуправления. Сибирские крестьяне получили возможность высказать свои суждения на этот предмет на страницах журналов, которые стали в это время довольно широко распространяться среди сельских жителей, когда «периодика превращается в мощный рупор настроений самых широких масс» [1, с. 36].

В статье представлена позиция сибирских крестьян по отношению к общинному землепользованию. Источником для её написания послужили материалы крестьянских корреспондентов, опубликованные в журнале «Сибирская деревня» за период с 1913 (с момента выхода первого номера журнала) по 1917 г. Проблема землепользования обсуждалась в разделе «Корреспонденции с мест».

Работа с корреспонденциями журнала позволила выделить три сюжета. Во-первых, опубликованные в этом разделе материалы показывают осознание крестьянами остроты проблемы. Во-вторых, можно констатировать, что отношение к общинному землепользованию, по свидетельству крестьянских корреспондентов, было неоднозначным: сельские жители ратовали как за сохранение общинного наделного землепользования, так и за выход из общины. И, наконец, в-третьих, стратегия поведения крестьян сводилась к трём моментам, которые обозначены как:

- 1) пассивное отношение к проблеме;
- 2) осторожное экспериментирование;
- 3) активное проведение своей позиции.

Все эти стратегии в равной мере были представлены крестьянскими корреспондентами в «Сибирской деревне».

Так, крестьянин П. В. Дёмин (с. Кочергинское, той же волости Минусинского уезда), сообщал, что в их селе пользование землёй общинное и «в настоящее время оно вызывает массу недоразумений и ссор среди крестьян, так как жизнь идёт вперёд быстро, появляются новые земледельцы, нуждающиеся в земле, а её нет» [2, с. 19] и «вопрос о разделе земли на отруба уже назревший и необходимый» [2, с. 20]. Ещё драматичнее рисовал ситуацию крестьянин Г. Манкевич из д. Климовская (Большеулуйская волость Ачинского уезда). Он писал, что в их деревне с приходом новых жителей «начались раздоры из-за обладания всяким более доступным клочком земли. На почве таких споров в 1911 г. произошло даже убийство... Не находя другого выхода, крестьяне задумали выделиться на хутора. Летом текущего года проходят работы по обмеживанию хуторов. Почти ½ домохозяев выходит на хутора» [3, с. 17]

Крестьянские корреспонденты предлагали яркие зарисовки из жизни мирского самоуправления, показывающие отношение к общине и крестьянские стратегии решения вопроса наделения землёй. Пассивность крестьян заключалась в том, что, принимая решение, они не предпринимали никаких шагов по проведению его в жизнь. Позволю себе три примера. Любопытно свидетельство крестьянина Е. П. Щукина, который описал такую ситуацию: «На участок Плотбищенский Тасеевской волости Канского

уезда в начале сентября прибыл производитель работ, командированный для переговоров с нашими крестьянами о способе размежевания наших угодий. Три года назад наше общество постановило приговор о желании изменить систему землепользования вместо общинного на хуторскую и уже забыли об этом. И вот, как снег на голову, явился производитель работ. Собрали сход и сначала все предлагаемые производителем вопросы решали единогласно. Но когда затронули вопрос о разверстании, то тут и пошла кутерьма. Покричали достаточно... После перебранки решили оставить этот вопрос до окончания войны» [4, с. 17]. Упомянутый выше Г. Минкевич писал, что, несмотря на то, что оставшимся в общине останется меньше 15 десятин на душу, но «измерять весь участок не соглашаются, потому что не в состоянии дать требуемых землемерами рабочих из-за малочисленного населения» [4, с. 17]. Хуторянин Ив. Зубковский писал о своих соседях-общинниках: «Культурные и предприимчивые крестьяне, приезжая ко мне на хутор, вздыхали и говорили: «Вот кабы мне так, я бы через пять – шесть лет был бы первым хозяином. Ведь у вас можно всё посеять, и вырастет; скотину ли какую завести; птицу ли – всё перед глазами» [4, с. 17]. В корреспонденции Зубковского содержится сообщение о второй стратегии поведения – «осторожном эксперименте»: «Мой приятель приехал весной ко мне на хутор и для своих нужд посеял загон маку, а на следующий год хочет посеять у меня же гороху» [4, с. 17].

Завершая описания крестьянских стратегий поведения, приведу свидетельство активной позиции, которую демонстрировали и противники, и сторонники общины. Корреспондент «Сибирской деревни» И. Жибинов описывал сельский сход в с. Курагино (Минусинского уезда): «В селе Курагинском 18 мая с.г. [1914. – Л. К.] состоялся сельский сход, много лет желанный, на котором предreshился вопрос очень важный для среднего и низшего класса населения с. Курагинского. Это вопрос о разделе земли из общего пользования на участки» [5, с. 21]. Автор корреспонденции сообщал, что возбуждён этот вопрос был по инициативе местного крестьянина А. Д. Сбруева. Описывались инициативные действия Сбруева: он обошёл село подворно, опросил о согласии раздела, результат получился следующий: «изъявили согласие на раздел 184 человека, что дало возможность просить крестьянского начальника разрешить провести сельский сход» [5, с. 21]. «Когда собрался сельский сход и довольно порядочный, суждений было довольно много и крупные землеробы старались убедить, что деление земли повлечёт за собой много неудобств и т. д. Шум поднялся сильный и, казалось, что приговор о разделе не состоится, пришлось опросить по составленному Сбруевым списку о согласии дележа, оказалось следующее: что $\frac{1}{3}$ часть отказалась под разными предложениями: я не записывался, я отдумал и т. п. Пришлось после выяснения целесообразности раздела предложить разойтись на две группы, чтобы можно было видеть мнение большинства; оказалось следующее: из-за стеснения перед кумом, братом, сватом, а тем более перед богатым мужиком, отходило на сторону раздела мало и то уходило обратно, а многие не подымались с мест. Пришлось принять меру другую, которая оказалась более практична. Пришлось просить у кредитного общества баллотировочный ящик, который решил бы участь богатеев. Но и тут встретилось препятствие со стороны сельского старосты. Порядок баллотировки принят был следующий: был составлен список лиц, явившихся на сход по мере их прихода. Порядок такой установлен бы

для того, чтобы не мог один член общества в разное время положить два шара, а также и одного дома двое. Явившихся на сход было почти 300 человек, с правом решающего голоса 280 человек» [5, с. 21]. Описывался ход голосования: «Вот поставлен ящик и шары, сход приходит в некоторое недоумение, маленькая кучка чувствует, что этот ящик сейчас решит то, что не удавалось сделать много лет. При начале баллатировки было выяснено, куда класть шары за раздел и за общину, но так как публика деревни не привыкла решать вопросы баллатировкой, то просили, чтобы староста стоял около ящика за общину, а Сбруев за раздел, что и было сделано. Выдавая шары и вызывая общинников по списку, староста сообразил, что кладут шары почти равномерно, в тот и другой ящик. Видя, что последняя публика, по его мнению, будет класть за раздел и подсчитывая по списку сколько вышло шаров... староста заявил сходу, что шаров вышло более $2/3$, и дальше баллатировку прекратить. Тут пришлось выяснить, что так делать нельзя, нужно, чтобы кто имеет право решающего голоса, тот должен обязательно класть шар. Тогда староста берёт шары и уходит в другой конец зала со словами, что он продолжать баллатировки не будет, а если де хотите, то действуйте сами. Желающие делить землю заявили, что они уходят со схода и даже пошли, но с тем, чтобы действия старосты обжаловать у крестьянского начальника. Тогда староста вернулся обратно и продолжил баллатировку. При подсчёте оказалось следующее: за общинное пользование высказались 117, за раздел 169» [5, с. 22]. «После подсчёта пошумели, покричали, да и порешили оставить до следующего сельского схода, который назначен на 26 мая с.г. Цель схода избрать комиссию для выработки проекта дележа и дать материал для комиссии, т. е. в каком направлении выработать проект, на какой возраст наделять и на какое многополие» [5, с. 22].

Если для Петра Аркадьевича Столыпина, как заметил А. Я. Аврех, «просто сказать, что указ 9 ноября 1906 г. был главным делом жизни Столыпина, будет явно мало. Это был символ веры, великая и последняя надежда, одержимость, его настоящее и будущее – великое, если реформа удастся; катастрофическое, если ее ждет провал. Столыпин прекрасно это создавал» [6, с. 52], то для сибирских крестьян это было не так однозначно. Крестьяне, корреспонденты журнала «Сибирская деревня», со всей очевидностью в своих материалах показали, что борения «быть или не быть общине» далеко не закончились, и чтобы одержать победу в этой драматичной борьбе, нужно было приложить ещё немалые усилия как сторонникам, так и противникам общинного землепользования.

1. Ганелин Р. Ш., Куликов С. В. Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: учеб. пособие. СПб. : Изд-во Д. Буланина, 2000. 92 с.

2. Корреспонденции с мест // Сибирская деревня. 1914. № 18.

3. Корреспонденции с мест // Сибирская деревня. 1914. № 19.

4. Корреспонденции с мест // Сибирская деревня. 1915. № 20.

5. Корреспонденции с мест // Сибирская деревня. 1914. № 16.

6. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М. : Политиздат, 1991. 286 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЕМНОГО ТРУДА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – XX ВВ.

В работе на основе архивных и опубликованных источников рассматриваются вопросы использования наемного труда в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Делается вывод о том, что сельские предприниматели в регионе при найме рабочих предпочтению отдавали помесичной форме и более двум видам найма, при этом в предпринимательских хозяйствах преобладал вольный наем рабочих за деньги. Применение некапиталистических форм найма не нашло широко применения в Западной Сибири в силу более свободных условий землепользования, чем в Европейской России. В годы Первой мировой войны, в условиях дефицита рабочих рук, в предпринимательских хозяйствах стал широко использоваться труд военнопленных, женщин и местного киргизского населения. В целом в военные годы обеспечение хозяйств сельских предпринимателей трудовыми ресурсами ухудшилось, что не могло не сказаться на товарности этих хозяйств, вызвав ее снижение.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельские предпринимательские хозяйства, Западная Сибирь, наемные рабочие, половозрастной состав, формы найма, заработная плата.

I. I. Krott

THE USE OF HIRED LABOR IN ENTREPRENEURIAL FARMS IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURIES

The work on the basis of archival and public sources examines the use of hired labor in entrepreneurial farms in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries. The conclusion is made that rural entrepreneurs in the region, in hiring workers, gave preference to the monthly form and to more than two types of hiring, while in business enterprises the free employment of workers for money predominated. The use of non-capitalist forms of hiring was not widespread in Western Siberia due to the more free land use conditions than in European Russia. During the First World War, in the conditions of a shortage of labor, in business enterprises the work of prisoners of war, women and the local Kirghiz population began to be widely used. In general, in the war years, the provision of farms for rural entrepreneurs with labor resources deteriorated, which affected the marketability of these farms, causing it to decline.

Keywords: agriculture, rural business enterprises, Western Siberia, wage workers, age and sex composition, forms of employment, wages.

Всестороннее изучение процесса социально-экономической модернизации сибирской деревни в позднеимперский период требует определения распространенности наемного труда в сельском хозяйстве. Изучение рынка сельскохозяйственных рабочих в условиях раннеиндустриальной модернизации Западной Сибири традиционно являлось одним из приоритетных направлений в отечественном сибиреведении. В трудах Л. М. Горюшкина, В. Г. Тюкавкина, Л. Ф. Складорова, В. А. Степынина, В. Н. Худякова, В. И. Пронина, В. А. Бузановой и ряде других работ исследовались разнообразные вопросы, посвященные формированию рынка наемной рабочей силы в Сибири, численности и половозрастному составу сельскохозяйственных рабочих, их заработной платы, условий и сроков найма, а также порайонным особенностям этих явлений. Но если изучение наемного труда в крестьянских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. имеет обширную историографическую традицию, то этого нельзя сказать о сельских предпринимательских хозяйствах.

Обращение к анализу вопросов, связанных с применением наемного труда в предпринимательских хозяйствах в работах названных выше историков, имело место быть, но оно носило подчиненный характер. Специальных конкретно-исторических исследований по этой проблеме не предпринималось. Между тем комплексная характеристика наемного труда в предпринимательских хозяйствах может существенно расширить наши представления о состоянии и уровне развития рынка сельскохозяйственных рабочих, характере и направлениях его эволюции в условиях модернизации.

Развитие капиталистических отношений в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. сопровождалось растущим применением в сельском хозяйстве наемного труда. После сооружения Транссибирской железнодорожной магистрали, усилившей переселения, рынок наемной рабочей силы региона значительно расширился. В 1914 г. Переселенческое управление отмечало, что наем сельскохозяйственных рабочих в Сибири – «явление постоянное и довольно распространенное» [1, с. 52].

В Сибири как колонизируемой территории рынок сельскохозяйственных рабочих отличался прежде всего источниками формирования. В начале XX в. здесь был сильно развит, а в интенсивно заселяемых районах и преобладал, «колониционный» вариант этого процесса – образование, вернее, пополнение рынка рабочей силы за счет переселенцев [2, с. 213].

Для рынка наемных рабочих в сибирской деревне, во-первых, характерна текучесть, связанная с непрерывным притоком переселенцев, когда некоторые из них сумевшие завести хозяйство, исчезали с рынка как продавцы рабочей силы, а их место занимали другие [2, с. 221]. Пока крестьянин владел каким-либо движимым или недвижимым имуществом, существовала возможность превращения его в независимого хозяина или иллюзия этой возможности. По своим ментальным характеристикам рабочие сибирской деревни принадлежали в большей степени к крестьянству, а не пролетариату [3, с. 122].

Во-вторых, наряду с крупными применяли рабочую силу и мелкие товарные хозяйства, которые использовали труд наемных сельских рабочих с предпринимательскими и потребительскими целями соответственно [3, с. 122]. Потребительский найм допускал преобладание личного участия в производстве над наемным трудом, а пред-

принимательский – осуществление производства либо только на основе наемного труда, либо с ограниченным участием собственника средств производства [3, с. 120].

Следует отметить, что Сибирь имела определенные успехи в формировании локальных рынков рабочей силы, охватывающих территорию нескольких уездов. Осенью один из таких рынков складывался из нескольких уездов Западной Сибири и Степного края (Туринского, Тюменского, Тарского, Ялуторовского, Ишимского и Омского), другой – из уездов Енисейской губернии (Ачинского, Красноярского и Минусинского) [4, с. 30].

По мнению В. И. Пронина, в начале XX в., несмотря на определенные сезонные трудности, «формирование одного из локальных рынков в составе уездов Тобольской губернии (Тюменского, Тарского, Ялуторовского Ишимского и Тюкалинского) было близко к завершению» [4, с. 30].

Относительная локальность мелких рынков сельскохозяйственных рабочих в различных регионах Сибири свидетельствовала о том, что процесс создания единого рынка не завершился [5, с. 112]. Но и при этом условии наемный труд в сибирской деревне получил широкое распространение.

В исторической литературе неоднократно отмечалось характерное для Западной Сибири соотношение форм найма. Л. М. Горюшкин утверждал, что это соотношение было одинаковым у переселенцев и всех крестьян и выражалось следующим порядком: поденный, сроковый, годовой, сдельный [2, с. 222]. При этом до половины всех наемных работ выполнялось годовыми и сроковыми работниками, что свидетельствовало о наличии в сибирской деревне сложившегося ядра постоянных наемных рабочих [2, с. 222]. В. Я. Нагнибеда, используя данные переписи 1917 г. по Томской губернии, также назвал поденный найм наиболее распространенным: 68,7 % сообщений о случаях найма падает на поденный [6, с. 23].

Основную часть наемных сельскохозяйственных рабочих региона составляли мужчины. Но, как показала перепись 1897 г., женский труд имел тоже широкое распространение – 18,3 % или почти 1/5 всех наемных рабочих, занятых в сельском хозяйстве Западной Сибири, были женщины [7, с. 4].

Половозрастные данные сказывались на формах найма и видах выполняемых работ. На год и более в Западной Сибири нанимали людей преимущественно молодых. Крестьяне постарше были заняты главным образом в поденным и сезонным наймах. Мужчин нанимали косить сено и хлеб, заготавливать лес, женщин – вязать снопы, доить коров, выполнять «домашнюю работу», детей – для подсобных работ при уборке сена и хлеба [2, с. 216].

В качестве нанимателей на сельскохозяйственные работы выступали старожилы, переселенцы, сельскохозяйственные предприниматели и сибирские казаки [1, с. 52].

Быстрый рост в предпринимательских хозяйствах капиталистического производства зерна для продажи требовал большого количества наемных рабочих рук. В сибирских условиях неизбежность найма сельскохозяйственных рабочих при значительных масштабах предпринимательских хозяйств определялась двумя обстоятельствами: особенностями климата и зерновым направлением производства. Период уборки (июль, август, сентябрь) наиболее богат на осадки, более того, на эти же месяцы приходится

максимальное число пасмурных дней в году, что значительно сокращало число фактических рабочих дней [8, с. 199]. Между тем благодаря зерновому направлению основные хозяйственные работы распределялись главным образом на этот период [9, с. 7, 17]. В таких условиях при товарном уклоне предпринимательских хозяйств нельзя было избежать широкого использования труда наемных рабочих в критические периоды полевых работ.

Имеющиеся материалы показывают, что в Западной Сибири еще в конце 1880-х – начале 1890-х гг. отмечалась тенденция роста предпринимательских хозяйств и использования в них наемного труда. Так, в Алтайском округе у крестьянина Минина в 1880-х гг. было 800 лошадей, более 1000 овец и 1000 крупного рогатого скота. В. А. Остафьев писал, что «заимка этого крестьянина превратилась в крупную помещичью усадьбу с массой батраков» [10, с. 64]. Л. Г. Сухотина в своей кандидатской диссертации приводит материалы обследования 1880–1890-х гг. по Томской губернии, показывающие наличие крестьянских хозяйств, в которых насчитывалось лошадей до 75 голов, крупного рогатого скота до 80 и мелкого до 177 голов на двор [11, с. 314–315]. По данным В. Н. Худякова, в Тобольской губернии и в граничащих с ней северных округах Акмолинской области в начале 1890-х гг. было немало крупных хозяйств, арендующих от 1000 до 3000 и более десятин «удобной» земли, основная часть которой была предназначена для посева хлебов [12, с. 82]. Газета «Тобольские губернские ведомости» опубликовала данные об аренде земли в 1893 г., из которых видно, что 47 крестьян арендовали более 200 дес. каждый, 46 – более 500, 23 – более 1000 дес. [13]. Нет сомнений, что такого типа хозяйства являлись капиталистическими, так как все они не могли обойтись без найма работников и широкой продажи продуктов производства на рынке.

Число крупных капиталистических хозяйств в конце XIX в. было невелико, но они перестали быть единичным явлением, как в первой половине XIX в. В начале XX в., и особенно в первом десятилетии, количество крупных предпринимательских хозяйств и их роль в сельскохозяйственном производстве продолжали увеличиваться [14, с. 64–85].

Сельские предприниматели использовали капиталы в сфере производства, причем более крупного и совершенного по своей организации, основанного на применении сельскохозяйственных машин и наемной рабочей силы. В зависимости от специализации и профиля хозяйства в том или ином районе предпринимательство охватывало различные отрасли. В степных районах Западной Сибири сельскохозяйственные предприниматели вкладывали капиталы в производство зерна, сочетая его с мясо-рабочим, реже мясомолочным разведением крупного рогатого скота, мясошерстным овцеводством; в лесостепных – преобладало животноводческое производство и земледелие; в таежных – занимались скотоводством, преимущественно мясомолочного направления [14, с. 88–154].

В этих же хозяйствах аграрное производство тесно переплеталось с торгово-промышленной деятельностью. Сельскохозяйственные предприниматели имели различные предприятия обрабатывающей промышленности, которые работали как на рынок, так и на внутривозвращенное потребление [15, с. 125, 133, 135, 210–213, 219–221, 224].

При достаточном количестве сельскохозяйственных машин, предприниматели Западной Сибири нанимали в свои хозяйства в летний период от 100 до 200, а в некоторых случаях до 300 человек рабочих. Так, для ведения хозяйства Н. С. Николенко нанимал летом до 120, а зимой до 50 рабочих, Е. М. Красюков соответственно до 200 и до 15 человек. А. П. Бодылевский имел летом 190, зимой до 50 наемных рабочих. С весны до октября – ноября в хозяйстве братьев Я. И. и Г. И. Шварц были заняты 115, у С. Е. Острянина 300 рабочих [15, с. 72, 83, 88, 98, 102, 106, 111, 117, 122, 129, 132, 138, 143–144, 150].

По данным Н. П. Огановского, 13 предпринимательских хозяйств в Омском уезде Акмолинской области нанимали летом 2382 работника, или более 180 на одно хозяйство. У них было 2000 лошадей, 5500 голов крупного скота и 37,5 тыс. овец [16, с. 14].

Сельскохозяйственные предприниматели при найме рабочих предпочтение отдавали помесечной форме, затем следовали поденная, сдельная и годовая. При этом необходимо указать, что сельскохозяйственные наемные рабочие на период найма получали «хозяйский стол», т. е. находились на полном содержании предпринимателя [15, с. 72, 82, 88, 98, 102, 106, 111, 117, 122, 129, 133, 143].

Практически аналогичное соотношение форм найма в предпринимательских хозяйствах Сибири приводит в своих работах В. Г. Тюкавкин, который отмечал, «что в сибирской деревне... сельская буржуазия гораздо охотнее и чаще прибегала к поденному и сдельному найму» [17, с. 259].

Большой интерес для изучения размеров найма и его роли в деревне Западной Сибири представляют данные обследования селений Томской губернии за 1911–1912 гг., включающие сведения о различных формах найма в различных группах хозяйств [18, с. 193, 194, 198–199]. Эти данные подтверждают, что многопосевные хозяйства в целом больше нанимали сельскохозяйственных рабочих, а две трети предпринимательских хозяйств прибегали к двум и более видам найма [18, с. 193, 194, 198–199].

По подсчетам В. Г. Тюкавкина, бедняцкое хозяйство в Западной Сибири начала XX в. в среднем нанимало работника на 9 дней, середняцкое – на 14, а «кулацкое» – на 62 дня [17, с. 262]. Таким образом, можно констатировать, что в бедняцких дворах наемный труд играл подсобную роль и только в самые страдные дни, а в предпринимательских работник нанимался на весь период напряженных работ (от посева до уборки). Как уже было отмечено выше, из-за климатических условий посев, уборка и сенокос в Сибири проводились в более сжатые сроки, чем в Европейской России, и это объясняет большее преобладание поденного и сдельного найма.

О том, какую роль наемный труд играл в предпринимательском хозяйстве, можно судить по данным обследования хозяйства предпринимателя деревни Редкая Каинского уезда Томской губернии [18, с. 464–499]. В течении года в названном хозяйстве было затрачено на все работы 1374 полных рабочих дня, из них 614 своих и 760 наемных. Следовательно, на наемных работников приходилось 55,4 % рабочих дней. Но если рассматривать число рабочих дней только в сельскохозяйственном производстве, то преобладание наемного труда получается еще большим. Рабочие дни членов семьи были заняты: 230 – в купле-продаже, 165 – в скотоводстве, 40 – в маслоделии. Нанимали же в хозяйстве одного работника на полевой период (90 дней), на сенокосение (10 дней)

и на извозный промысел (40 дней). Если исключить рабочие дни, потраченные на куплю-продажу, как не относящиеся к сельскохозяйственному труду, то в остальных работах наемный труд составлял ровно две трети по числу рабочих дней. Более того, из всех хозяйственных расходов в 3412 руб. на оплату наемного труда в хозяйствах обследованных в 1911–1912 гг. селений Томской губернии было затрачено 841 руб., или 25 % [18, с. 464–499]. Вкладывая в наем рабочих четверть капитала, сельскохозяйственный предприниматели, получали от этого основную прибыль, так как наемный труд преобладал в их производстве.

Более крупные предпринимательские хозяйства не ограничивались наймом, а имели постоянных работников. Об этом свидетельствуют и данные справочной книги «Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России» (СПб., 1913), где содержатся характеристики многих предпринимательских хозяйств в Акмолинской области, Тобольской и Томской губерниях с историческим экскурсом в их прошлое. Так, в хозяйствах Н. С. Николенко, Т. С. Леженкиной, Т. М. Подковырова, И. Т. Калмыкова Омского уезда Акмолинской области было разное количество постоянных сельскохозяйственных рабочих, которым платили от 80 до 220 руб. в год [15, с. 72, 88, 106, 129].

В предпринимательских хозяйствах Западной Сибири преобладал вольный наем за деньги. Оработки не нашли широкого применения в регионе главным образом потому, что здесь были более свободные условия землепользования. Крестьянин, имеющий лошадь и сельскохозяйственный инвентарь, мог расширить свой участок за счет пустующих земель, а если нанимался, то не за землю, а за деньги, которые в условиях относительного земельного простора ему были нужнее, чем земля.

Статистические подсчеты В. Г. Тюкавкина по Томской губернии свидетельствуют о преобладании капиталистического найма работников в сельском хозяйстве. Так, формы натуральной оплаты в Томской губернии на сельскохозяйственных работах у мужчин составляли 33 %, у женщин – около 50 % заработка [17, с. 265]. При этом в оплату натурой входили харчи и одежда хозяина на период работы и лишь частично доля урожая. Из всей натуральной оплаты на харчи приходилось по данным обследования хозяйств старожилов и переселенцев в Томской губернии, более 70 % [18, с. 209, 420].

Заработная плата наемных рабочих в сельском хозяйстве Западной Сибири была в среднем несколько выше, чем в Европейской России [19, с. 57]. По материалам обследования крупных предпринимательских хозяйств Акмолинской области, средняя плата месячным рабочим в хозяйствах сельских предпринимателей летом была 18 руб. 90 коп., зимой – 11 руб. 73 коп.; поденным рабочим – 1 руб. 13 коп. Для сравнения, плата сельскохозяйственным рабочим в Симбирской губернии была месячным рабочим летом 6 руб. 90 коп., зимой – 5 руб. 60 коп., а поденным рабочим – 58 коп. [9, с. 7–8].

В 1913 г. в среднем по Сибири плата за год наемному работнику мужчине составляла 90 руб., женщине – 42 руб. и подростку – 35 руб., а вместе с едой и одеждой хозяина – 196, 140 и 125–130 руб. соответственно [1, с. 60–61].

В специальной исторической литературе 1960–1970-х гг. уже отмечался высокий спрос на рабочие руки в сибирской деревне по сравнению с их предложением. Причем наибольшая нехватка ощущалась в Томской и Енисейской губерниях, где, по мнению

Л. М. Горюшкина, капиталистические отношения в деревне развивались более интенсивнее, чем в других регионах Сибири [2, с. 216–217].

Нередко определенный дефицит рабочей силы испытывали и предпринимательские хозяйства, хотя они имели большие возможности для найма сельскохозяйственных рабочих, чем обычные крестьянские хозяйства. Так, в хозяйстве братьев Кондратовых в Ишимском уезде Тобольской губернии, по мнению тобольского губернатора, зарабатывалось под пашню только 2 тыс. дес. земли как раз «из-за недостатка наемных рабочих» [20]. Известный в Сибири предприниматель Ф. Ф. Штумпф в 1902 и 1903 г. также вынужден был привозить рабочих для своего образцового хозяйства из Уфимской губернии по причине их недостатка на местном рынке [9, с. 7].

Следует отметить, что очень часто особенно предпринимательские хозяйства овцеводческого типа не могли найти на рынке труда в Западной Сибири необходимой квалификации наемных рабочих, поэтому вынуждены были приглашать сельскохозяйственных рабочих из других регионов. В нашем распоряжении имеются статистические данные ветеринарного врача М. Ф. Лозовских, который в 1904 г. обследовал 15 предпринимательских хозяйств овцеводческого типа в Западной Сибири. В этих хозяйствах на момент обследования имелось 18 328 овец, среди которых тонкорунные овцы (новая порода для Сибири) составляли 90,4 %. По данным, полученным М. Ф. Лозовских от сельских предпринимателей, для ухода за животными имелись постоянные наемные рабочие – чабаны и пастухи. Первые, приехавшие вместе с предпринимателями из Европейской России, получали от 150 до 200 руб., вторые – от 60 до 120 руб. в год. Все рабочие находились на содержании у владельцев хозяйств [21, с. 220, 218].

Недостаток наемных рабочих рук острее чувствовался в местностях, более развитых в сельскохозяйственном отношении. В Томской губернии это западная часть Барнаульского и юго-западная Томского уездов, юг Каинского и северо-восток Бийского уездов, где были сосредоточены основные посевные площади. Омский уезд Акмолинской области, Тюкалинский уезд Тобольской губернии также испытывали дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве. Недостаток наемной рабочей силы в одних районах сочетался с избытком ее в других – север Каинского, Томский и западная часть Кузнецкого уездов Томской губернии. Первые районы преобладали над вторыми, что сказывалось на высоком уровне цен на рабочую силу в сибирской деревне [2, с. 217].

В начале XX столетия в экономике Западной Сибири протекали противоречивые процессы, когда новые прогрессивные явления соседствовали и переплетались с пережитками феодальной эпохи. Определенным проявлением последних являлась испольтщина, которая встречалась в некоторых предпринимательских хозяйствах [22]. В хозяйстве Хаймовичей Саргатской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии из 1232 дес. пахотной земли 150 дес. обрабатывали испольтчики [23. Л. 236об.]. «Испольтчики эти, – писал в 1913 г. старший специалист по сельскохозяйственной части Тобольской губернии Жоховский, – пользуясь отчасти живым и мертвым инвентарем, а также семенным материалом владельцев, должны дать рабочие руки для посева, ухода, уборки, молотьбы и очистки урожая, которого половина остается в их пользу» [23. Л. 240об.]. Происходило своеобразное сочетание отработок (испольтщины) с наймом: хозяин нанимал не крестьянина с орудиями, а пролетария и давал ему орудия, как

при капиталистическом найме, но при этом форма оплаты была как при издольщине. Крестьянин заинтересован в качестве обработки поля и в лучшей уборке урожая, так как получает его часть и в то же время производительность труда у него выше, чем при отработке, потому что он работает не своим жалким инвентарем, а усовершенствованными орудиями предпринимателя – хозяина.

Сельский предприниматель из Кулачинской волости Тюкалинского уезда Р. Г. Шпехт, имевший 700 дес. земли, 400 коров, маслозавод и 50 овец, с 1910 г. собственными силами полеводством не занимался, а сдавал землю крестьянам, за что те отдавали ему половину урожая в зерне [23. Л. 240–240 об.]. Но, в отличие от Хаймовичей, Р. Г. Шпехт, чтобы заинтересовать крестьян в качестве работы и в бережном отношении к лошади и инвентарю, договаривался с испольщиком, что отдаст в собственность лошадь и инвентарь через пять лет работы [23. Л. 240–240 об.]. Этим достигалось и еще одно условие для предпринимателя: он был обеспечен работниками на 5 лет, независимо от состояния рынка рабочей силы, который был недостаточным в урожайные годы.

Г. А. Браун из того же Тюкалинского уезда Тобольской губернии сдавал испольщикам около 200 дес. земли. Они обрабатывали ее на свои средства, использовали свои семена и орудия, отдавая предпринимателю за использование земли десятую часть урожая зерновых и пятую часть сена [23. Л. 239].

В Омском уезде Акмолинской области в хозяйстве А. П. Бодылевского испольщикам предоставлялись земля и семена для посева из расчета 6 пуд. на десятину, а все остальные работы они производили своим инвентарем [24. Л. 9 об.]. Урожай в таком случае распределялся двумя способами. При плохом урожае зерно делилось пополам, а при хорошем – все зерно оставалось у испольщиков, а А. П. Бодылевский получал обратно весь семенной материал и по 50 руб. с десятины посева [24. Л. 10].

Существование в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири испольщины можно объяснить, во-первых, стремлением предпринимателей обеспечить свои хозяйства необходимым количеством рабочей силы; во-вторых, относительно невысокой платой за десятину земли, что позволяло получать доход от земли, имея даже от 1/10 и до 1/2 части урожая, произведенного испольщиками.

В целом испольщина являлась не типичным, по мнению ряда сибирских историков, явлением в регионе, и она не получила широкого распространения [17, с. 266–268; 25, с. 214]. Так, в Тюкалинском уезде Тобольской губернии из 14 предпринимательских хозяйств, описанных в справочной книге Переселенческого управления, только 3 хозяйства (или 21,5 %) имели испольщиков [15, с. 209–225].

Развитие сельского хозяйства Западной Сибири в годы Первой мировой войны является большим и сложным вопросом, к сожалению, пока не получившим должного освещения на страницах нашей исторической литературы.

Война оказала существенное влияние на основные процессы капиталистического развития сельского хозяйства региона – применение наемного труда и машин, состояние товарности. С самого начала войны началась мобилизация населения Сибири. В течение трех лет войны регион в целом пережил 20 воинских наборов мужского населения: в 1914 г. – 6; в 1915 г. – 10 и 1916 г. – 4 [26, с. 230]. Правительство призвало в армию из

сибирской деревни около 1 млн чел., более половины всех трудоспособных мужчин [27, с. 72–73, 86–87]. Переселенческое движение представлявшее в довоенное время один из основных источников пополнения наемной рабочей силы в деревне, в годы войны почти совершенно прекратилось. Недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве Сибири являлся весьма острой проблемой. Омский отдел Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) в 1916 г. отмечал: «...В настоящее время новые мобилизации совершенно обезлюдили деревни. Сельское хозяйство осталось совершенно без рабочих рук и тем самым в безвыходном положении» [28, с. 113]. В 1917 г. 39,6 % всех хозяйств Сибири не имели наличных работников [27, с. 72]. Согласно данным с мест, в Акмолинской области, Тобольской и Томской губерниях на январь 1916 г. требовалось как минимум 200 тыс. чел. рабочих [29. Л. 39об]. В феврале 1916 г. состоявшееся в Омске совещание по продовольственному вопросу пришло к заключению, что только для Томской губернии и Степного края необходимо 244 тыс. сельхозрабочих [30].

Условия военного времени изменили состав наемных рабочих, обусловили довольно широкое использование труда военнопленных. Десятки тысяч германских и австро-венгерских военнопленных появились в Западной Сибири уже осенью 1914 г. [31] Из 257 тыс. пленных, числившихся в Российской империи на 1 января 1915 г., в Сибири было размещено 186 тыс., а летом 1915 г. их число значительно возросло, достигнув в Иркутском и Туркестанском военных округах по 200 тыс. в каждом и 152 тыс. – в Омском [32, с. 16]. 23 февраля 1915 г. Совет министров утвердил «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», предусматривавшие посылку их партиями по 100 чел. и более, сроком не менее чем на 3 месяца в распоряжение земств. В Сибири, где земств не было, распределением пленных на сельскохозяйственные работы занимались главным образом местные власти, создавшие для этого специальные комитеты [26, с. 233]. По данным Л. М. Горюшкина, весной 1915 г. только в сельском хозяйстве Тобольской губернии использовалось более 30 тыс. пленных [33, с. 203].

Отпуск пленных на сельхозработы облегчался посредничеством МОСХ. Чтобы не погрязнуть в бумажной волоките, военные пошли навстречу его местным отделам, позволив распределять пленных по сельским хозяйствам Западной Сибири. Посредничество МОСХ спасало сельских жителей от волокиты при обращении за отпуском военнопленных [34].

Отделы МОСХ старались пресекать посягательства на свои функции других посредников при «розничном» распределении пленных от военных к отдельным крестьянам и сельским предпринимателям. Для привлечения их к труду требовалось особое разрешение, которое вскоре невозможно было получить, минуя МОСХ там, где существовали его отделы.

В различных губерниях и даже уездах региона существовали во многом однотипные варианты правил отпуска пленных на сельскохозяйственные работы, утверждавшиеся местной властью. С организационно-правовой точки зрения на сельских работах в различных районах Западной Сибири пленные в основном находились в сходных условиях. Некоторые отличия обуславливались природно-климатическими условиями, характером работ, спросом на рабочие руки. К примеру, по «Правилам об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы в имения Омского и Петропав-

ловского уездов Акмолинской области», утвержденным акмолинским губернатором 1 апреля 1915 г., продолжительность найма составляла не менее 3 месяцев. В течении всего срока работ пленные трудились с 4 часов утра до 8 часов вечера с четырехчасовым перерывом на обед и отдых. По взаимному соглашению размер зарплаты, выдававшейся на руки пленным, составлял от 9 до 12 руб. в месяц [35]. Доставка пленных к месту работы оплачивалась по 3 коп. с версты за человека. Лицам, дававшим подводы, платили по 45–90 коп. [36]. Считалось, что хозяева, выдавая на руки половину реального заработка, тратили вторую его часть на содержание и охрану пленных [35]. Формально заработок пленных, включая удержанную сумму, составлял не 9–12, а 18–24 руб. в месяц, или около 250 руб. в год. В среднем по стране, по данным Т. М. Китаниной, оплата труда годовых рабочих (на своих харчах) частновладельческих хозяйств в 1915 г. составляла 240 руб. [37].

Собственные правила составляли и отдельные организации, занимавшиеся с разрешения военных распределением пленных на работы. Так, по правилам Курганского отдела МОСХ выданные им военнопленные предназначались к отправке исключительно на сельхозработы. Работодатель должен был содержать, охранять и лечить пленных за свой счет, выдавая не менее 25 коп. за рабочий день, который длился с 6 часов утра до 6 часов вечера с двухчасовым перерывом. Предусматривались не только штрафы за «нерадение», но и премии за старательную работу. Отдел оставлял за собой право при необходимости перемещать и отбирать отпущенных им пленных [38].

Состав наемных рабочих пополняли беженцы прифронтовых районов Европейской России, в большом количестве прибывавшие в Сибирь со второй половины 1915 г. Уже осенью 1915 г. здесь насчитывалось 160 тыс. беженцев, часть которых существовала за счет работы по найму в сельском хозяйстве [26, с. 231–233].

Но все это не могло решить проблему рабочих рук в деревне. Поэтому в массовых масштабах применялся женский труд. Среди наемных сроковых рабочих Сибири, зарегистрированных переписью 1917 г., более четверти составляли женщины [33, с. 203].

Предпринимательские хозяйства, так же как и основная масса крестьянских, испытывала недостаток сельскохозяйственных рабочих в годы Первой мировой войны [39]. Отчасти эта проблема, как уже отмечалось выше, решалась путем использования труда военнопленных, женщин и беженцев. Кроме того, следует отметить, что в предпринимательских хозяйствах определенные виды работ выполнялись местным киргизским населением [39]. Так, в предпринимательских хозяйствах И. М. Карзина, С. Е. Острянина, Н. С. и И. С. Николенко, А. И. Даниленко, П. Т. Леженкина и др. в 1914–1917 гг. использовался труд названных категорий сельскохозяйственных рабочих [39]. Сельские предприниматели Г. И. Мазаев и В. К. Колосовский неоднократно указывали, что в 1916 и 1917 г. в их хозяйствах все работы выполняли соответственно киргизское население и женщины [28, с. 117].

Следует отметить очень интересную инициативу сельских предпринимателей Омского Прииртышья о применении «желтого труда». Разработкой данного вопроса занимался Л. Ф. Радченко, заведующий Бюро сельского хозяйства Омского отдела МОСХ, организации, выражающей в определенной степени интересы сельских предпринимателей региона [40]. На общем собрании членов Омского отдела 7 декабря

1916 г. Л. Ф. Радченко сделал доклад, где отметил, что «...о применении труда китайцев не может быть и речи, так как китайское правительство запретило выезд китайских рабочих из своих пределов в Россию. Вместо китайцев предложили корейцев. В начале была назначена плата рабочим корейцам при годовичном контракте 30 руб. в месяц, продовольствия 15 руб. в месяц, дорога сюда и обратно 100 руб., кормовых в дороге 50 коп. в сутки; на каждые 100 человек полагается два переводчика по 50 руб. в месяц каждому и на каждые 100 человек один старшина с платой 100 руб. в месяц. Впоследствии, при сокращении срока найма, плата рабочим была повышена до 40–45 руб. в месяц, при сохранении всех остальных условий» [28, с. 113–114].

Но эту инициативу Омского отдела не поддержала основная масса сельских предпринимателей. Общее мнение последних высказал Ф. Ф. Штумпф, который указал: «Предложение корейского труда для нас неприемлемо, как по цене, так и по необходимости доставлять ему пищу, к которой он привык и которой у нас нет» [28, с. 113–114].

В условиях, когда сельское хозяйство Западной Сибири «вследствии отсутствия рабочих рук, находится в крайне безобразном и безвыходном состоянии» сельскохозяйственные предприниматели настойчиво предлагали приравнять сельское хозяйство к предприятиям, работающим на государственную оборону, обеспечить сельское хозяйство мужской рабочей силой не менее 1 человека на 10 дес. посевной площади или выпаса за счет прекращения снятия с работ военнопленных; освобождения от призыва киргиз; откомандирования на сельхозработы призванных меннонитов, находящихся в распоряжении лесного ведомства; командировки свободных воинских частей на работы во время посева и уборки урожая [28, с. 138–139].

В западной части Сибири практиковался отпуск пленных на сельские работы одиночным порядком за месячную плату вопреки предложению сельских обществ по разделению пленных на партии – артели для выполнения определенных работ. Сельские предприниматели также нередко использовали труд военнопленных «одиночек». Так, И. Я. Мамонтов, предпринимательское хозяйство которого находилось в Омском уезде Акмолинской области, в 1917 г. отмечал: «У меня был австриец, который теперь находится в лагере военнопленных» [41. Л. 48]. И это был не единичный пример. Весной – летом 1917 г. в Западной Сибири ощущался, пожалуй, самый острый дефицит рабочих рук пленных [42, с. 160–161]. Поэтому использование труда военнопленных одиночным порядком имело определенное распространение в сельском хозяйстве региона. Кроме того, в начале 1917 г. власти и пресса стали убеждать население, проживавшее на территории Омского военного округа, в том, что отдача пленных «в распоряжение слишком мелких хозяйств» нецелесообразна [43]. Здесь была доля лукавства, так как военнопленные оказывались прежде всего в руках крепких хозяев, которые содержали их даже зимой, не сдавая в лагеря. Бедные же хозяева, солдатки с окончанием сезона избавлялись от «ненужных ртов» и зимовали без пленных. Описанная выше ситуация с наступлением весны, по мнению омского историка А. Н. Талапина, становилась основой для конфликта: «у состоятельных крестьян и хозяйства были крепкие и пленные работники тоже имелись, а солдатки оставались без рабочих рук» [42, с. 107–108].

Наличие определенных трудностей в обеспечении сельского хозяйства рабочей силой в годы Первой мировой войны вызывало нередко состояние «растерянности» как у предпринимателей, так и у крестьян. В трудах Омского отдела МОСХ за 1917 г. по этому поводу отмечалось: «Шаткость, неуверенность в обеспечении рабочими руками хозяйства не дает сельскому хозяину заниматься его хозяйством. Он не знает, что ему делать: ликвидировать ли ему свое хозяйство или продолжать его» [28, с. 115].

Более того, в июле 1917 г. на заседании по вопросу ведения овцеводства в Акмолинской области многие предприниматели говорили, что именно из-за отсутствия необходимого количества рабочих рук, плохого снабжения сельскохозяйственной техникой и запасными частями к ней, заниженных твердых цен на продукцию они вынуждены были сокращать поголовье овец и площадь посева [44]. Так, в хозяйстве С. Е. Острянина количество овец по сравнению с 1914 г. уменьшилось в 1917 г. на 25 %, у П. Т. Леженкина в 1917 г. осталось вообще только 30 % стада овец 1914 г., т. е. сокращение произошло на 70 % [44].

Подводя итог, можно отметить, что в процессе капиталистического развития в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. усиливалось значение сельскохозяйственного предпринимательства. Наличие значительного земельного фонда, рост внутреннего рынка, особенно рынка наемной рабочей силы в результате миграций, широкие возможности использования современных сельскохозяйственных машин, развитая финансово-кредитная система способствовали развитию в регионе предпринимательства в аграрном секторе экономики.

Сельские предприниматели использовали капиталы в сфере производства, основанного на применении сельскохозяйственной техники и наемной рабочей силы. В природно-климатических условиях Западной Сибири и при товарном уклоне хозяйств предпринимателям нельзя было избежать широкого применения труда наемных рабочих в период полевых работ.

Большинство сельскохозяйственных предпринимателей Западной Сибири при найме рабочих предпочтение отдавали помесечной форме и некоторым видам найма. При этом в предпринимательских хозяйствах преобладал вольный наем сельскохозяйственных рабочих за деньги. Применение некапиталистических форм найма не нашло широкого применения главным образом потому, что в Сибири были более свободные условия землепользования, чем в Европейской России.

В годы Первой мировой войны, в условиях дефицита рабочих рук, в предпринимательских хозяйствах стал широко использоваться труд военнопленных, женщин и местного киргизского населения. В целом в военные годы обеспечение хозяйств сельских предпринимателей трудовыми ресурсами ухудшилось, что не могло не сказаться на товарности этих хозяйств, вызвав ее снижение.

1. Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год. По данным переселенческой текущей статистики. Год первый. СПб., 1914. 485 с.

2. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. 342 с.

3. Бузанова В. А. Сельскохозяйственные рабочие Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: численность и состав // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. XVIII–XX вв. : тематический сб. ст. Томск, 1994. С. 120–137.
4. Пронин В. И. Формирование рынка сельскохозяйственных рабочих в Сибири в период империализма // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Новосибирск, 1980. С. 26–33.
5. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912. Вып. 1.
6. Нагнибеда В. Я. Сельское хозяйство Томской губернии. Томск, 1924. 135 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1905.
8. Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1. 258 с.
9. Зефиоров Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. Омск, 1914.
10. Остафьев В. А. Бытовые формы сибирского крестьянского землевладения и землепользования // Юридический вестник. Б. м. 1892. Т. X. Кн. 1. С. 45–75.
11. Сухотина Л. Г. Крестьянство Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1963. 371 с.
12. Худяков В. Н. Наемный труд в сибирском земледелии (80-х – начала 90-х гг. XIX в.) // Вопросы истории Западной Сибири. Ученые записки. Омск, 1970. Вып. 45. С. 80–99.
13. Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1892. № 39; 1893. № 46.
14. Кротт И. И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск : Издат. дом «Наука», 2009. 204 с.
15. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913. 455 с.
16. Огановский Н. П. Реставрация помещичьего хозяйства в Сибири // Заветы. 1913. № 11. С. 11–37.
17. Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. 471 с.
18. Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы алтайско-томской части Сибири / под ред. В. Я. Нагнибеды. Томск, 1927. 615 с.
19. Бузанова В. А. К вопросу о заработной плате сельскохозяйственных рабочих Сибири в период империализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 739. Л. 15–17об., 23–24.
21. Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги. Животноводство. Томск, 1904. Вып. 1. 253 с.
22. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 76. Оп. 2. Д. 2829. Л. 15об., 26–26об., 27; Д. 2476. Л. 41–41об., 74–74об., 110, 133–134, 148–49; Д. 2930. Л. 26об. – 29; Ф. 209. Оп. 1. Д. 722. Л. 9об. – 10; Д. 733. Л. 17; Д. 811. Л. 4об.
23. Государственное учреждение Тюменской области государственный архив в г. Тобольске (далее – ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 580. Оп. 1. Д. 294.
24. ГИАОО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 722.
25. Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1967. 412 с.

26. *Еремин И. А., Кижасева Т. А.* Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края. XVII–XX вв.: Научные и документальные материалы. Барнаул, 2005. С. 225–237.
27. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. М., 1921.
28. Труды Омского отдела Московского общества сельского хозяйства. Омск, 1917. Вып. 1.
29. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 38.
30. Алтайское дело. 1916. 28 февраля.
31. Омский вестник. 1914. 4 сентября.
32. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М., 1967. 287 с.
33. *Горюшкин Л. М.* К вопросу о влиянии первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства Сибири // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1967. Вып. 3. С. 201–208.
34. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 15. Л. 9об. – 11; Д. 41. Л. 15–17об.
35. Акмолинские областные ведомости. 1915. 15 апреля.
36. ГИАОО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 72. Л. 3, 8, 11–14, 21, 23, 52.
37. *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917. Л., 1985. 284 с.
38. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 511. Л. 196–198.
39. ГИАОО. Ф. Р – 1111. Оп. 1. Д. 4. Л. 47–51об.; Ф. 119. Оп. 1. Д. 40. Л. 11–19об.
40. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 15. Л. 48об.; Д. 13. Л. 133об., 138–139об., 140–141об., 142.
41. ГИАОО. Ф. Р – 1111. Оп. 1. Д. 4.
42. *Талатин А. Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – май 1918 гг.) : дис. ... канд. истор. наук. Омск, 2005. 240 с.
43. Омский вестник. 1917. 26 февраля.
44. ГИАОО. Ф. Р – 1111. Оп. 1. Д. 4. Л. 47–51об.

УДК 338 (091)

А. А. Кузьмин

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье на основании анализа архивных и опубликованных материалов, законодательных актов предпринята попытка выявить траекторию формирования и трансформации институциональной среды в процессе организации крестьянского переселения в Сибирь в дореволюционный и советский период. Сравнительный

анализ показывает направление трансформации структуры институциональной среды крестьянского переселения в сторону изменения соотношения между неформальными и формальными институтами в пользу последних. Это связано с изменением социально-экономических отношений.

Ключевые слова: институциональная среда, формальный институт, неформальный институт, переселение, сельская община, колхоз.

A. A. Kuzmin

AGRICULTURAL RESETTLEMENT IN SIBERIA: EVOLUTION OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT

The article, based on the analysis of archival and published materials, legislative acts, attempts to identify the place and value of the information factor in the process of organizing the peasant resettlement to Siberia in the prerevolutionary and Soviet periods. Comparative analysis shows the instruments used in the collection and dissemination of information about the region of relocation.

Keywords: institutional environment, formal Institute, informal Institute, resettlement, rural community, the farm.

Задача освоения присоединяемых территорий для Российского государства была перманентно актуальной в процессе его географического расширения. Причем причины этой актуальности могли носить самый разнообразный характер и проистекать как из внутренних социально-экономических и политических процессов, так и из-за внешнеполитических. Прошло четыре столетия с момента, когда наши предки начали осваивать зауральские массивы, и до сих пор этот процесс продолжается. Свидетельством этому является принятие Федерального закона от 2 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа», получившего название «закон о дальневосточном гектаре» [1].

За многовековую историю был накоплен огромный опыт организации переселения на новые территории, который воплотился в формировании соответствующей институциональной среды, в рамках которой происходило переселение и последующее освоение земельных ресурсов. Целью настоящей статьи является рассмотрение общей траектории развития собственно институциональной среды как регулятора указанного процесса. Для ее достижения ставятся задачи сопоставить содержание отдельных групп составляющих ее институтов как в дореволюционный, так и советский периоды соответственно их структуре, разработанной в контексте новой институциональной экономической теории. Таким образом, на основании критерия адекватности, проявляющегося через конечные эффективные результаты переселенческого освоения новых территорий, предпринимается попытка выделить направления преемственности отдельных институциональных механизмов, организующих этот процесс.

Для начала необходимо определиться с ключевым понятием, вынесенным в название статьи. Нобелевский лауреат Д. Норт, основатель указанного направления экономической теории, в сотрудничестве с другим американским учёным – Л. Девисом сформулировали определение термина «институциональная среда», наиболее часто употребляемого в современной экономической науке. Согласно их формулировке, институциональная среда – это совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, которая образует базис для производства, обмена и распределения [2, с. 94]. Другой нобелевский лауреат, О. Уильямсон, в развитие этого подхода трактует институциональную среду как правила игры, определяющие контекст, в котором осуществляется экономическая деятельность. [3, с. 688] В нашем случае мы останавливаемся на структуризации институтов на формальные, в виде норм, официально зафиксированных государством (законы, указы и т. п.), и неформальные, не имеющих такой фиксации (традиции, обычаи и т. п.). В ряде случаев, например, на этапе вселения и землеустройства, между ними могло возникать конфликтное противоречие, так как каждая из сторон могла апеллировать к противоположным институтам, либо своеобразный симбиоз, когда практиковалось сочетание формальных и неформальных норм. Также мы сосредотачиваемся на институтах, относящихся именно к крестьянскому переселению, как наиболее массовому, поскольку именно свободная земля была преимущественным объектом интереса переселенцев как в дореволюционный период, так и в значительной мере в советский период.

Анализ эволюции институциональной среды, регулирующей переселенческий процесс на протяжении конца XVII – начала XX веков, показывает, что в структуре формальных институтов наблюдается несоответствие во взаимодействии административно-правовых и экономических норм (нарушение принципа комплементарности). Как проявление этой диспропорции складывается превосходство идеологических институтов над экономическими. В этой связи институциональные нормы носят по преимуществу административный характер. Данная особенность отражена уже в первом нормативном акте – законе от 13 декабря 1760 г. «Понеже в Сибирской губернии... состоят к поселению и хлебопашеству весьма удобные места, которых к заселению государственный интерес требует, ссылат в Сибирь крестьян, причиняющих вместо услуг непристойными предерзостными поступками беспокойства». [4, с. 582] Последующие указы от 10 апреля 1822 г. и 1 сентября 1830 г. в целях предотвращения самовольного переселения само переселение разрешали только при условии получения поверенными от казённых крестьян согласия от старожильческих сибирских поселений либо разрешения казённой палаты на месте вселения [5, с. 143; 6, с. 1]. Отметим, что на протяжении всего дореволюционного периода роль сельской общины как носительницы неформальных норм в реализации переселения на местах, наряду с официальными переселенческими структурами, действующими на основании формальных установлений, была достаточно высока.

Дореформенный период (до 1860-х гг.) в отношении развития правовой институциональной базы можно условно разделить на два периода: до конца XVIII века законодательство преследовало цель заселения региона в первую очередь в интересах государства, со стороны которого преобладали политические мотивы. При этом

в рамках институциональной среды получали развитие как юридические, так и экономические нормы, наблюдаются эпизодические попытки использования социально-культурных норм. Однако комплексного развития институциональной среды, по нашему мнению, не наблюдалось. В законодательных актах получают развитие отдельные институты или сочетание нескольких институтов. Их развитие не опережает процесс переселенческой колонизации, а является следствием возникающих проблем. Это приводит к снижению эффективности действия институтов. Трансформация нормативного содержания правового поля зависела от государственных приоритетов в решении этого вопроса. Переход от чисто административных методов регулирования переселенческого движения, характерных для периода XVII – первой половины XIX века, к сочетанию их с экономическими методами происходит к началу XX века. Это связано с массовостью переселения в Сибирь, вследствие обезземеливания крестьян европейской России и реформистскими инициативами главы правительства П. А. Столыпина.

Как следствие недостаточной комплементарности в переселенческой институциональной среде происходит столкновение между формальными и неформальными нормами, что приводит к фактам оппортунистического поведения обеих сторон. Незавершённость процесса спецификации частичных правомочий между различными экономическими агентами также становится институциональным барьером, препятствующим максимизации полезности. Причиной такой незавершённости, как мы считаем, могло служить несколько обстоятельств. Это, во-первых, уже названное противоречие между нормами формальных и неформальных институтов. Последние даже в начале XX века в определённой степени не потеряли своей эффективности. В первую очередь традиционные механизмы широко применялись при спецификации права на владение земельными наделами и их эксплуатацию. Второе обстоятельство – значительные трансакционные издержки по разработке и, особенно, внедрению формальных институциональных норм, способствующих обеспечению режима исключительности, на что обращал внимание П. А. Столыпин [7, с. 29]. Местная администрация элементарно не имела возможности отслеживать соблюдение официальных процедур в практике землепользования. И только явные конфликты, возникавшие между старожилами и новоселами при водворении последних, попадали в поле зрения властей и разрешались на основании законодательных норм.

В советский период институциональная среда, регулирующая переселенческий механизм, во многом сохранила свою структуру, особенно на этапе становления советской власти. Это позволяет говорить об эффективности сформированных в предшествующий период организаций, которые, собственно, и осуществляли планы по хозяйственному переселенческому освоению Сибири. Институциональный комплекс, сложившийся на протяжении конца XIX – начала XX века достаточно широко применялся в практике новой администрации, хотя идеологическая подоплёка руководящих действий получает совершенно иную окраску.

Союзные органы, определяя объём и направление переселенческого дела, исходили из убеждения, что это имеет «экономическую выгоду и необходимость вовлечения в хозяйственный оборот земель и иных богатств, остающихся в данный момент

без использования», а также «политическую необходимость в заселении отдалённых и оторванных от центра окраин» [8, с. 4]

Названные соображения, как уже отмечалось, принимались в расчёт и в предшествующий исторический период, однако во второй половине 1920-х гг. о переселенческом деле стали говорить как о средстве «к правильному и всестороннему развитию окраин в рамках общего плана народного хозяйства» [8, с. 4]. Переселенческие мероприятия рассматривались как часть общего плана по укреплению народного хозяйства и развитию производительных сил страны. Исходя из этого, можно утверждать, что впервые за всю историю переселенческого освоения Сибири формируется новый методологический подход к оценке места и роли этого процесса в национальной экономике.

В 1930-е гг. государство, решая проблему оптимизации использования трудовых ресурсов на территории СССР, продолжало применять на практике уже сформировавшийся перечень мероприятий в рамках переселения избыточного трудового потенциала в Сибирь. Решения по данному вопросу принимались совместными партийно-правительственными постановлениями [9]. При этом практическая реализация мероприятий оставалась в ведении органов исполнительной власти различного уровня. Контроль за реализацией переселенческой программы и идеологическое обоснование сохраняла за собой партия. Ею инициировались различного рода почины, которые позволяли не только активизировать проведение колхозами переселенческих мероприятий, но и давали определенный экономический эффект. Это было связано с тем, что на плечи колхозов перекладывалась дополнительная часть затрат на обустройство переселенцев.

Прием в члены колхоза вновь прибывших проводился с соблюдением формальных требований – через проведение общего собрания колхозников. Данная процедура во внешней атрибутике была аналогичной тому, что происходило во взаимоотношениях переселенцев с сельской старожильческой общиной в дореволюционный период.

Относительно неформального сегмента институциональной среды, регулирующей переселение в советский период, можно говорить о его существенном сужении. Традиции и обычаи в достаточной мере сохранили свое влияние в сфере повседневной жизни, в частности в регулировании отношений между новоселами и старожилками, в то время как сфера экономических отношений полностью подпадала под регулирование формальными институтами. Определяющим фактором для такой метаморфозы явилось кардинальное изменение формы социально-экономических отношений в сфере сельскохозяйственной деятельности. После повсеместной коллективизации, проведенной в начале тридцатых годов, фактически весь пучок прав в отношении земельного ресурса сосредотачивается в руках государства. Исключение составляло право пользования, однако и здесь советское государство могло вмешаться в его реализацию. Государство полностью формализовало весь механизм и процесс переселения в сибирский регион, поставив их под тотальный контроль. При этом применялись наработки дореволюционного периода в отношении комплектования переселенческого контингента, когда устанавливался контакт между властями места выбытия и места вселения. Интересно, что если в дореволюционный период инициативу проявляли земские переселенческие организации из мест выхода [10], то в советский период, напротив, представители сибирского региона из мест вселения выезжали в европейский регион с целью агитации на переселение и отбора

потенциальных переселенцев из числа желающих. В ряде случаев государство инициировало механизмы в виде различного рода починов, призванные повысить эффективность осуществления переселения и сокращения сроков адаптации новоиспеченных сибиряков к новым условиям. Сюда, в частности, относятся мероприятия по подготовке жилья новоселам, выращивание дополнительной продовольственной продукции (зерно, картофель, овощи) для будущих новых членов сибирских колхозов [11]

Таким образом, подводя итоги сопоставительного анализа эволюции институциональной среды, посредством которой осуществлялось регулирование земледельческого переселения в Сибирь, можно прийти к следующим выводам.

От момента зарождения до современного периода в структуре институтов происходило увеличение объема и значимости формальных регуляторов процесса. Это относится ко всем этапам: от момента выхода из мест предшествующего проживания, до момента вселения и первоначальной адаптации на новом месте. В конечном итоге государство берет под свой контроль осуществление переселения в рамках перспективного планирования. Особенностью институциональной среды советского периода было также определяющее влияние идеологических инструментов, приведшее к смене форм собственности от индивидуального частного хозяйствования к колхозному землепользованию. Следствием этого является явное сужение числа неформальных институтов, которыми также руководствовались переселенцы в своей практике как в дореволюционный период, так и в советский период до проведения коллективизации. Объектом регулирования постепенно становятся отношения не между государством и отдельными земледельцами, а между государством и коллективными хозяйствами – колхозами.

1. Федеральный закон № 119-ФЗ от 2 мая 2016 г. «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427 (дата обращения: 12.02.2017).

2. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. ун-т–Высшая школа экономики. М. : Издат. дом Гос. ун-та–Высшей школы экономики, 2010. 256 с.

3. *Уильямсон О. И.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / науч. ред. и вступ. ст. В. С. Каткало. СПб.: Лениздат; SEV Press, 1996. 702 с.

4. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. 1-е. Т. XIV. СПб. : Тип. II Отд-ния собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1052 с.

5. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XXXVIII. СПб. : Тип. II Отд-ния собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1355 с.

6. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. V. Отд-ние 2-е. СПб. : Тип. II Отд-ния собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1831. 932 с.

7. Столыпин П. А. Кривошеин А. В. Записка Председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году (приложение к всеподданнейшему докладу). СПб. : Гос. тип., 1910. 168 с.

8. К вопросу о колонизации Сибири : сб. статей под ред. В. Лаврова. Новосибирск : Изд. Сибирского краевого исполкома комитета Советов, 1926. 138 с.

9. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. № 10. С. 290–299.

10. Отчёты переселенческих агентов Харьковского губернского земства А. Е. Каждая и А. В. Бабецкого по командировке их в места Сибири для сопровождения ходяческих партий весной 1909 г. Харьков : Тип. «Печатник», 1909. 80 с.

11. Докладные записки и информация райкомов ВКП(б) о ходе реализации Постановления СНК и ЦК «О дальнейшем подъеме зерновых хозяйств в колхозах и совхозах восточных районов СССР // ЦДНИ ОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2345.

УДК 908: 316.6 (332)

Н. А. Левочкина

БРЕНДЫ В СИСТЕМЕ ПРОДВИЖЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

В статье рассматриваются типы, виды, этапы формирования культурных брендов, отражающих собой специфические характеристики урбанистической территории и ее образа у населения крупного промышленного города. В статье выявлена многоаспектность понятия бренда и брендинга территории исходя из множественности влияния социально-экономических факторов на их формирование. Отмечено, что в основе формирования регионального культурного бренда должны лежать краеведческие информационные ресурсы, классификация которых определяет их видовое многообразие.

Ключевые слова: региональный культурный бренд, урбанистический город, образ территории.

N. A. Levochkina

BRANDS IN THE SYSTEM OF PROMOTION AND DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

The article deals with the types, types, stages of the formation of cultural brands, reflecting the specific characteristics of the urban territory and its image among the

population of a large industrial city. The article reveals a multifaceted concept of the brand and branding of the territory based on the multiplicity of the influence of socio-economic factors on their formation. It was noted that regional cultural information should be based on regional information resources, the classification of which determines their species diversity.

Keywords: regional cultural brand, urban city, image of the territory.

В последние десятилетия создание брендов находится в зоне внимания многих регионов. Это связано с тем, что в ситуации глобальных процессов территориальные власти активно занимаются поиском уникальных конкурентных ниш, которые способствовали бы притоку крупных инвестиций и туристических потоков. На наш взгляд, одним из условий, снижающих последствия глобализации для России, является формирование региональных брендов, в том числе культурных. С одной стороны, региональные бренды создаются на основе региональной идентичности и общности культурных, а иногда и этнических или иных ценностей, многообразных ресурсов, а с другой стороны, процесс создания регионального бренда основывается на реализации долгосрочной политической и макроэкономической стратегии региона, комплекса информационных, рекламных мероприятий, которые продвигают территорию. Процесс создания брендов территорий набирает силу как в европейской части Российской Федерации, так и в отдалённых её восточных, северных территориях [1, с. 427].

Региональные бренды должны формироваться целенаправленно с учетом стратегического плана, миссии региона, поскольку бренд является инструментом их воплощения. Яркий, эмоционально насыщенный, ориентированный на будущее региональный бренд будет способствовать успешному развитию региона, стабильности притока финансовых, человеческих, информационных ресурсов, что и обусловило интерес автора к изучению сущности понятия «бренд», и прежде всего «региональный культурный бренд», а также изучению его содержательных компонентов, созданных с учетом различных факторов и показателей.

По мнению ряда ученых [3, с. 16], в том числе антропологов и этнографов, индивидуальность, уникальность является одной из ключевых характеристик бренда, поэтому территории необходимо отказаться от комплекса типичных характеристик, присущих практически всем регионам (коммерческие, социальные, спортивные и т. д.), в пользу более узкой эксклюзивной специализации, а именно историко-культурной составляющей.

На сегодняшний день отсутствует четкое определение понятия бренда, нет и общепринятого определения регионального (культурного) бренда, но существуют различные их трактовки (табл. 1). Бренд региона существенно отличается от брендов компаний. Если бренд компаний можно чаще всего изобразить графически, записать одним-двумя словами и даже воспроизвести его звуковое оформление, то бренды территорий состоят из множества ее разнообразных характеристик, описанных с определенной долей достоверности в буклетах, справочниках, книгах (рис.).

Таблица 1

Основные понятия регионального брендинга

<i>Понятие «бренд»</i>	<i>Понятие «региональный культурный бренд»</i>	<i>Принципы управления и продвижения региональным культурным брендом</i>	<i>Технологии продвижения региональных культурных брендов</i>
<p><i>Бренд</i> – это торговая марка со сложившимся имиджем [2]. <i>Бренд</i> – это набор восприятий в воображении потребителя [2] <i>Бренд</i> – это убедительное обещание качества, обслуживания и ценности на длительный период, которое подтверждается испытанием продукта, повторными покупками и удовлетворением от использования [4] <i>Бренд</i> – это совокупность, состоящая как из продукта, который удовлетворяет функциональным потребностям потребителей, так и из дополнительной ценности, побуждающей покупателей чувствовать большое удовлетворение по поводу того, что данный бренд обладает более высоким качеством и больше подходит им, чем аналогичные бренды, предлагаемые конкурентами [5]</p>	<p><i>Региональный культурный бренд</i> – это ресурс продвижения региона, который основан на каком-либо историко-культурном событии или памятнике культуры, а также может быть основан на конкретной исторической личности [3, с. 25]. <i>Региональный культурный бренд</i> – это инструмент маркетинга территорий, который ориентирован как на местное население с целью формирования у него чувства единства, патриотизма, так и на внешних потребителей с целью привлечения людей, ресурсов и заказов, которые необходимы региону для его развития [4, с. 196] <i>Региональный культурный бренд</i> – это ресурс продвижения региона, который основан на каком-либо историко-культурном событии или памятнике культуры, а также может быть использована конкретная историческая личность [5]</p>	<p>Принципы управления и продвижения: а) наличие обмена информацией между производителями и потребителями; б) ориентация на целевой рынки удовлетворения потребностей целевой группы; в) четкость концепции бренда; г) дизайн продукта, соответствующий представлениям целевой аудитории. Принципы продвижения: а) системное управление региональным культурным брендом; б) системность и перестройка подсистем региона для продвижения и поддержания региональных брендов; в) комплексная оценка марочного капитала</p>	<p>Использование символов (символы движения, символы развития – скачущие всадники, парящие орлы, барсы и другие животные в прыжке; на гербах, флагах и эмблемах территорий и сообществ). Мифотворчество (создание или продвижение неких легенд, подчеркивающих уникальность определенной территории или места; использование легенд и мифов для продвижения территорий, например: на Урале – Аркаим в Челябинской области, как колыбель арийской расы; а знаменитое аномалиями село Молебка в Пермском крае – как территория регулярных появлений НЛО) и др. Использование лозунгов, эмоционально поддерживающих развитие территории, например известный лозунг Д. Медведева «Вперед, Россия!». Пиар-технология (лексическая, через лексемы (слова); подчеркивающая реальные или мнимые, преувеличенные или приукрашенные особенности данной территории)</p>

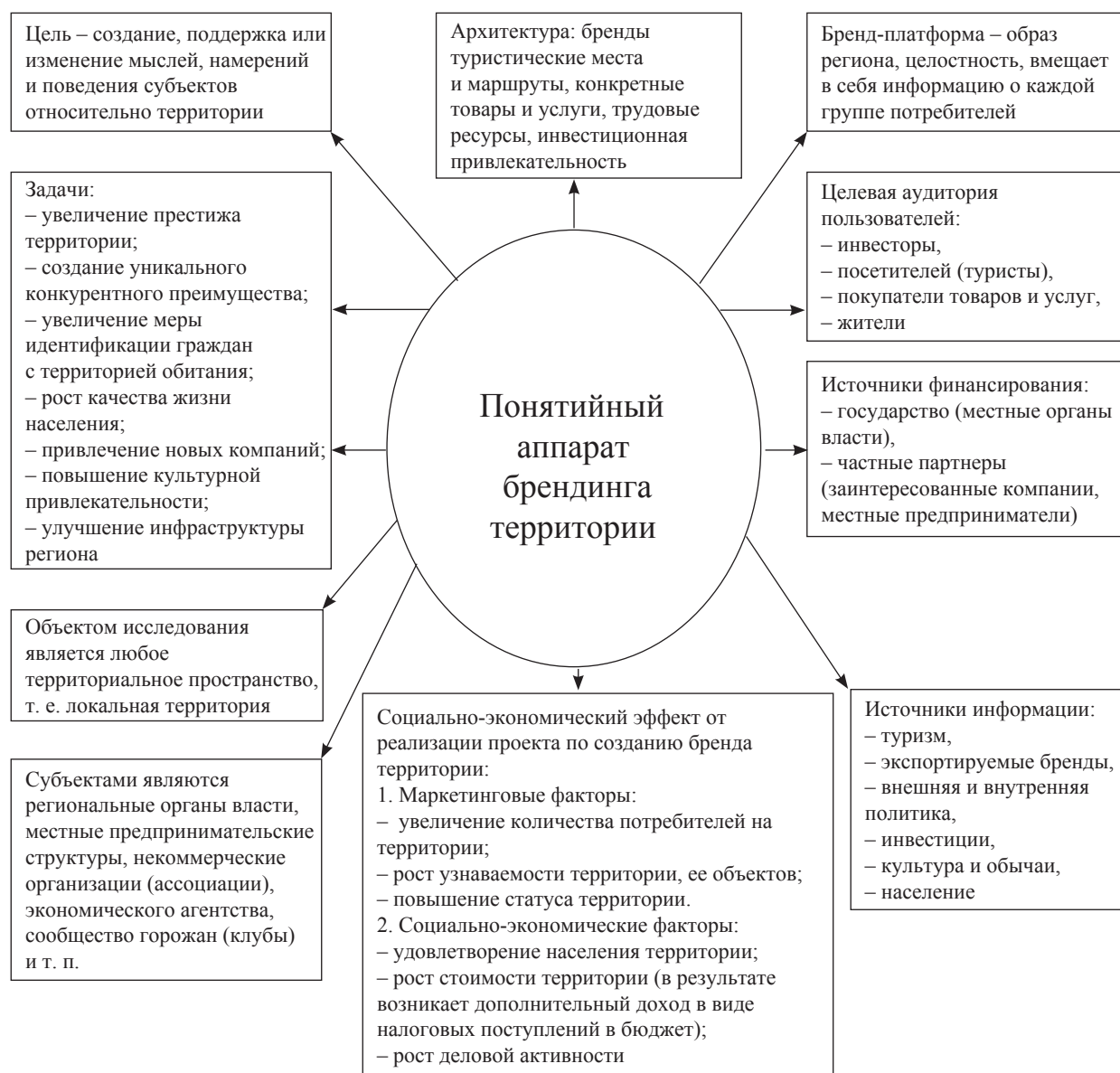

Рис. Основные элементы структуры брендинга территории [6]

Сегодня большинство территорий целенаправленно формируют сугубо региональные бренды, их ассоциации с названиями регионов. В России наиболее известны водка «Столичная», вологодское масло, тульские пряники. Сходная ситуация с предметами, входящими в сферу народных промыслов: гжельский фарфор, хохломская роспись, тульские самовары, жестовские подносы, уральские самоцветы, каслинское литье и др. Крым ассоциируется с отдыхом, к названию яблок «апорт» многие готовы добавить «алма-атинский» [4, с. 9]. В России весьма активную роль в формировании имиджа регионов играют географические, климатические, национальные и культурные различия, связанные с большой протяженностью и другими параметрами крупной страны. С другой стороны, имидж региона принципиально зависит от его экономики и той роли, которую регион играет в народном хозяйстве страны (донора или реципиента), от характера взаимоотношений с федеральными властями и другими центральными учреждениями и организациями, от сложившейся динамики макроэкономических региональных пропорций [3, с. 45].

Перечисленные выше стратегии маркетинга региона взаимосвязаны между собой, дополняют друг друга. Целевыми направлениями этой маркетинговой деятельности выступают: притягательность, престиж территории в целом; привлекательность сосредоточенных на территории природных, материально-технических, финансовых, трудовых, организационных, социальных и других ресурсов, а также возможностей реализации и воспроизводства таких ресурсов. При этом одним из важнейших инструментов маркетинга территорий являются региональные бренды. Они, с одной стороны, приносят доход на самой территории, с другой – продвигают регион на внешних по отношению к нему рынках. Сформированный бренд является конкурентным преимуществом и даёт возможность территории получать материальные и нематериальные дивиденды, как, например, Лувр, Монмартр, Елисейские поля, Эйфелева башня в Париже, Британский музей, Тауэр, Биг Бен, Трафальгарская площадь в Лондоне и др. В последние десятилетия создание брендов касается также регионов. Это связано с тем, что в ситуации глобальных процессов власти современных территорий активно занимаются поиском уникальной конкурентной ниши, которая бы способствовала притоку крупных инвестиций и туристических потоков. На наш взгляд, одним из условий, снижающих последствия глобализации для России, является формирование региональных брендов, в том числе культурных. Процесс создания брендов территорий набирает силу как в европейской части Российской Федерации, так и в отдалённых её восточных и северных территориях [1, с. 427].

Региональные бренды должны формироваться целенаправленно с учетом стратегического плана, миссии, видения региона, поскольку бренд является инструментом их воплощения. Яркий, эмоционально насыщенный, ориентированный на будущее региональный бренд – это залог успешного развития региона, стабильности притока финансовых, человеческих, информационных ресурсов.

Региональные (культурные) бренды должны основываться на историко-культурных личностях, памятниках или на историко-культурных событиях, которые имеют отношение не только к культуре, истории данного региона, но имеют огромный вес в историко-культурном наследии страны. Региональные культурные бренды в отличие от брендов коммерческих, социальных не могут быть придуманы имиджмейкерами и сделаны под заказ, так как они основываются на историко-культурном наследии. Основой развития региональных культурных брендов являются *краеведческие информационные ресурсы* (КИР) [5], которые заключают в себе огромный потенциал для развития территории и представляют собой: научные достижения, произведения художественного творчества, традиции, обычаи, обряды и др., способствуя производству новых культурных ресурсов, обеспечивая устойчивость и продвижение региона в мировом сообществе. КИР являются своеобразным генетическим кодом инвариантной культурной среды, сохраняют ее идентичность, обеспечивают устойчивость ментальных структур и защищают от воздействия импульсов внешних факторов, особенно если те несут угрозу ее жизнеспособности.

Особо важная роль в формировании региональных культурных брендов принадлежит главным держателям КИР – местным библиотекам, архивам и музеям, которые обладают уникальными КИР, являясь центрами сосредоточения знаний о регионе,

главными региональными хранилищами документного культурно-исторического наследия, а также позволяют удаленному пользователю получить интересующие сведения о регионе, представить экономический, культурно-исторический, природный, туристический потенциал территории, внося огромный вклад в формирование региональных культурных брендов. Региональные культурные бренды должны формироваться целенаправленно, при этом на каждом этапе это можно будет проверить через показатели, которые отражают сущностное содержание создаваемого бренда и элементы внешней среды (табл. 2).

Таблица 2

**Система факторов и показателей, учитываемых при формировании
регионального культурного бренда [1; 5; 7]**

<i>Этап формирования бренда</i>	<i>Показатели</i>	<i>Преимущественный вид регионального культурного бренда</i>
1. Выбор и создание стратегии бренда	Показатели внешней среды региона: месторасположение региона; уровень конкуренции. Показатели структуры населения: половозрастной состав. Показатели структуры населения: численность, темп прироста; плотность. Показатели объема и структуры доходов и расходов населения: среднедушевой денежный доход	Бренд историко-культурных памятников, бренд историко-культурных личностей
2. Создание компонентов брендов	Социально-культурные показатели: лингвистические и содержательные критерии	Бренд социально-культурных событий, бренд социально-культурных личностей, бренд историко-культурных памятников
3. Продвижение бренда	Социально-культурные показатели: религиозная принадлежность; национальные традиции, традиции потребления товара; особенности восприятия рекламных обращений	Бренд социально-культурных событий, бренд социально-культурных личностей
4. Управление брендом	Динамика изменения внешней среды региона; динамика изменения показателей структуры населения; динамика изменения показателей объема и структуры доходов и расходов населения; динамика изменения показателей уровня цен на продукцию	Бренд социально-культурных событий; бренд историко-культурных памятников

Омск – один из крупнейших современных мегаполисов Западной Сибири. С 1975 г. Омск является городом с миллионным населением. Количество новорожденных возрастает с каждым годом, хотя динамика не очень впечатляющая. В Омске сосредоточены крупные предприятия машиностроительной, нефтеперерабатывающей, химической, энергетической, легкой и пищевой промышленности, предприятия развитой строительной индустрии, научно-исследовательские институты, более сорока высших и средних учебных заведений, большое количество культурно-просветительных учреждений. Поэтому к настоящему времени сильные бренды, связанные с Омской областью, уже существуют в разных отраслях. Это в первую очередь *корпоративные* («Газпромнефть», «Мостовик», «Титан», «ОмскШина», «Омский бекон») и *товарные бренды* («Пять озер», «Сибирская корона», «Инмарко», «Сладонез»). Из *культурных, образовательных и исторических* брендов Омской области чаще выделяется классический университет имени Ф. М. Достоевского, сейчас опорный вуз ОмГТУ активно продвигает себя на рынке Сибири в этом качестве, музей Врубеля, историко-краеведческий музей, сибирское казачество, временное всероссийское правительство Колчака, Омский кадетский корпус, аграрный университет, драматический театр.

Для изучения представлений горожан о культурном бренде Омска автором совместно со студентами было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 100 человек. Генеральная выборочная совокупность состояла из жителей Омска от 18 лет и старше. Опрос проводился в разных районах города (на площади у торгового центра, городов Нефтяников, Амурский поселок, Левобережье) для того, чтобы были представлены все категории населения и учтена пространственно-территориальная инфраструктура мегаполиса. Больше всего респондентов имеют незаконченное высшее (45 %) и средне-специальное (27 %) образование. Наименьшее количество опрошенных (3 %) – лица со средним образованием. По результатам анализа состава респондентов видно, что наибольший процент опрошенных – это учащиеся и работающие, что соответствует профессионально-квалификационной структуре современного урбанистического города, особенно в условиях конверсии и возрастания роли учебно-образовательных, деловых центров в развитии инновационной экономики. У большинства опрошенных Омск ассоциируется с историческими событиями и архитектурой, а значит, власти должны заниматься сохранением и восстановлением архитектуры, изучением исторических событий не только в интересах местных жителей, но и для привлечения в регион туристов.

На вопрос о наиболее значимых для культурной жизнедеятельности населения архитектурных и культурных объектах города ответы распределились следующим образом. Наиболее значимыми учреждениями (объектами) культуры стали: библиотека им. А. С. Пушкина (78 %), Омский театр драмы (77 %), музыкальный театр (49 %), комплекс «Омская крепость» (47 %), Музей им. Врубеля (46 %), Омский краеведческий музей (39 %), кукольный театр «Арлекин» (31 %), Пятый театр (16 %). При ответах допускалось не менее двух вариантов, которые надо было проранжировать. Как видим, большого разрыва между показателями нет, однако на первый план выходят библиотека им. А. С. Пушкина и Омский театр драмы. Выбор горожан в основном распределился между театрами и музеями в определенной рейтинговой последовательности.

На вопрос, почему горожане выбирают из всех культурных учреждений именно научную библиотеку А. С. Пушкина и Омский театр драмы, большинство отвечали, что они играют огромную роль в политической, научной, культурной жизни региона, а также то, что эти учреждения расположены в самом центре города, имеют запоминающиеся архитектурные особенности.

Среди ответов горожан на вопрос об объектах Омска как о визитной карточке лидером оказалась Омская крепость, причем разрыв от других вариантов ответов значительный, далее следует Любинский проспект, скульптуры Любочки, Степаныча и здание Музыкального театра. Лидер – историко-культурный комплекс «Омская крепость» – пользуется наибольшей популярностью и узнаваем омичами. На наш взгляд, «Омская крепость» лидирует в рейтинге по ряду факторов: во-первых, крепость расположена в центре города, во-вторых, в последние годы наблюдается активное восстановление внешнего облика историко-культурного комплекса, особенно к 300-летию города, в-третьих, на ее территории проходит огромное количество мероприятий и праздников, как современных, так и посвященных историческим событиям страны и региона, что делает ее довольно популярной.

Среди культурных брендов-личностей Омска были названы такие знаменитости, как Федор Достоевский, Роберт Рождественский, Тимофей Белозеров и Михаил Врубель. Лидирующую позицию, с которыми ассоциируется Омск у местных жителей, занимает Ф. М. Достоевский, далее М. А. Врубель и замыкает тройку лидеров Л. Г. Полищук, хотя в перечне много интересных личностей, о которых говорят туристы или иногородние жители. Так, распределение вариантов ответов на вопрос об ассоциациях города с деятелями культуры и искусства омичи ответили: Ф. М. Достоевский (73 %), М. А. Врубель (73 %), Л. Г. Полищук (47 %), М. А. Ульянов (34 %), Р. И. Рождественский (30 %), А. Н. Либеров (26 %), Т. М. Белозеров (20 %), К. П. Белов (19 %), В. Шабалин (19 %), Н. Д. Чонишвили (14 %), И. Ф. Летов (11 %), Л. Н. Мартынов (11 %), Е. В. Дворжецкий (7 %), И. Ф. Анненский (7 %).

Особенно ценно, что население знает деятелей литературы и искусства как прошлого, так и настоящего. При этом среди исторических личностей, особенно повлиявших на формирование образа омского края, в глазах потомков – Ф. М. Достоевский, а также человек, который ввел наш город в историю страны как «третьей столицы России» – А. В. Колчак. Распределение вариантов ответов на вопрос о влиянии исторических личностей, повлиявших на судьбу Омского края, оказалось следующим: А. В. Колчак (18 %), Ермак (21 %), И. Д. Бухгольц (13 %), Ф. М. Достоевский (29 %), Д. М. Карбышев (12 %), Петр I (3 %), Н. К. Рерих (4 %). В целом большинство жителей Омска (около 60 %) считают, что нашему городу нужен культурный бренд, хотя мало кто из респондентов смог правильно определить содержание данного понятия.

Как показали результаты исследования, респонденты не раз упоминали в качестве наиболее популярной достопримечательности Омска и бренда Омскую крепость как визитную карточку города, где можно отдохнуть или провести праздники. Результаты опроса горожан во многом совпали с экспертными оценками, представленными на страницах журнала «Бизнес-курс» за первое полугодие 2011 г. и в более позднее время. Так, только за один год на основе контент-анализа нами было выявлено то, что слово

«бренд» встречалось 11 раз, а Омская крепость упоминалась 48 раз в статьях данного журнала. Это подчеркивает, что Омская крепость сейчас на пике интереса общественности и жителей Омска. Из личностей, которые повлияли на судьбу нашего города – Ф. М. Достоевский. Они находятся неподалеку друг от друга, в самом центре города, имеют историческую связь, что дает им значительное преимущество, они могут привлекать жителей города и области, а также туристов на совместные экскурсии.

Интерес у ученых, журналистов, граждан к вопросу о бренде территории не ослабевает, а, наоборот, увеличивается, что способствует дальнейшим исследованиям и опросам. Так, информационно-рекламное агентство «Омск-Информ» [5] предложило своим читателям на выбор следующие бренды: омская команда КВН «Полиграф Полиграфыч», омский нефтеперерабатывающий завод, торговая марка пива «Сибирская корона», имена актеров Михаила Ульянова и Любови Полищук, хоккейный клуб «Авангард», клуб «ГазМяс» из юмористической телепередачи. В читательском голосовании, по данным агентства, с небольшим отрывом от «ГазМяс» победил клуб «Авангард». В числе «природных» брендов респонденты назвали Иртыш, пять озер Муромцевского района, природный парк «Птичья гавань» и Большереченский зоопарк (как единственный в России сельский зоопарк). Из культурных, образовательных и исторических брендов Омской области выделялся государственный университет им. Ф. М. Достоевского, музей им. Врубеля, историко-краеведческий музей, сибирское казачество, временное всероссийское правительство Колчака, омский кадетский корпус, аграрный университет и драмтеатр.

Благоприятный имидж Омской области создают не только высокие экономико-инвестиционные показатели, машиностроительный и агропромышленный комплекс, богатое культурное наследие, но и спортивные мероприятия, ставшие визитной карточкой Омской области, именитые спортсмены, прославившие регион на олимпийских, международных и всероссийских стартах. Так, «Сибирский международный марафон», история которого насчитывает более 20 лет, ежегодно собирает десятки тысяч спортсменов, любителей здорового образа жизни со всего света. Организуемые более 40 лет на территории региона традиционные спортивно-культурные мероприятия «Праздник Севера» и «Королева спорта», опыт проведения которых переняли ряд российских регионов, объединяют всех жителей Омской области. Благодаря таким мероприятиям Омский регион и город славится не только в России, но и далеко за ее пределами. Способствуют продвижению бренда омского региона на мировом уровне и успешные выступления хоккейной команды «Авангард», победы на Олимпийских играх боксера Алексея Тищенко, гимнасток Евгении Канаевой, Маргариты Алиичук, Ксении Дудкиной, достижения биатлонисток Яны Романовой, Марии Демидовой, а также высокие показатели других именитых спортсменов и команд. В конечном счете, спортивные бренды Омской области также способствуют продвижению региона среди других российских территорий, показывают огромный культурный, туристический и иной потенциал, важный для принятия решений инвесторов.

Наконец, еще один брендовый пласт – бренды событийные, такие, как выставка военной техники, российско-германский сырьевой форум, омский экономический форум, фестивали различных типов и видов. Все вышеуказанные виды культурных

брендов региона взаимосвязаны, однако они могут быть соединены в один глобальный бренд территории [4, с. 121]. В целом региональный (культурный) брендинг – это новая деловая философия, заключающаяся в создании и поддержании притягательности и престижа территории, а также привлекательности сосредоточенных на ней историко-культурных ресурсов и возможностей их реализации. Успешный культурный брендинг [5] обеспечит региону привлечение на свою территорию инвестиций, туристических потоков, а также квалифицированной рабочей силы. Специалисты используют разные технологии создания и продвижения региональных брендов территории, все они в сжатом виде подчеркивают ее позитивные и необычные качества.

1. *Левочкина Н. А.* Региональные туристические бренды России как инструмент глокализации социально-экономических процессов // Россия и Европа. Единое экономическое пространство : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (2–3 декабря 2010 г.). Омск : Изд-во ОИ РГТЭУ, 2010. С. 426–428.

2. *Архангельская К. В.* Бренд как объект исследования // Гуманитарные науки. Культурология. 2006. Вып. 12. № 47. С. 3–35; *Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн и др.* СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге : Изд-во «Питер», 2005. 382 с.

3. *Культура и пространство. Кн. 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / под ред.: В. К. Мальковой и В. А. Тишкова.* М. : ИЭА РАН, 2010. 182 с.

4. *Панкрухин А. П.* Маркетинг территории – ключ к успеху региона // *МаркетингPRO.* 2007. № 12. С. 35; *Панкрухин А. П.* Маркетинг территорий. СПб. : Питер, 2006. 416 с.

5. *Левочкина Н. А.* Региональные культурные бренды как тренд развития территорий. URL: <http://fan-5.ru/na5/3704.php> (дата обращения: 06.10.2015).

6. *Эллвуд А.* Основы брендинга. М. : Гранд, 2002. 220 с.

7. *Якубова Т. Н., Крюкова А. П.* Территориальный брендинг как инструмент развития региона // *Молодой ученый.* 2014. № 21. С. 484–488. URL: <http://www.moluch.ru/archive/80/14255/> (дата обращения: 12.02.2017).

УДК 93/94

О. В. Метель

ИЗ ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СИБИРИ (по материалам исторического архива Омской области)*

Статья посвящена истории Коммунистического университета Сибири – партийного учебного заведения, действовавшего в Омске в 1921 – 1923 гг. На материалах Исторического архива Омской области реконструированы основные вехи истории КУСа, рассмотрен его кадровый состав, особенности организации учебного процесса, распорядок дня студентов. Особое внимание уделено вопросу о закрытии омского вуза. Автор показал, что решающая роль в данном процессе должна быть отведена нерешенным хозяйственно-бытовым проблемам.

Ключевые слова: коммунистические университеты, партийное просвещение, советское образование, высшие учебные заведения Сибири, коммунистическое студенчество.

O. V. Metel

ABOUT THE HISTORY OF COMMUNIST UNIVERSITY OF SIBERIA (by the materials of the historical archive of the Omsk region)

The article is devoted to the history of the Communist University of Siberia. This University was in Omsk in 1921–1923. The history of this University reconstructed by the materials of the Historical archive of the Omsk region. Author examined its composition, peculiarities of organization of educational process, the daily routine of the students. Special attention is paid to the question of the closure of this University. The author showed that the decisive role in this process should be given unresolved domestic issues.

Keywords: Communist universities, party education, Soviet education, higher educational institutions of Siberia, the Communist students.

Среди реформ в образовательной сфере, проводимых в первые годы советской власти, особое место занимает процесс создания специальных «коммунистических» учебных заведений, призванных воспитывать человека нового типа, способного участвовать в строительстве советского общества. Одним из ярких примеров таких учреждений стали коммунистические университеты, создававшиеся как особое звено партучебы для «выработки теоретически подготовленного партийно-советского работника и педагога-пропагандиста губернского и областного масштаба» [1, с. 247]. Первый коммунистический университет – Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова – был открыт в 1919 г. в Москве на базе двухнедельных инструкторских курсов. В дальнейшем сеть комвузов была существенно расширена за счет открытия региональных

* Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-688.2017.6 «Советская историческая наука в 1920–1930-е гг.: институциональный аспект».

© Метель О. В., 2017

и специализированных центров (Татарский Коммунистический университет, Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского и др.). К числу подобных университетов регионального значения должен быть отнесен и Коммунистический университет Сибири, или КУС (другие наименования, встречающиеся в документах, – Коммунистический университет Сибири имени И. И. Смирнова, Рабоче-крестьянский коммунистический университет Сибири), открытый в начале 1920-х гг. в Омске с целью подготовки партийных кадров сибирского региона. Просуществовав около двух лет, КУС, однако, был закрыт, а стоящие перед ним задачи возложены на Урало-Сибирский коммунистический университет, или УСКУ, открывшийся в январе 1924 г. в Екатеринбурге [2, с. 127; 3, с. 57].

Столь недолгая история представляет, однако, по нашему мнению, значительный интерес для исследователя, демонстрируя не только особенности партийного или культурного строительства в Западной Сибири в первые годы советской власти, но и специфику становления советской образовательной системы, позволяя получить новые данные для размышления о причинах провалов тех или иных экспериментов в указанной области, в том числе и в их провинциальных вариантах. Подобная задача становится тем более актуальной, учитывая, что история многих комвузов на сегодняшний день оказывается недостаточно разработанной. В полной мере это относится и к Коммунистическому университету Сибири, сравнительно редко привлекавшему внимание исследователей. Имеющиеся же работы, основанные преимущественно на материалах Государственного архива Новосибирской области, дают лишь самое общее представление о названной структуре [4 ; 5]. Настоящая публикация призвана ликвидировать эту лагуну и реконструировать историю омского комвуза на материалах фондов Исторического архива Омской области. Последние представлены протоколами ячейки РКП(б), действовавшей в КУСе, делопроизводственной документацией комвуза, распоряжениями Сиббюро и отдельными документами хозяйственного и бытового значения. И хотя сведения о работе омского комвуза, содержащиеся в названных документах, весьма фрагментарны, они позволяют реконструировать ключевые события его истории и охарактеризовать основные направления деятельности.

Историю Коммунистического университета Сибири по праву можно начинать с ноября 1919 г., когда после разгрома А. В. Колчака в Омске были открыты десятидневные курсы по подготовке партийных и советских работников [3, с. 56]. В дальнейшем на базе курсов была создана областная совпартшкола, которая и послужила основой для комвуза. Официальной датой образования КУСа принято считать 9 марта 1923 г., когда вышел декрет СНК «Об организации пяти областных коммунистических университетов (в Казани, Омске, Саратове, Екатеринбурге, Ташкенте)» [6]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют согласиться с подобной датировкой, свидетельствуя о том, что Рабоче-крестьянский коммунистический университет Сибири функционировал в Омске уже в 1921 г. [7, с. 209]. Об этом, в частности, свидетельствуют протоколы заседаний ячейки РКП(б), которые как раз датируются указанным годом. На протяжении своего недолгого существования Коммунистический университет Сибири занимал отдельное здание в центре Омска по

адресу ул. Музейная, д. 6. Помимо учебных помещений, согласно имеющимся документам, он располагал оборудованным общежитием, рассчитанным на 203 человека, и библиотекой [8. Л. 40].

Общее количество студентов комвуза варьировало в различные годы от 185 до 224 человек. Это были партийцы, командированные в КУС местными организациями. Командируемые должны были соответствовать целому ряду требований, среди которых назывались возрастные ограничения (поступающим должно было быть не менее 18 лет), наличие партстажа (полтора, а затем два года), отсутствие физических и психических заболеваний, грамотность (изначально поступающие должны были уметь грамотно излагать свои мысли, работать с целыми числами в пределах четырех арифметических действий и знать некоторый минимум марксистской теории; но в дальнейшем перечень навыков был расширен) и обеспеченность необходимым обмундированием (сменное белье, теплые одежда и обувь) [9. Л. 135; 10. Л. 3]. Причем в случае несоответствия хотя бы одному из перечисленных пунктов командируемый должен был быть отправлен назад за счет командирующей стороны [9. Л. 135].

По своему социальному происхождению большинство студентов КУСа составляли выходцы из крестьян. По данным на 1922 г. из 185 студентов омского комвуза 95 принадлежали к крестьянству, чуть меньшую группу, в 70 человек, составляли рабочие и, наконец, всего 20 студентов относились к категории служащих [8. Л. 51]. С точки зрения половозрастной структуры среди обучавшихся преобладали мужчины в возрасте до 30 лет [8. Л. 52]. Большинство студентов имело только начальное образование. В 1922 г. высшее образование до поступления в КУС получили всего 19 человек. Невысокий образовательный уровень студентов должен был компенсироваться их «политической сознательностью»: 161 студент омского комвуза являлся членом РКП(б), 15 были кандидатами в члены партии и 9 состояли в РКСМ [8. Л. 52]. В целом приведенные данные свидетельствуют о том, что омское «коммунистическое студенчество» начала 1920-х гг. вполне соответствовало ожиданиям советской власти, стремившейся открыть путь в университеты (причем не только коммунистические) рабочей и крестьянской молодежи.

В то же время, в отношении преподавательского состава ситуация оказывается более сложной. В Москве и Ленинграде советская власть предъявляла к преподавателям комвузов целый ряд требований, призванных обеспечить возможность работы со слушателями только «проверенных марксистов». Однако опыт КУСа показывает, что в провинции ситуация была совершенно иной. По данным на 1922 г. в состав преподавателей омского комвуза входили 5 штатных и более 20 внештатных сотрудников. Процент партийцев среди них был невысок: в РКП(б) состояло меньше половины лекторов [8. Л. 53]. Остальные же или принадлежали к числу сочувствующих советской власти, или вовсе являлись ее противниками. Причем имена последних были хорошо известны, однако уволить таких преподавателей руководство КУСа не могло, в условиях провинциального «кадрового голода» заменить их оказывалось просто нечем [11. Л. 26]. Точно так же администрации приходилось мириться и с лекторами, не желавшими учитывать ни образовательный уровень, ни запросы аудитории и применявшими с точки зрения последней «устаревшие» методы преподавания. Именно так,

в частности, слушатели оценивали преподавателя химии К. К. Эльринга, являвшегося «никуда негодным» лектором, да еще и ярким противником советской власти, но не подлежащим замене ввиду «неимения химиков» [11. Л. 26].

Учебная программа омского комвуза в 1922 г. была рассчитана на два года, делившихся на два семестра. В дальнейшем по образцу других комвузов страны срок обучения планировалось увеличить до трех лет. За отведенное время студенты должны были изучить три вида дисциплин: общеобразовательные (математика, естествознание, география, русский язык и др.), общетеоретические (история развития общественных форм, политэкономия, история рабочего движения, диалектический материализм и др.) и специальные (в зависимости от избранной области: партийная, советская профессиональная и кооперативная работа). Представленный перечень не был оригинальным, вполне соответствуя программам большинства советских коммунистических университетов, вынужденных, учитывая невысокий уровень грамотности студентов, которые, несмотря на предъявляемые требования, не всегда умели бегло читать и писать, ориентироваться на преподавание общеобразовательных предметов, дополняемых специальными «коммунистическими» дисциплинами, призванными сформировать у курсантов диалектическое мышление, необходимое для ведения классовой борьбы на современном этапе.

Помимо освоения учебных дисциплин, немаловажная роль в обучении студентов КУСа отводилась партийной и культурно-массовой работе. Если говорить о первой из них, то в течение учебного года студенты комвуза должны были принимать участие в работе низовых партийных организаций различных предприятий города, а в период летних каникул, после непродолжительного отдыха, налаживать работу на местах [12. Л. 5]. Культурно-массовая деятельность в стенах КУСа была сосредоточена в различных кружках и добровольных объединениях, ответственных за выпуск журналов «Пролетарское творчество» и «Пулемет» и проведение различных мероприятий (к примеру, приуроченных ко дню памяти К. Маркса) [12. Л. 34]. Самыми популярными кружками омского комвуза были дискуссионный и антирелигиозный, в работе которых, если верить отчетам, участвовали более 70 человек. Помимо них, в КУСе формально действовали драматический, литературный, музыкальный и спортивный кружки, хотя их работа в силу материальных трудностей не была налажена должным образом. К примеру, музыкальный кружок не располагал достаточным количеством необходимых инструментов [12. Л. 59].

О том, как должна была строиться работа кружков КУСа, мы можем получить некоторое представление благодаря отчету, подготовленному руководителем антирелигиозного кружка для Агитационно-пропагандистского отдела Омского комитета РКП(б) [13. Л. 92–93]. Все участники кружка (в отчете говорится о 70 членах) были разделены на несколько групп, каждой из которых был поручен анализ одной из девяти предложенных тем («Происхождение религии и бога», «Общее в религиях (страдающий и воскресающий бог, жертвоприношения и таинства, загробная жизнь), «Христианство, его возникновение и развитие» и др.). Результаты анализа необходимо было представить в виде доклада. После прочтения доклада должен был начинаться диспут, в число участников которого входили как специально назначенные «оппоненты», имевшие возможность заранее ознакомиться с докладом, так и все присутствующие на заседании студенты. Заключительное слово оставалось за преподавателем. Иными

словами, здесь была использована та же схема работы, которая применялась в советских комуниверситетах 1920-х гг. для освоения любой учебной дисциплины – так называемый исследовательский метод, предполагавший перенос центра тяжести системы обучения на самостоятельную работу слушателей [14]. В то же время нельзя не отметить, что мы не располагаем данными о том, насколько материалы отчета отражали действительную ситуацию, но можем предположить, что общая загруженность преподавателя и студентов и нехватка специализированной литературы в библиотеке не могли не препятствовать продуктивной разработке выбранных для анализа тем.

Распорядок дня курсантов комунверситета подлежал довольно строгой регламентации. Утренние и дневные часы были заняты занятиями по обязательным предметам, послеобеденное время отводилось на посещение необязательных дисциплин, и наконец, вечер должен был быть посвящен работе кружков. Думается, что причины введения подобной регламентации были связаны, с одной стороны, с необходимостью в сжатые сроки освоить большой объем материала, что не могло не требовать от студентов предельной концентрации, а с другой – объяснялось потребностью в установлении банальной дисциплины, нередко нарушаемой курсантами, не сумевшими избавиться от «обывательских» привычек и устраивавших «мещанские вечеринки», на которых устраивались танцы и даже присутствовала выпивка [15. Л. 34], что, впрочем, в любой студенческой среде тех лет отнюдь не было редкостью [16, с. 349–355].

Менее чем через два года после своего открытия, весной 1923 г., КУС столкнулся с целым рядом серьезных проблем, сделавших, в конечном итоге, невозможным его дальнейшую работу. Первой такой проблемой, на наш взгляд, стала насыщенность учебной программы. Включавшая в себя, как мы видели ранее, массу различных предметов, она была сложна для усвоения партийцами, не имевшими для этого ни достаточного уровня подготовки, ни необходимо количества свободного времени. Кроме того, многие студенты отличались слабым здоровьем, серьезно подорванным в годы гражданской войны, что также не способствовало быстрому и успешному обучению. В результате нередко возникали случаи переноса предметов из одного семестра в другой, конфликты между преподавателями и студентами. Последние нередко вспыхивали на почве непонимания со стороны студентов необходимости изучения фундаментальных наук. Будущие партийные работники рассматривали свое обучение сугубо утилитарно, рассчитывая на получение практически полезной информации. В результате конфликты с преподавателями, которые только и могли «говорить сорок тысяч слов в минуту» и исписывать за занятие «по две доски формул», становились неизбежными [12. Л. 71]. Однако со сложностями, связанными с освоением учебной программы студентами, сталкивались многие коммунистические университеты, поэтому рассматривать их в качестве основной причины закрытия КУСа было бы некорректно. Именно поэтому мы полагаем, что решающее значение для ликвидации омского комвуза имели иные факторы, связанные с причинами материального характера.

На первый взгляд материальное положение студентов КУСа было весьма устойчивым. Как нередко подчеркивалось представителями партийных организаций, снабжение у них было лучше, чем у рабочих и красноармейцев [17. Л. 12]. Они обеспечивались общежитием, получали паек и стипендию (денежные выплаты получали

также их семьи). Но ни выделяемого пайка, ни стипендии не хватало для обеспечения сносного существования, поэтому студенты нередко вынуждены были или прибегать к практике «самоснабжения», т. е. продаже личных вещей с целью приобретения продуктов питания, или искать дополнительные источники заработка. Однако ни один из названных способов пополнения бюджета не поощрялся: все заработки (как и любые другие средства, полученные студентом, включая деньги, выделяемые командировавшей организацией) должны были идти в общую студенческую кассу, а проданные вещи подлежали возврату [8. Л. 172; 18. Л. 11]. Нерешенными оставались и бытовые проблемы студентов КУСа, связанные с проживанием в общежитии, в котором царил антисанитария. «Тут же при выходе из университета, – сетовали курсанты, – есть всем известная помойная яма, через края которой льются потоки содержимого в ней, благодаря этому мы зимой имели перед дверями ун[иверсите]та большую ледяную гору, а весной администрация, дабы не затрачивать средства на вывозку, ухитрилась проложить открытые каналы через весь двор» [12. Л. 69]. И хотя с подобными проблемами в 1920-е гг. советское студенчество сталкивалось повсеместно [16, с. 289–253], в омском комвузе именно на этой почве вспыхнул настоящий скандал, сыгравший, на наш взгляд, немаловажную роль в закрытии данного учебного заведения.

Конфликт разгорелся в июне 1923 г. в связи с вопросом о выдаче довольствия студентам на время летних каникул. Оказалось, что КУС не располагает средствами, необходимыми для обеспечения всех студентов на два месяца отдыха, поэтому ректор принял решение о выплате только половины необходимой суммы. Это вызвало волну недовольства, вылившуюся в принятие резолюции о неправомерных действиях администрации. Студенты настаивали на невозможности прожить вместе с семьями на сокращенные вдвое суммы выплат, что неминуемо грозило поисками дополнительного источника заработка, который сделал бы невозможным полноценный летний отдых, а значит, и эффективное обучение в новом семестре. В случае реализации подобного сценария студенты указывали на неизбежность повторения прошлогодней ситуации, когда вернувшиеся с каникул слушатели вновь получали разрешение на отпуск по состоянию здоровья [12. Л. 69]. Критикуя администрацию за нежелание найти выход из сложившегося положения, студенты приводили и другие примеры, доказывающие «бесхозяйственность» руководящих органов КУСа: использование для приготовления пищи протухшего мяса, приобретение заведомо некачественных одежды и обуви [12. Л. 69]. Вспоминали и антисанитарию в общежитии, и невозможность полноценно усваивать материалы учебных программ, о которых мы говорили ранее. В ответ на обвинения администрация указывала на сложное положение республики и призывала студентов проявить больше терпения и сознательности. Однако доводы администрации не были услышаны. Инициаторами конфликта была подготовлена резолюция для Сиббюро, обличающая действия администрации омского комвуза.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные, к сожалению, не позволяют сделать однозначный вывод о путях урегулирования возникшего конфликта. По некоторым сведениям, для улучшения материального положения КУСа, над ним хотел

взять шефство Сибвнешторг, его планировалось перевести в Томск, однако этим планам не суждено было сбыться [12. Л. 131]. Как мы говорили в начале статьи, в январе 1924 г. задачу подготовки кадров партийных и советских работников для Сибири взял на себя Урало-Сибирский коммунистический университет. Он просуществовал в Екатеринбурге до 1930-х гг., когда, как и другие коммунистические университеты, был реорганизован.

Таким образом, история Коммунистического университета Сибири является примером не всегда продуманной образовательной политики первых лет советской власти, когда, нуждаясь в квалифицированных кадрах, партия, тем не менее, делала ставку на их быстрый количественный прирост, не учитывая реальных возможностей подготовки. КУС мало походил на столичные комвузы, претендующие на роль центров марксистско-ленинской научной мысли. Испытывая «кадровый голод» и материальные трудности, он мог предложить студентам лишь самое общее образование, которое, впрочем, далеко не всегда оказывалось востребованным аудиторией. Недаром к концу 1930-х гг. партийное руководство вынуждено было полностью отказаться от подобной формы учебных заведений.

1. Антонов-Саратовский В. П. Университет имени Свердлова в 1921 – 22 г. О задачах университета // Записки Коммунистического университета имени Свердлова. М., 1923. Т. 1. С. 247–293.

2. Кузнецова И. И. Урало-Сибирский коммунистический университет им. В. И. Ленина (история основания) // Экономическое и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история и историография: сб. науч. тр. Свердловск : УрГУ, 1990, с.

3. Молотков И. А. Урало-Сибирский коммунистический университет им. В. И. Ленина (1924–1932 годы) // Бахрушинские чтения. 1974. Новосибирск : НГУ, 1974, с.

4. Соскин В. Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921–1923 гг.). Новосибирск : Наука, 1971.

5. Холявченко Д. С. Формирование системы партийного просвещения в Сибири. 1920 – 1924 годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С. 188–192.

6. СУ. 1923. № 25. Ст. 291.

7. Машкарин М. И., Яшин В. В. Омское Прииртышье в истории одного дня: хроника событий (XVI–XX вв.). Омск: [Б. и.], 1999.

8. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 78.

9. ГИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 379.

10. Там же. Оп. 4. Д. 405.

11. ГИАОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 151.

12. Там же. Оп. 2. Д. 287.

13. ГИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 424.

14. Фридлянд Ц. О Всероссийской методической конференции преподавателей истории в совпартшколах // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 280 – 287.
15. ГИАОО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 9.
16. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. 2-е изд. М. : Новое литературное обозрение, 2016.
17. ГИАОО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 98.
18. Там же. Оп. 2. Д. 100.

УДК 94(47).083

А. А. Оспанова

АДРЕС-КАЛЕНДАРЬ КАК ИСТОЧНИК ПРИ ИЗУЧЕНИИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В условиях системных преобразований в стране и глубокой потребности в оптимизации управленческой деятельности интерес к истории государственного управления в России заметно усилился. Исторический опыт управленческой организации Российской империи, в арсенале которой были механизмы, обеспечившие ей стабильное двухсотлетнее существование, представляет несомненный интерес в условиях современной федеративной формы государственного устройства страны. Одним из таких механизмов являлся личный секретариат губернатора – губернаторская канцелярия, в работе которой находили наиболее открытое выражение те механизмы власти, которые реализовывались губернатором не через коллегии, а непосредственно. В этом состоит уникальность канцелярии губернатора, феномен которой нуждается в детальном изучении. В вопросе изучения канцелярии губернатора особое место занимают адрес-календари, которые содержат информацию о чиновниках, служивших в данном учреждении. В статье предпринята попытка проанализировать адрес-календари как исторический источник при изучении губернаторской канцелярии оренбургской губернии.

Ключевые слова: канцелярия губернатора, пореформенный период, чиновники канцелярии губернатора, губернатор, власть.

А. А. Оспанова

ADDRESS-CALENDAR AS A SOURCE WHEN STUDYING THE HUMAN RESOURCES OF THE ORENBURG PROVINCE CHANCELLERY IN THE POST-REFORM PERIOD

In the conditions of system transformations in the country and a deep need for optimization of management activities, interest in the history of public administration in Russia has significantly increased. The historical experience of the administrative

organization of the Russian Empire, in whose arsenal were the mechanisms that provided it with a stable two-hundred-year existence, is of undoubted interest in the conditions of the modern federal form of the state system of the country. One such mechanism was the governor's personal secretariat – the governor's office, in which they found the most explicit expression of those mechanisms of power that were implemented by the governor, not directly through the college, but directly. This is the uniqueness of the governor's office, the phenomenon of which requires detailed study. In the matter of studying the office of the governor, a special place is occupied by address-calendars, which contain information about officials who served in this institution. This article attempts to analyze address calendars as a historical source in the study of the governor's office of the Orenburg province.

Keywords: governor's office, post-reform period, officials of the governor's office, governor, power.

Современный период российской истории, характеризующийся кардинальными изменениями во всех сферах жизни общества, в том числе в системе органов власти, предопределяет необходимость серьезного изучения истории государственных учреждений дореволюционной России. Оно способно дать ценные материалы для анализа путей совершенствования системы государственного аппарата. Исторический опыт организации управления Российской империи, в арсенале которой были механизмы, обеспечившие ей стабильное двухсотлетнее существование, представляет несомненный интерес в условиях современной федеративной формы государственного устройства страны. Одним из таких механизмов являлся личный секретариат губернатора – губернаторская канцелярия, в работе которой находили наиболее открытое выражение те механизмы власти, которые реализовывал губернатор не через губернские органы власти, а непосредственно. В этом состоит уникальность канцелярии губернатора, феномен которой нуждается в детальном изучении.

На протяжении более чем двухсот лет, с 1708 по 1917 г., институт губернаторства и губернская система управления прошли долгую и сложную эволюцию. При всех контрастах Российской империи это была прочная и весьма устойчивая держава, что объяснялось, наряду с цементирующим воздействием русского народа, общепризнанным главенством правящей династии, монолитностью дворянства и чиновничества, также достаточно высокой эффективностью губернаторской формы местного управления. Научная актуальность темы данной работы определяется ролью губернской администрации в общественной жизни губернии пореформенного периода. Как и в предшествующую эпоху, администрация губернии была проводником политики верховной власти. В то же время она контролировала все жизненно важные аспекты экономических, социальных и политических отношений. Поэтому её устройство и деятельность представляют огромный научный интерес. Более того, изучение истории института губернаторства нуждается в специальном изучении еще и потому, что позволит понять, как работала система пореформенного управления, каким образом происходило взаимодействие с центральным правительством и местным самоуправлением, каков был статус губернатора и кто они были, эти «хозяева губернии».

Историографию проблем, связанных с устройством и деятельностью института губернаторства, нельзя назвать исчерпывающей. Проблемы становления и развития института губернаторства в дореволюционной историографии в основном привлекали внимание правоведов. Имеются также и юридические исследования. В советский период практически не было создано работ, посвященных государственному устройству и управлению Российской империей в целом, характеру ее местной власти, тем более специально посвященных институту губернаторства в России. На тему губернаторов как «главных сатрапов царского режима» на местах, «душителей революционного режима» многие десятилетия было наложено табу.

Важным для развития темы стало конкретное историческое исследование Н. П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России» [1]. Однако в нем губернаторские канцелярии упоминаются лишь вскользь и не подвергнуты детальному анализу. Работа является лишь кратким очерком истории институтов управления. В 1978 г. вышел труд П. А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России», по сути, открывший новое направление в исторической науке. В российской историографии была показана необходимость изучения личного состава государственного аппарата и сформулировано принципиальное положение, «что наряду с расстановкой общественных сил», определенной политической системой», на внутреннюю политику страны «немалое влияние оказывают и люди, состоящие во главе администрации» [2, с. 8]. П. А. Зайончковский рассмотрел состав служащих, условия службы чиновничества и предложил методику изучения, основанную на комплексном использовании законодательных актов, формулярных списков, источников мемуарного характера. Такая методика позволяет определить некие качественные параметры при характеристике личного состава служащих.

В современный период историографии вышло немало работ, посвященных институту губернаторства в целом, а также немало диссертационных исследований, посвященных проблемам власти и управления. Но несмотря на обилие работ, среди них нет ни одного специального исследования, посвященного канцелярии оренбургского губернатора, что представляет для нас исследовательскую лакуну.

Канцелярия оренбургского генерал-губернатора была создана 12 декабря 1796 г. при образовании Оренбургской губернии и учреждении должности военного губернатора. В 1850 г. была образована Самарская губерния и передана в подчинение военному губернатору, должность которого стала называться Оренбургский и Самарский генерал-губернатор. В 1865 г. Самарская губерния была выделена из ведения Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, а его должность переименована в Оренбургского генерал-губернатора. Канцелярия губернатора представляла собой одно из звеньев цепи аппарата управления пореформенной России. Это был личный секретариат губернатора, который законодательно являясь «начальником губернии», олицетворял собой принцип единоначалия в губернии. Задолго до начала изучаемого нами периода он был наделён большим объёмом полномочий, обладая правом брать под своё непосредственное руководство любые социально-экономические и общественно-политические вопросы и требовать отчета с любых лиц, живущих в пределах вверенной ему губернии. О том, какое значение канцелярия губернатора игра-

ла в губернии ярко свидетельствуют данные Кахановской комиссии 1881–1885 гг., которая имела своей целью восполнить пробел великих реформ в области местного административного устройства. На основании огромного количества материала (доклады губернаторов, записки ревизирующих сенаторов, ходатайства местных учреждений и др.), который был собран комиссией, был сделан вывод о том, что канцелярия губернатора и губернское правление находятся практически на равных позициях, и смысла в существовании двух органов сами губернаторы не видят [3, с. 109]. В последующие годы был издан целый ряд законов, расширяющих деятельность губернаторов и усиливающих их власть. Это означало, что свои полномочия губернатор реализовывал непосредственно, через свою канцелярию. Управление губернией зависело по-прежнему не столько от законов и системы власти, сколько от личности конкретного губернатора и его компетенции [4, с. 76]. В таких условиях между губернатором и его властными решениями всегда находились служители канцелярии, кадровый потенциал которой нуждается в детальном анализе.

Если говорить в целом об источниковой базе исследования, посвященного конкретно вопросу состава служащих канцелярии, то она достаточно обширна. Данные о служащих содержатся как в официальном делопроизводстве, служебной переписке, формулярных списках чиновников, аттестатах о службе и, наконец, в адрес-календарях Оренбургской губернии, на которых мы и сосредоточимся в данной работе.

Адрес-календари и памятные книжки выпускались местными официальными лицами и учреждениями Министерства внутренних дел. Всего к настоящему времени выявлено 2267 таких изданий, вышедших с середины 1830-х гг. до 1917 г. в 89 губерниях и областях Российской империи. Памятные книжки менялись во времени и в каждой губернии имели свои особенности. В наиболее полном виде они включали в себя четыре крупных раздела: адрес-календарь, административный справочник, статистический обзор и научно-краеведческий сборник. Цели и задачи издания памятных книжек были определены в циркулярном письме министра внутренних дел С. С. Ланского губернаторам от 16 сентября 1859 г. [5, с. 117–119]. Более или менее регулярная публикация губернских памятных книжек с адрес-календарными разделами начинается с середины 1840-х гг., но лишь в некоторых губерниях. До этого времени издание подобных справочников было, по всей видимости, невозможно из-за отсутствия у местных властей систематизированного свода данных о чиновниках всех ведомств. Такие своды появились в конце 1830-х гг. благодаря двум обстоятельствам: 1. Известному узаконению об издании губернских ведомостей, предусматривавшему обязательную публикацию сведений обо всех кадровых перемещениях в губернии [6, с. 17]; 2. Циркуляру министра внутренних дел Д. Н. Блудова (весна 1836 г.), предписывающему начальникам губерний в целях выявления круга лиц, свободных от подушного обложения, составлять и обновлять ежегодно списки дворян, проживающих во вверенной им губернии, и лиц, находящихся на государственной службе [7, с. 2]. Издание списков должностных лиц зависело, по-видимому, прежде всего от инициативы местных властей: документы, на общегосударственном уровне регламентирующие порядок издания списков должностных лиц, пока не обнаружены. К сожалению, в отличие от памятных книжек, списки должностных лиц никогда не содержали предисловий, по

которым можно было бы хоть как-то проследить процесс возникновения и развития этого типа изданий.

Типичные признаки списка должностных лиц (рубрикация материалов по ведомствам с четкой иерархией точно поименованных подразделений, расположение лиц внутри рубрик по старшинству, обозначение вакансий, указание на принадлежность к дворянству лиц, чина не имеющих, обязательный минимум информации о каждом должностном лице) дают основание считать издания этого типа прежде всего адресными книгами для служебной переписки в пределах губернии, предназначенными в первую очередь для внутренних нужд управления. В то же время указание цены в 24 списках 9 губерний и публикация объявлений о продаже в местной прессе свидетельствует о том, что они предназначались и для населения.

Списки должностных лиц и памятные книжки – издания, тесным образом связанные между собой. В некоторых губерниях (например, Астраханской, Владимирской, Казанской, Костромской, Псковской, С.-Петербургской) списки должностных лиц явились непосредственными предшественниками памятных книжек.

Списки должностных лиц, как и памятные книжки, издавались местными учреждениями, подведомственными МВД: губернскими правлениями и губернскими статистическими комитетами. Разница состояла в том, что памятные книжки издавали чаще всего статистические комитеты, а списки должностных лиц – губернские правления. Сведения об издателях списков должностных лиц приводятся в самих изданиях крайне редко, что затрудняет их анализ в данном аспекте.

Сведения о чиновниках для составления адрес-календаря должна была предоставить канцелярия губернатора, о чем заранее канцелярию уведомлял командир корпусного штаба. Так, в 1859 г. командир Оренбургского корпуса приказал приступить к созданию адрес-календаря на 1860 г. при типографии Корпусного Штаба. Список чиновников с указанием фамилии, имени, отчества, должности и чина необходимо было доставить к октябрю месяцу [7. Л. 1–3].

С источниковедческой точки зрения информация о чиновниках, содержащаяся в большинстве адрес-календарей ограничивается указанием фамилии, имени, отчества, чина звания и наименованием должности. Однако имеются и исключения. Так, в 1884 г. был выпущен адрес-календарь личного состава служащих по всем ведомствам. В этом издании кроме основных данных о служащих, указаны еще такие параметры, как возраст, вероисповедание, год начала службы, семейное положение, получаемое содержание [8, с. 2–164]. Данное издание дает возможность более полной характеристики чиновников канцелярии губернатора, но опять-таки с ограничением временного промежутка. Адрес-календари Оренбургской губернии выпускались не каждый год, иногда и с промежутками в несколько лет (1884, 1888, 1891, 1893, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1904, 1905, 1906, 1908, 1912, 1914, 1915, 1917), образуя более или менее цельный хронологический ряд источников, что позволяет следить за изменениями в личном составе и карьерой местных государственных служащих на протяжении достаточно значительного временного отрезка. Состав служащих канцелярии оренбургского губернатора (по данным адрес-канцелярий) представлен в таблице.

Состав служащих канцелярии оренбургского губернатора
(по данным адрес-календарей)

год	Прявитель Канцелярии	Помощник Старший	Помощник младший	Помощник младший	Регистратор	Чиновник особых поручений старший	Чиновник особых поручений младший	Сверх-штатный	Сверх-штатный
1884	А. М. Пустовалов	КА П. А. Леонтьев	ГС П. Н. Кизильский	Канд. прав В. А. Пономарев	А. Х. Степанов	ТС Л. О. Мышковский	ПС П. Ф. Окуньков	КА П. В. Кадомцев	ТС Д. И. Троянов
1888	В. А. Пономарев	КА Канд. СПб ун-та Н. С. Григорович	КА П. А. Леонтьев	КР А. П. Мещанков	А. Х. Степанов	НС И. А. Васильев	Поручик В. С. Елисеев	ТС Л. О. Мышковский	
1891	КА В. А. Пономарев	ГС Н. И. Мышковский	ТС Г. И. Пичугин	А. П. Привалов	Я. С. Коконин	ТС С. А. Быбин	Канд. богосл. А. С. Юденич	Г. Г. Фон-Зенгбуш	
1893	ГС Н. И. Мышковский	КА М. В. Мальковский	В. Н. Кимбер	А. П. Привалов	Я. С. Коконин	КА С. А. Быбин	ТС А. С. Юденич		
1895	КС Н. И. Мышковский	ГС А. П. Привалов	В. Н. Кимбер		Я. С. Коконин	КА С. А. Быбин	ГС З. А. Соколов		
1897	ТС Н. И. Мышковский	ГС А. П. Привалов	В. Н. Лядыгин	КР И. И. Белкин	КР Я. С. Коконин	КА С. А. Быбин	КР В. Н. Кимбер		
1898	КА Н. И. Мышковский	КС А. П. Привалов	КР Я. С. Коконин		Ст. НС С. А. Быбин	Ст. НС С. А. Быбин	ГС И. И. Белкин		
1899	КА Н. И. Мышковский	КС А. П. Привалов	Ф. Г. Киселев		ГС А. А. Лисовский	НС С. А. Быбин	ГС И. И. Белкин	КР Д. П. Листовский	
1900	КА Н. И. Мышковский	ТС А. П. Привалов	Ф. Г. Киселев	И. Н. Городилов	ТС А. А. Лисовский	НС С. А. Быбин	КС И. И. Белкин	КР Д. П. Листовский	
1901	КА Н. И. Мышковский	ТС А. П. Привалов	Ф. Г. Киселев	И. Н. Городилов	КС А. А. Лисовский	КС С. А. Быбин	КС И. И. Белкин	ГС В. А. Оссовский	КР Д. П. Листовский
1902	НС Н. И. Мышковский	Ф. Г. Киселев	И. Н. Городилов	КС А. А. Лисовский	М. Н. Князев	КС С. А. Быбин	КС И. И. Белкин	КС В. А. Оссовский	ГС Д. П. Листовский
1904	КС И. В. Половоротов	М. И. Нехорошев	КСек А. А. Лисовский	М. Н. Князев	С. М. Новиков	КС С. А. Быбин		ГС Д. П. Листовский	
1905	КС И. В. Половоротов	А. С. Невзоров	КС А. А. Лисовский	М. Н. Князев	С. М. Новиков	КС С. А. Быбин	ГС М. М. Моршанский	ГС Д. П. Листовский	
1906	КС И. В. Половоротов	КС А. С. Невзоров	ТС А. А. Лисовский	М. Н. Князев	Р С. М. Новиков	КС С. А. Быбин	вакансия		
1908	СС И. В. Половоротов	КС А. С. Невзоров	КС А. П. Матюнин	М. Н. Князев	Р КР Б. А. Оссовский	КС С. А. Быбин	ТС А. А. Лисовский		
1912	ТС Ф. Г. Киселев	ГС М. Н. Князев	КР Г. Г. Иванов	ГС С. В. Алефин	Р КР Г. И. Кудрин	НС Н. А. Быбин	НС Г. Д. Чесноков		
1914	КА Ф. Г. Киселев	КС М. Н. Князев	КР Г. Г. Иванов	ГС С. В. Алефин	Р КР Г. И. Кудрин	НС Н. А. Быбин	Поручик запаса В. С. Андреев		
1915	НС Ф. Г. Киселев	ТС М. Н. Князев	ГС Г. Г. Иванов	КС С. В. Алефин	Р А. М. Сухарев	НС Н. А. Быбин	Поручик запаса Н. В. Заркевич		
1917	НС Ф. Г. Киселев	ТС М. Н. Князев	ГС Г. Г. Иванов	В. А. Михайлов	Р Е. Е. Князев	вакансия	Поручик запаса Н. В. Заркевич		

Имеющиеся данные таблицы, позволяют говорить о том, что, во-первых, некоторые служащие в течение нескольких лет задерживались в одной должности (например, Н. А. Быбин, Н. И. Мышковский, Д. П. Листовский), что может свидетельствовать как о застое кадров в учреждении, так и том, что именно эти люди хорошо выполняли вверенные им поручения, будучи знакомыми со спецификой региона. Во-вторых, из таблицы видно, что в канцелярии шло движение чиновников по карьерной лестнице. Так, М. Н. Князев в 1902 г. состоял в должности регистратора, а за 10 лет службы дослужился до старшего помощника правителя канцелярии. В-третьих, можно говорить о том, что если управляющий канцелярией был в должности на протяжении нескольких лет, то среди и его помощники, как правило, оставались на своих должностях, хотя были и исключения. В-четвертых, адрес-календарные сведения содержат информацию о вакансиях, что свидетельствует о том, что они служили и в качестве справочников по учреждениям. Однако сведения о сверхштатных чиновниках практически отсутствуют, в то время как они играли весьма важную роль в управлении губернией.

Таким образом, адрес-календарь – важный источник для изучения кадрового потенциала канцелярии оренбургского губернатора. По имеющимся в них сведениям можно понять движение кадров, вычислить предыдущие должности, а значит, делать выводы, с каких постов, как правило, появлялись чиновники в самой губернской администрации. Кроме того, по длительности нахождения чиновника на одном и том же посту можно судить о том, был ли застой кадров в учреждении. Несмотря на то, что из адрес-календаря можно почерпнуть обширные сведения и сделать некоторые выводы, эти сведения нуждаются в дополнении и анализе в совокупности с новыми источниками и документами (послужными списками, материалами делопроизводства и др.). Только лишь после комплексного анализа неопубликованных и опубликованных исторических источников можно будет попытаться реконструировать социокультурный образ чиновников канцелярии губернатора в пореформенный период.

1. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высш. шк., 1968. 368 с.

2. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М. : Мысль, 1978. 288 с.

3. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени / сост. по распоряжению министра МВД чиновником особых поручений Е. Анучиным. СПб.: Изд-во тип. МВД, 1872. 382 с.

4. *Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М. : Изд-во МПГУ, 2001. 358 с.

5. Сборник циркуляров и инструкции Министерства внутренних дел за 1858, 1859, 1860 и 1861 гг. / собрание и издание с разрешения министра внутренних дел. СПб., 1873. 469 с.

6. *Раздорский А. И.* Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841–1908 гг.). СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 93 с.

7. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13684

8. Адрес-календарь личного состава служащих в Оренбургской губернии по всем ведомствам на 1884 г. Изд. Оренбургского стат. комитета. Оренбург, 1884. 220 с.

УДК 94(47)

С. Г. Пяткова

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В СИБИРЬ XIX ВЕКА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

Истории политической ссылки в Сибирь посвящено значительное количество исследований как в отечественной, так и иностранной историографии. Однако материалы исторического журнала «Русская старина» использовались исследователями эпизодически. Изучение материалов журнала позволяет углубить основные характеристики и представления о политической ссылке в сибирский регион в XIX веке, сложившиеся в работах исследователей, в частности, о ее этапах, причинах и специфике. Актуальность исследования обусловлена информативной ценностью материалов журнала «Русская старина» по изучению различных сюжетов российской и сибирской истории, публикацией на его страницах широкого круга исторических источников. Наиболее информативными в этом отношении являются тексты воспоминаний ссыльных и современников о ссылке. Материалы журнала свидетельствовали об актуализации проблем сибирской ссылки, ее общественно-политическом значении в XIX веке.

Ключевые слова: политическая ссылка, представления, публицистический дискурс, исторический журнал «Русская старина».

S. G. Pyatkova

FORMATION OF IDEAS ABOUT THE HISTORY OF POLITICAL EXILE TO SIBERIA OF THE XIX CENTURY ON THE PAGES OF THE MAGAZINE “RUSSIAN ANTIQUITIES”

The history of political exile in Siberia is devoted to a significant number of studies, both in domestic and foreign historiography. However, the materials of the historical journal “Russian Antiquity” were used occasionally by the researchers. The study of the materials of the journal allows us to deepen the main characteristics and ideas about the political exile in the Siberian region in the XIX century, which have developed in the works of researchers, in particular, its stages, causes and specifics. The relevance of the study is due to the informative value of the materials of the magazine “Russian Antiquities” on the study of various plots of Russian and Siberian history, the publication on its pages of a wide range of historical sources. The most informative in this regard

are the texts of reminiscences of exiles and contemporaries about the link. The materials of the journal testified to the actualization of the problems of Siberian exile, its socio-political significance in the 19th century.

Keywords: political reference, representations, journalistic discourse, historical magazine “Russian Antiquity”.

Научный интерес к изучению политической ссылки в Сибирь продолжает быть актуальным и в современной историографии, что обусловлено не только методологическими принципами и подходами, но и применением широкого комплекса методов и источников. Прежде всего в центре внимания исследователей остаются делопроизводственные документы, хранящиеся в центральных и местных архивах, нормативно-правовая и законодательная база, все чаще привлекается периодика и источники личного происхождения. Важным источником при изучении тематики политической ссылки является и исторический журнал «Русская старина», который выходил в Петербурге в 1870–1918 гг. Сибирская политическая ссылка являлась популярной темой на страницах периодической печати второй половины XIX в., поскольку в условиях оживления русской периодики актуальным было обсуждение вопросов о ее пользе или вреде как для Сибири, так и для России в целом. Цель исследования – определить специфику формирования представлений об истории политической ссылки в Сибирь XIX века на страницах журнала «Русская старина». Основным методом исследования является дискурсивный анализ текстов журнала, который позволяет выяснить исторический контекст появления представлений о политической ссылке, детализировать специфику представлений о ее этапах, организации и функционировании как составной части системы наказаний в империи.

Фронтальный просмотр годовых комплектов ежемесячника «Русский архив» за 1870–1918-е гг. (годы издания журнала) показал, что обращение авторов к теме политической ссылки в Сибирь наблюдалось в течение всего периода существования журнала. Историческая направленность журнала, стремление «служить отечественной истории» [1. Т. 1, с. 4] и желание представлять все «достоверно и точно» отразилось и на рассмотрении сюжетов политической ссылки. Это касается публикации источников личного происхождения, которые не только передавали атмосферу эпохи, но и личностное восприятие автором того или иного события. Сопоставление различных мнений и фактов относительно института ссылки позволяет более объективно подойти к ее характеристике и оценке, показать информативную ценность журнала в контексте изучения темы.

В годы существования журнала его редакторами были крупные историки и публицисты. В данной статье остановимся на начальном этапе становления журнала под руководством М. И. Семевского (1870–1892 гг.), который, по мнению С. Н. Ущиповского, стал родоначальником процесса «систематической популяризации» отечественной истории в журналистике [2, с. 98]. Анализ публикаций по теме исследования позволил выявить статьи, в которых затрагиваются различные аспекты политической ссылки в Сибирь. Большая их часть представлены в разделе «Записки и воспоминания», что свидетельствует о соответствующей специфике и характере источника. В 1870–1880-е гг. происходит определение направлений изучения данной темы, что связано с апогеем

политической ссылки в Сибирь. Прежде всего это изучение ссылки декабристов, по которой публикации значительно преобладают. Кроме того, отдельным направлением стало изучение ссылки польских повстанцев 1830–1860-х гг., по которой выявлены единичные публикации. Обращение к данным сюжетам ссылки на страницах журнала связано с общей ситуацией в стране, когда с конца 1860-х – 1870-е гг. наблюдалось значительное увеличение ссыльных в Сибири, происходила разработка нового законодательства. На страницах журнала транслировалось двоякое представление о политической ссылке в Сибирь. С одной стороны, она рассматривалась как своеобразный институт в общей системе наказания, который был необходим в борьбе с противоправительственными проявлениями. С другой стороны, ссылка представлялась в контексте «нового места жизни», которое, несмотря на свою отдаленность, имело все необходимое для жизни, заставляло многое переосмыслить и мотивировало к деятельности. Данные публикации в основном представлены очерками, воспоминаниями ссыльных, их родственников и друзей. Очерки в основном характеризуют представление о ссылке, каторге и истории их существования, о проживании в ссылке политических преступников, об организации системы наказания. Мемуары ссыльных и их родственников детализируют отдельные сюжеты причин и противоречий ссылки, добавляют особый колорит в представления о сущности института ссылки в XIX веке, подробно характеризуют вопросы восприятия условий ссылки, взаимоотношений между поселенцами и местным населением.

Первые публикации журнала были посвящены ссылке декабристов середины 1820-х гг. В опубликованных в 1873 г. «Заметках В. Ф. Раевского, написанных им в Сибири» отмечалось два секретных дела: майора Владимира Раевского и корнета Григория Раевского [3. Т. 7, с. 377]. Публикация транслировала противоречия в определении виновности и наказания «преступника», поскольку Комитет о государственных преступниках «выяснил непричастность майора к заговору и тайному обществу 1823 г.». Тем не менее, командующий гвардейским корпусом определил майора Раевского в Сибирь, как «вредного человека», «за его поведение, образ мыслей и поступки» [3. Т. 7, с. 377]. Более важной с точки зрения объективной оценки ситуации является заметка барона Б. А. Розена, в которой отмечалось, что в условиях «головомойки» в документах не всегда отражалась реальная ситуация [4. Т. 7, с. 379]. Тем самым признавалось незаконное содержание В. Раевского и его молодого брата, который всячески пытался это доказать.

Материалы опубликованной переписки декабристов (письма фон-дер Бригена и Я. Казимирского князю Е. П. Оболенскому) формировали представление о постоянной активности и взаимодействии ссыльных декабристов в сибирском изгнании [5. Т. 7, с. 437]. Прежде всего посредством переписки, передачи книг, обсуждения новостей, помощи материальной и духовной. Письма позволяют проследить пункты перемещения ссыльных по сибирским городам (в случае разрешения), что давало им возможность найти себе подходящее занятие в городах Ялуторовске, Туринске, Кургане, Омске. Относительно мест ссылки преобладают такие характеристики, как «глуш, что ничего не знаю», «Сибирь глухая!» [5. Т. 7, с. 438, 447]. Прослеживается мысль о влиянии ссылки на характер и поведение людей, причем не всегда в лучшую сторону: «Лунин был молчалив и скуп», «Высоцкий – скуп, что никому ничего не давал»

[5. Т. 7, с. 439]. Содержание переписки формировало представление о постоянной вере в лучшее, поскольку ссыльные декабристы старались избегать описания своих страданий в сибирском изгнания, а акцент делали на воспоминания о дружбе, которая и в условиях ссылки помогала и поддерживала их.

В начале 1880-х гг. на страницах журнала были опубликованы воспоминания декабриста А. П. Беляева, достаточно объемные и информативные относительно различных сюжетов политической ссылки в Сибирь. Прежде всего это касается рассмотрения сюжетов «несчастливого происшествия 14 декабря 1825 г.», «мрачного уединения в каземате Петропавловской крепости и в отдаленных странах Сибири и Кавказа» [6. Т. 29, с. 1]. Воспоминания декабриста транслировали положительное восприятие ссылкой места каторги и ее обитателей: «маленький городок», «человек хороших и честных правил», «умная, приятная женщина» и т. п. [7. Т. 30, с. 334]. Прослеживалось убеждение в том, что самое сложное испытание – это тюремное содержание в оковах, после которого поселение воспринималось как «счастье», когда «предстояла новая жизнь» [7. Т. 30, с. 328].

Материалы воспоминаний А. П. Беляева наиболее точно передавали исторический подход редакции журнала к публикуемым материалам. Приводя интересные факты из жизни ссыльных, автор пытался показать возможные и «заслуженные» облегчения их участи, на которые шла местная власть: разрешали жениться, встречаться и общаться с приезжими образованными «очень приятными» людьми (учеными, иностранцами, командироваемыми) [7. Т. 30, с. 350, 352]. При этом автор подчеркивал, что «недостатка в приятном общении» здесь не было, в Чите занимались изучением земледелия и хозяйства [7. Т. 30, с. 353]. Ссыльные женились на сибирячках, хотя «это было трудно», поскольку «сибиряки-старожилы народ гордый» [7. Т. 30, с. 360]. Поэтому распространенным явлением были «краденные свадьбы» [7. Т. 30, с. 360].

Обращая внимание на исключения, которые было приятно отмечать в «сибирской глуши» («женщин можно было найти образованных и любознательных») автор смягчал представления о Сибири как о «глухой окраине» [7. Т. 30, с. 334]. Материалы публикации транслировали многообразие видов деятельности ссыльных на поселении: рыбалка, перевод с английского языка, пашенные работы, «хлебные поставки» [7. Т. 30, с. 342, 346, 347, 355]. Ссыльные искали новые варианты развития данных занятий и в силу своей «предприимчивости» организовывали поставки земледельческих «произведений» на прииски [7. Т. 30, с. 366]. Положительные характеристики ссыльных поселенцев формировали представление о результативности и влиянии сибирских испытаний, после которых «отступившее некогда добро снова овладело их природой» [9. Т. 32, с. 43]. При этом отмечалось, что удерживать безопасность от поселенцев удавалось смотрителю поселений И. В. Кутузову благодаря его «железной руке», хотя в быту он был человеком «кротким, добрым и нежным» [10. Т. 49, с. 381].

На страницах журнала также публиковались официальные данные (полицейские списки) за 1827 г., которые показывали деятельность петербургской власти по «очистке общества» от подозрительных лиц после событий 14 декабря 1825 г. Так, был опубликован список 93-х лиц, обративших на себя внимание высшей полиции в 1827 г. (представлен помощником генерала Бенкендорфа фон-Фоком гр. Дибичу). Особое вни-

мание обращалось на лиц, которые уже ранее выслались, например польский полковник Дорошкевич [11. Т. 48, с. 397].

В опубликованных в 1885 г. на страницах журнала биографических материалах о декабристе М. А. Фон-Визине транслировалось убеждение в том, что декабристы отличались терпением, которое не могло быть сломлено даже в результате тяжелых испытаний (содержания в Петропавловской крепости, 25-летней ссылке в Сибири). Приводимые примеры подчеркивали «доброту» ссыльных (защита жены окружного начальника от «буйства мужа»), которые были «постоянно всеми любимыми и уважаемыми» и «сохраняли ясность и спокойствие души» [12. Т. 48, с. 288]. В очередной раз транслировались на страницах журнала злоупотребления и жестокости со стороны местных властей, в частности, относительно «выполнения всех прихотей хозяев» на каторге [12. Т. 48, с. 289]. Кроме того, отмечалось существование кружка декабристов в Сибири, который был индивидуален и отличался взаимопомощью и поддержкой ссыльных [12. Т. 48, с. 289].

После данной статьи были опубликованы фрагменты из личных воспоминаний М. А. Фон-Визина – заметки о заключении в Петропавловской крепости в 1826 г. Данные материалы передавали атмосферу тяжелых испытаний, с которыми пришлось столкнуться декабристу, когда на сердце было «жутко», но лишь встречи с родными и товарищами давали «надежду» и веру в будущее [13. Т. 48, с. 307].

Сюжеты политической ссылки декабристов также затронуты в публикации В. Е. Якушкина, посвященной ссылке декабриста М. И. Муравьева-Апостола. Представление о характере испытаний, пройденных декабристами в ссылке, транслировалось с позиции «школы взаимного обучения», чему способствовала именно артель ссыльных [14. Т. 51, с. 165]. Материалы публикации свидетельствовали об активной деятельности декабристов в сибирском изгнании, особенно умственной. Прежде всего относительно «пристального внимания» за событиями в Центральной России. Последний факт, по мнению автора, позволил после возвращения ссыльных декабристов на родину в 1856 г. «явиться в русское общество не как нечто чуждое и отжившее, а как сила живая, оригинальная и полезная» [14. Т. 51, с. 165]. В данной публикации также отмечалось, что декабристы в ссылке не жили замкнутым кружком, а наоборот, «привлекали к своему обществу всех, кого было можно» [14. Т. 51, с. 166]. Тем самым формировалось представление о положительном восприятии ссыльными Сибири и ее населения, поскольку, называя ее «наша Сибирь», они часто вспоминали ее с восхищением [14. Т. 51, с. 168].

Редакция журнала публиковала небольшие биографические заметки о декабристах, что еще раз подчеркивало приоритетность изучения ссылки декабристов. Так, в 1889 г. было отмечено, что декабрист Петр Николаевич Свистунов после продолжительного заключения в крепости был сослан в Сибирь, а возвращен манифестом 1856 г. [15. Т. 51, с. 669].

Опубликованные воспоминания Г. М. Толстого о поездке в Туринск к декабристу В. П. Ивашеву в 1838 г. транслировали понимание роли и значения дружбы, поддержки и взаимовыручки в жизни ссыльных декабристов. Описывая дорогу по сибирскому тракту, в очередной раз транслировалось представление о суровом далеком крае, где «вековой, дремучий лес», «страшный мороз» и «тьма кромешная», что наводило страх

[16. Т. 67, с. 346]. Помимо традиционных положительных отзывов о ссыльных декабристах, в частности об В. П. Ивашевиче, материалы публикации транслировали благодарное мнение ссыльных о государе, поскольку верили в скорейшее послабление их участи: «государь строг по принципу, но добр по природе» [16. Т. 67, с. 351].

Говоря о ссылке декабристов и польских повстанцев 1830-х гг. следует отметить еще несколько статей в журнале. Записки Мохнацкого о Польском восстании 1830–1831 гг. лишь детализировали все причинно-следственные связи событий данной эпохи, результатом которых стал арест и ссылка мятежников в Сибирь [17]. Автор публикации «Очерки, рассказы и воспоминания» известен под псевдонимом «Э...в». Однако анализ содержания статьи (автор был «действующим лицом в 1832 г.», начальником Адмиралтейства в Иркутске в 1832 г.) позволяет предположить, что ее автор – Н. В. Головин, который не понаслышке был знаком с реальной ситуацией, условиях содержания и быта ссыльных каторжан в Охотском солевом заводе с 1818 г. Прежде всего материалы публикации формировали образ ссыльных каторжных: «варнаки» и «вечно в ножных и ручных кандалах» [18. Т. 22, с. 302]. При этом отмечалось, что среди них особо выделялись поляки каторжники, которые в отличие от всей массы составляли «обособленную группу», с которыми «никто не знался», «все их презирали» [18. Т. 22, с. 312]. Говоря о частных злоупотреблениях и отступлениях в организации надзора за ссыльными отмечалось то, что «здесь были сливки каторжных» и их периодически расковывали, они «куда-то уходили и возвращались через несколько часов», ссыльные играли в карты и ходили в гости к женатым ссыльным, которые жили в отдельных домиках [18. Т. 22, с. 304,312].

Подробное описание каторжной жизни польских повстанцев 1860-х гг. в Сиваковой и Чите представлено в опубликованных воспоминаниях В. Л. Баратынского, написанных в 1885 г. Причем в первом случае «не было никаких намеков на каторгу, как привыкли ее понимать» [19. Т. 52, с. 187]. Отмечается, что «тюрьма – нравственный гнет» и это боле ощущалось именно в Чите [19. Т. 52, с. 200]. Прежде всего это касалось наиболее пристального контроля и надзора за ссыльными. Ссыльные характеризовали эту жизнь как «скука страшная» [19. Т. 52, с. 202]. Поэтому поселение воспринималось как значительное послабление и возможность заниматься различными делами.

Также, говоря о политической ссылке XIX века, следует отметить публикацию М. Ф. Зубахиной (дочери пастора), которая передавала условия ссылки Пастора Зейдера в Нерчинске в начале 1800-х гг. Материалы публикации содержательно транслировали «страдания», через которые пришлось пройти Зейдеру: «жизнь среди преступников», «бряцание тяжелых цепей», «привлечение к позорному столбу» и многое другое, что сразу же отрицательно сказалось на его здоровье [20. Т. 22, с. 117–118]. Письма пастора к жене демонстрировали страхи и опасения, которые были у ссыльного: «снеговые степи Сибири лишат меня не только умственных способностей, но и зрения», «я чувствовал себя безгранично несчастным!» [20. Т. 22, с. 118, 146]. Тем не менее прослеживалась вера в будущее «благодаря любви к детям, жене и вере в Бога» [20. Т. 22, с. 156].

Ссылка в Нерчинские рудники отражена и в материалах биографических очерков С. Р. Лепарского, который с 1826 по 1846 г. был комендантом Нерчинских рудников

и Читинского острога. Отмечалось, что это было «самое близкое к декабристам лицо» во время их ссылки в Восточную Сибирь и ему приходилось согласовывать «долг службы с чувствами гуманного человека» [21. Т. 74, с. 143]. Прослеживалась мысль о положительном значении данного политического деятеля в судьбе ссыльных декабристов: «жизнь в остроге была сносна и возможна только благодаря его человечному к нам отношению» [21. Т. 74, с. 144]. Транслировались интересные факты о тайной «благодетели императора Николая Павловича», который передавал деньги в Сибирь для ссыльных декабристов [21. Т. 74, с. 154]. В материалах статьи отмечалось важное значение ссылки декабристов в Сибирь, благодаря которым «место значительно преобразилось» [21. Т. 74, с. 159].

В целом материалы журнала «Русская старина» в 1870-е – начале 1890-х гг. по истории политической ссылке в Сибирь XIX века отражали историческую направленность и специфику издания. Выявленные публикации формировали представление о ссылке как о цельной структуре в системе наказания империи, которая применялась за всевозможные противоправительственные выступления. При этом ссылка связывалась исключительно с Сибирью, которая рассматривалась не только как «далекая глушь», но и как место для «нормального существования», где есть все необходимое для жизни. Пристальное внимание на страницах журнала уделялось рассмотрению сюжетов ссылки декабристов, в описаниях которой преобладают положительные характеристики и мнения. Публикации журнала транслировали восхищение деятельностью ссыльных декабристов, отмечая их вклад в развитие Западной и Восточной Сибири. Лишь отдельные упоминания встречаются о ссылке польских повстанцев XIX века, которые представляли собой отдельную группу ссыльных. Особое внимание редакция журнала обращала как на новые факты из жизни ссыльных, так и на организационные аспекты ссылки, что свидетельствовало о рассмотрении актуальных и новых сюжетов темы исследования. Все это свидетельствует о широких информативных возможностях журнала при изучении вопросов политической ссылки в Сибирь XIX века.

1. Об издании «Русская старина» // Русская старина. 1870. Т. 1. Вып. 1–6. С. 4–8.

2. Ущиповский С. Н. Историко-просветительская функция журналистики в контексте развития общества // Средства массовой информации в современном мире : тезисы науч.-практ. конф. СПб., 2000. С. 97–99.

3. Якушкин Е. И. Заметки В. Ф. Раевского, написанные им в Сибири // Русская старина. 1873. Т. 7. Вып. 1–6. С. 376–379.

4. Розен Б. А. Николай Николаевич Раевский // Русская старина. 1873. Т. 7. Вып. 1–6. С. 379.

5. Оболенская М. Г. Из переписки декабристов (Письма фон-дер Бригена и Я. Казимирского князю Е. П. Оболенскому) // Русская старина. 1873. Т. 7. Вып. 1–6. С. 437–449.

6. Беляев А. П. Воспоминания декабриста А. П. Беляева о пережитом и перечувствованном // Русская старина. 1880. Т. 29. Вып. 9–12. С. 1–42.

7. Беляев А. П. Воспоминания декабриста А. П. Беляева о пережитом и перечувствованном // Русская старина. 1881. Т. 30. Вып. 5–6. С. 327–370.

8. *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста А. П. Беляева о пережитом и перечувствованном // Русская старина. 1885. Т. 45. Вып. 1–3. С. 653–670.
9. *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста А. П. Беляева о пережитом и перечувствованном // Русская старина. 1881. Т. 32. Вып. 9–12. С. 1–46.
10. *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста А. П. Беляева о пережитом и перечувствованном // Русская старина. 1886. Т. 49. Вып. 1–3. С. 377–398.
11. Список 93-х лиц, обративших на себя внимание высшей полиции в 1827 году (представлен фон-Фоком гр.Дибичу) // Русская старина. 1885. Т. 48. Вып. 10–12. С. 396–400.
12. *Францова М. Д.* Михаил Александрович Фон-Визин // Русская старина. 1885. Т. 48. Вып. 10–12. С. 283–304.
13. Заметки М. А. Фон-Визина в заключении в Петропавловской крепости. 1826 г. // Русская старина. 1885. Т. 48. Вып. 10–12. С. 305–308.
14. *Якушкин В. Е.* Матвей Иванович Муравьев-Апостол // Русская старина. 1886. Т. 51. Вып. 7–9. С. 151–170.
15. Петр Николаевич Свистунов // Русская старина. 1889. Т. 51. Вып. 1–3. С. 669.
16. *Толстой Г. М.* Поездка в Туринск к декабристу В. П. Ивашеву в 1838 г. // Русская старина. 1890. Т. 67. Вып. 7–8. С. 330–352.
17. Польское восстание. 1830–1831 гг. Записки Мохнацкого // Русская старина. 1890. Т. 65. Вып. 1–3. С. 681–710.
18. *Эв.* Очерки, рассказы и воспоминания // Русская старина. 1878. Т. 22. Вып. 5–8. С. 301–316.
19. *Баратынский В. Л.* Последняя польская смута // Русская старина. 1886. Т. 52. Вып. 10–12. С. 185–209.
20. *Зубахина М. Ф.* Страдания Пастора Зейдера // Русская старина. 1878. Т. 22. Вып. 5–8. С. 117–156.
21. *Тимощук В.* Станислав Романович Лепарский. Биографический очерк // Русская старина. 1892. Т. 74. Вып. 5–8. С. 143–177.

УДК 94 (574)

А. К. Рахимбекова

**ИЗ ОПЫТА ОБУСТРОЙСТВА И ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА
(на примере Туркестанского края)**

Статья посвящена исследованию практик обустройства крестьян-переселенцев в Туркестанском крае во второй половине XIX века. Автор фокусирует внимание на особенность форм землепользования в Туркестанском крае по сравнению со Степной зоной, обусловленных природно-климатическими условиями края,

что непосредственно отразилось на положении крестьян-переселенцев из России в данный регион.

Ключевые слова: Туркестан, крестьяне-переселенцы, повседневная жизнь, землепользование.

A. K. Rakhimbekova

FROM THE EXPERIENCE OF ARRANGEMENT AND PRACTICE OF EVERY DAY LIFE OF PEASANTS-SETTLERS: SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY (based on Turkestan region)

The article is devoted to the study of practices of arrangement of peasants-settlers in the Turkestan region in the second half of the 19th century. The author focuses attention on the peculiarities of land use in the Turkestan region in comparison with the steppes zone, due to natural and climatic conditions, which affected the situation of peasants-settlers from Russia to the region.

Keywords: Turkestan, peasants-settlers, every day life, land use.

Мир повседневности обычных людей, частные отношения, конфликты и партнерство, их социальные характеристики, семейные и соседские отношения, их представления о себе и о власти и т. д. есть уникальный опыт, вызывающий познавательный интерес у исследователей. Обустройство и повседневная жизнь русских крестьян-переселенцев имела свои особенности и протекала по-разному в разных регионах Казахстана, меняясь со временем. Туркестанский край имел свои особенности и отличался от степной зоны. Для данного региона характерна высокая плотность населения с преобладанием оседлого земледельческого населения, которое осваивало и богарную, и искусственно-орошенную землю. В Туркестанском крае развита была единоличная форма землепользования. В то время как в кочевых и полукочевых районах получила развитие форма общинного землепользования. В землепользовании казахского населения Туркестанского края наблюдалась дифференциация. Все это накладывало особый отпечаток на положение дел, связанных с переселением и обустройством крестьян-переселенцев. Правительство не решалось водворять переселенцев в исконно земледельческие районы, а Туркестан формально оставался закрытым для переселения. В то же время администрация края была заинтересована в заселении края с целью создания опоры российской власти в лице русских крестьян.

Начало крестьянской колонизации южных областей исследователи относят к 1868 г., когда двигавшиеся на юг переселенцы стали стихийно оседать в Семиречье и Сырдарьинской области. В первые десятилетия переселение крестьян происходило довольно медленно. Так, в Семиреченской области с 1868 по 1883 г. было образовано только 36 русских поселений с водворением около 2 500 семейств. В Сырдарьинской области с 1874 по 1890 г. образовано всего 20 русских поселений, водворено 1 298 семейств. Эти цифровые данные сделаны на основе Отчета по ревизии Туркестанского края, произведенного сенатором Паленом [1, с. 55].

Первыми инициаторами переселения крестьян в Казахстан были генералы Г. А. Колпаковский и Н. Г. Казнаков. Правительственные органы считали, что вошедшие

в состав империи Семиречье и Зайсанское приставство особенно важны в целях охраны границы с Китаем и высказывалось пожелание, чтобы «вся пограничная полоса была покрыта сплошной стеною русских поселков». В 1868 г. под руководством военного губернатора Семиреченской области Г. А. Колпаковского были разработаны «Временные правила о крестьянских переселениях в Семиречье», действовавшие до 1883 г., по которому было разрешено размещение крестьян в «целях обрусения края». В конце 1860-х гг. крестьяне Воронежской губернии (242 крестьян) приехали на юг Казахстана по приглашению губернатора Семиреченской области А. Г. Колпаковского. По «Временным правилам» переселенцам определялся ряд льгот: наделение земель в размере 30 десятин на душу (мужскую), освобождение от налогов и всякого рода повинностей сроком на 15 лет, выдача ссуды до 100 рублей на обзаведение хозяйством [2. Л. 52]. Водворение русских крестьян прежде всего происходило в Семиречье. За период с 1868 по 1883 г. в Семиречье возникло 36 крестьянских селений [3. Л. 7]. Крестьянская колонизация охватила также Сырдарьинскую область, главным образом Чимкентский, Ташкентский и Аулие Атинский уезды. В конце XIX века в области образовалось около 40 новых поселков, где проживало 2,5 тыс. семей. В последующие годы эти правила изменялись. Душевой надел в 1876 г. уменьшился до 17 десятин, а к середине 1880-х гг. земель пригодных для хлебопашества, здесь стало не хватать, и размеры надела были уменьшены до 10 дес., а льготный период сократили до 5–10 лет. Кроме того, оговаривалось, что к переселению в Туркестанский край допускались исключительно русские подданные христианских вероисповеданий, принадлежащие к состоянию сельских обывателей [4, с. 40].

В конце 1880-х гг. переселенческое движение значительно усилилось по причине малоземелья и неурожая. В это время переселение продолжало носить стихийный характер. Однако движение самовольцев настолько усилилось, что правительство вынуждено было заняться вопросами переселения и упорядочения. 12 июля 1889 г. был принят основной переселенческий закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время», по которому переселение допускалось лишь по решению органов Внутренних дел и государственных имуществ. Данное Положение не смогло упорядочить переселенческое движение, фактически открыв Казахстан для переселенцев из России. Картина резко меняется в 1891–1892 гг., когда вследствие неурожая и голода в значительной части Европейской России крестьяне массами двинулись искать свободные земли за Уралом. Голод 1891 г. в России вызвал особенно большой приток переселенцев в южный регион. Поток переселенцев стал неуправляемым. Для того чтобы направить переселенческое движение в нужное русло принимались экстренные меры. В данной ситуации возвращать обратно всех «самовольцев» было невозможно, и правительство стало узаконивать возникшие без разрешения поселения, причисляя жителей к фактическим местам их водворения, хотя Положение предписывало возвращение самовольца на места прописки в административном порядке. Так, только в Семиреченскую и Сырдарьинскую области переселились до 12 тысяч крестьян и образовано 23 русских поселка. На заседании комитета Сибирской железной дороги 8 марта 1895 г. Николай II заявил, что необходимо оказать правительственное

содействие переселенцам и относиться к переселению крестьян на окраины без особых опасений [5, с. 460]. При этом взоры правительства были обращены на Семиреченскую и Сырдарьинскую области.

Какова была реальная практика обустройства крестьян-переселенцев в Туркестанском крае и меры правительства в данном вопросе? Попытаемся разобраться и приведем некоторые сюжеты.

Следует отметить, что обустройство крестьянского хозяйства существенно отличалось по основным параметрам даже в конкретно взятом регионе. Это зависело от многих причин, к примеру от места, времени обустройства и условий повседневной жизни. В южных областях в отличие от северных не было подготовленного сельскохозяйственного земельного фонда в силу природно-климатических условий. Подготовка земельного фонда посредством орошения требовала слишком больших затрат и усилий, поэтому Туркестан официально считался закрытым для переселения. К тому же в Туркестанском Положении не было статьи, предоставляющей право правительству изъятия земельных излишков из пользования кочевников. Однако фактических преград для самовольного переселения не было. В южные области Казахстана шел непрерывный поток переселенческого населения из южно-русских областей – Астраханской, Харьковской, Воронежской. Следует заметить, что хозяйства крестьян-переселенцев характеризуются очень слабой материально-технической базой хозяйства. По существу, крестьянин переносил на новые земли тот же экстенсивный способ ведения хозяйства с использованием примитивной техники, как и в родной деревне. Крестьяне вынуждены были ждать по несколько лет выделения земельного надела, арендовать землю у местного населения. Разрешение на это выдавал Туркестанский генерал-губернатор.

На основе многочисленных прошений крестьян-новоселов, адресованных местным и центральным властям с просьбой оказать им помощь в виде ссуд, исследователи приходят к выводу, что колониальные власти зачастую отказывали переселенцам в помощи средствами на устройство и приобретение орудий труда. Нередко сами царские чиновники, а также современники говорили об острой нужде крестьян-переселенцев. Нередко можно встретить материалы, где сообщается о чрезвычайном наплыве русских переселенцев – крестьян без средств, нуждающихся в крове, в пропитании и в денежной помощи на «не терпящие отлагательства нужды». Более того часто звучат требования местных чиновников не допускать для переселения людей несостоятельных, не имеющих средств на передвижение и пропитание.

Известный статистик Сырдарьинского переселенческого района И. Гейер, обследовавший положение крестьян села Терез Аулие-Атинского уезда, в 1891г. писал: «Кровью обливается сердце, когда войдешь в избу. Со стен струится сырость, с потолка капает, в редкой избе есть стол, обыкновенно его заменяет куча кирпичей, покрытая сверху скатертью, и при всем этом какой бодрый вид у всех, какая глубокая вера в будущее счастье» [6, с. 36].

Когда крестьяне двинулись на восток, в Сибирь, в Казахстан они думали, что здесь заживут и разбогатеют. В их душе родилась легенда о приволье, о заветных местах, где якобы царствуют благоденствие. О том, что их ждут трудности хозяйственного обустройства, они ясно себе не представляли. Исследователь А. М. Иванов в своей книге

«Русская колонизация в Туркестанском крае» в 1890 г. писал: «...сюда идут большей частью бродяги, отыскивающие молочные реки с кисельными берегами... люди без знаний, без капиталов, без любви к труду, к трезвости, к бережливости. Идут не для того, чтобы селиться, устроить свою судьбу, а для того, чтобы сесть кому-нибудь на шею и жить как несовершеннолетние вечно под чьей-нибудь опекой. Одним словом, ведут такое же хищническое хозяйство, какое они вели у себя на Родине» [7, с. 211].

При изучении социально-экономического положения, территориально-хозяйственного обустройства крестьян-переселенцев из центральных губерний России в Казахстан предшествующие академические исследования отмечали преимущественно исключительно тяжелое положение, крайне низкое благосостояние, низкий уровень развития усугублявшееся вопиющими злоупотреблениями чиновников царской администрации, беззастенчивым ограблением населения, взяточничеством, казнокрадством, отмечая даже случаи голодовки людей. Начальник Верненского уезда Семиреченской области 27 сентября 1872 г. сообщал, что «пришедшие поселяне из России, в наибольших случаях истратившись на дорогу, не могли завести правильного хлебопашества ... нуждались в скоте» [8, с. 262]. Вместе с тем можно увидеть и другие картины жизни крестьян-переселенцев. Так, из приказа начальника Аулие-Атинского уезда подполковника Калмакова от 31 октября 1903 г. можно узнать следующее: «Объехав русские посеянные вверенного мне уезда, я нашел, что крестьяне за малым исключением, живут очень богато, амбары в селениях полны хлебом и особенно богаты поселки в горном участке, но эти поселки и особенно развращены. Пьянство и полный разнузданный разгул является почти необходимостью в селениях Покровском, Александровском, Дмитриевском, Мерке, Кузмичке, Гродековке. Должен указать, что крестьяне пришли на Туркестанские земли не для того, чтобы пьянствовать, а пахать землю. Ему эта земля дает хорошие урожаи. Теперь они встали на свои ноги, разбогатели, распьяствовались во всю, своею разнузданностью дают плохой пример соседям своим – киргизам. Все больше склоняешься к тому, что такие крестьяне не могли принести передовую культуру» [9. Л. 99].

Генерал-губернатор Туркестана фон Кауфман признавался, что крестьяне не только не расширили культурной площади в границах отведенных им наделов, но наоборот, они запустили немало таких земель, которые прежде обрабатывали туземцы. Множество фактических, конкретных материалов исследователей показывают, что среди крестьянских переселенцев немало было таких, которые смогли обустроиться на новых местах, зажили на новых землях, создали крепкие хозяйства. Но большинство не сумело хозяйственно обустроиться в силу лени, пьянства, разнузданности и влачили жалкое существование.

Нравственное состояние крестьян-переселенцев из России вызывало негодование даже у русских чиновников, которые по долгу службы часто имели возможность видеть, чем на самом деле занимались новоселы. Один из крестьянских начальников с чувством глубокого сожаления констатировал, что приезжие крестьяне не по назначению тратили ссуды, выдаваемые на хозяйственное устройство. «Купцы, владельцы винных лавок, хозяева постоянных дворов категорически утверждали крестьянскому начальнику, что дни выдачи ссуд переселенцам – самые лучшие для них в году» [10,

с. 89]. Не случайно, что русское духовенство забило тревогу по поводу нравственного падения русского крестьянства. Вполне понятно, что связывать нравственное и культурное развитие коренных жителей с цивилизаторской миссией русских переселенцев, о которой постоянно твердили культуртрегеры, по меньшей мере однобоко. Однако это вовсе не означает, что следует полностью отвергать русскую культуру и ее положительное влияние на кочевников-казахов. В то же время речь должна идти о взаимном культурном обогащении, взаимном влиянии, взаимном уважении, отрицании превосходства достижений одного народа над другим.

В одном из документов под названием «Из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири» отмечается следующее: «На старой родине было поголовное невежество и крестьянин принес его на место новой родины, сохранив его здесь до последних дней. Мы должны констатировать абсолютное отсутствие грамотности в стране. Большинство деревень имеют только одного грамотного человека – сельского писаря» [11. Л. 204].

В одном из рассказов книги «Переселенцы и новые места» писателя-народника В. Дедлова приводится яркая картина проблем повседневной жизни некоторых крестьян и их мытарств: «Все деньги вышли, – питаются Христовым именем и воруют траву в чужих лугах, деготь в чужих дворах, кизяк и зерно по киргизским зимовкам. Не раз мужика избивают в кровь с членовредительством казак, башкиры, киргизы. Не раз его задерживают за просроченный вид, за воровство, за потравы. Задержат, вздуют и отпустят... [12, с. 147–148]». Очевидно, что трудности как жилищного, так и хозяйственного обустройства, которые испытывали переселенцы, усугублялись нехваткой ничтожных средств и злоупотреблениями чиновников. Широкие массы новоселов-переселенцев стонали от нужды, многие из них попадали в зависимость к зажиточным крестьянам, власть которых в колониальных окраинах была сильнее, чем в центре страны.

Бедность, а точнее нищета, оставалась бичом аграрного сектора России. Именно бедность как результат малоземелья и низкой агротехники стала причиной массового исхода российского крестьянства на окраины империи. [13]. Не только неурожай и голод 1891 г. в России, но и строительство Сибирской железной дороги привели к широкому развертыванию переселенческого движения. В 1890-х гг. и особенно в начале XX века оно принимает такой грандиозный масштаб, который не имел места в истории колонизации ни одной страны мира, кроме России. Из 17 переселенческих районов к востоку от Урала 5 приходится на Казахстан.

Стоит обратить внимание на выдержку из статьи А. Жакмона «К вопросу о колонизации киргизских степей» в газете «Московские ведомости» от 1892 г., где отмечается: «В Туркестанский край приходят по большей части захудалые случайные переселенцы, которые, пространствовав по России и побывав в Сибири, нигде не могли устроиться. Что может быть ближе сердцу православного христианина, как святая церковь, а между тем, в некоторых местах Туркестанского края переселенцы, прожив более десяти лет, не додумались построить церкви... девушки живут с парнями невенчаные и приживают незаконных детей, которых отцы со временем бросают, дети остаются некрещеными, люди плодятся без молитвы, умирают без напутствия и лишены христианского погребения» (цит. по: [14, с. 106]). Очевидно, что малоимущая часть

русского населения в Казахстане не особо страдала из-за отсутствия церквей, ее служителей и неисполнения требований своей религии.

В апреле 1909 г. по велению Святейшего Синода член Государственной Думы А. Л. Трегубов совершил поездку по Семипалатинской и Семиреченской областям. Цель поездки заключалась в подробном знакомстве с переселенческим движением, положением крестьян, их хозяйственными условиями и совершении богослужения среди них. Из Семипалатинска через Сергиополь священник направился в Лепсинский уезд и осмотрел переселенческие участки: Андреевский, Николаевский, Надеждинский, Успенский. Местные чиновники знакомили его с состоянием и ходом переселения, с трудностями и недостатками. А. Л. Трегубов столкнулся с вопиющим безобразием в постановке медицинской и агрономической помощи среди переселенцев и не мог скрыть удручающего их положения. «Инфекционных больных на вновь заселяемых участках я встречал много. В поселке «Гончаровская заимка» я не видел семьи, где не было бы больного. Оспа, дефтирит, сыпной тиф и другие болезни уносят значительный процент только что переехавших переселенцев. На врачебных пунктах страшная нужда в медикаментах, хирургических принадлежностях. Врачей и фельдшеров мало. Обязанности врачей исполняют участковые врачи, заваленные своей работой [15, с. 51]. Затем Трегубов выехал в Копал и Верный. Из Верного послал телеграмму начальнику переселенческого управления в Петербург, где делился своими впечатлениями о прекрасных здешних местах, о необходимости заселения края русскими крестьянами: «увеличение русского населения в таком уезде как Верненский, являющемся центром всего Семиречья нужно признать не только желательным, но прямо таки необходимым» [16, с. 35].

Масштабная земледельческая компания на юге Казахстана происходила в первом десятилетии XX века в соответствии с аграрной реформой, предложенной главой правительства П. Столыпиным. В период столыпинских реформ в Семиреченской, Сырдарьинской, Ферганской областях были созданы переселенческие районы, появились «статистические партии», которые проводили хозяйственно-статистические, агрономические и гидрологические исследования. В 1907 г. было решено установить нормы земельного надела для кочевого и полукочевого населения с целью определения «излишков». В степных районах Туркестана администрация старалась договориться с кочевниками, которые могли уступить землю по доброй воле, часто за вознаграждение. Только в конце 1910 г. в соответствии с «новым курсом» был принят закон, позволявший изымать «излишки» земель у казахов, кочевавших в коренных областях Туркестанского края, под русскую колонизацию. В декабре 1910 г. правительство предоставило Переселенческому управлению право отчуждать земли кочевников под участки. Чиновники управления, пользуясь этим правом, отнимали у казахов не только пастбищные земли, но и места зимовок с обрабатываемыми землями. Тогда же Семиреченская область была официально открыта для переселенцев. Тем не менее и в 1906–1910 гг. в коренных областях Туркестана производилось изъятие у местного населения земли, на которой было образовано пять переселенческих участков. В 1910 г. были закончены работы по отмежеванию земель, принадлежащих местному земледельческому населению, тогда стало возможно определить свободные земли государственного фонда в оседлых районах.

Переселенческая политика Российской империи складывалась и видоизменялась на протяжении нескольких десятилетий. Отношение правительственных органов к переселению имело свою предысторию, и оно отражено в законодательстве. Переселенческая политика царизма в Казахстане до 1890-х гг. была определена лишь стратегически, в виде основной линии – заселить окраины «крепким элементом» из крестьянской среды. Наряду с этим шел процесс выработки фактических и юридических прав правительства распоряжаться землями местного населения. В середине 1890-х гг. был взят курс на массовую колонизацию казахских земель и впервые поставлен вопрос о систематическом заселении края русскими переселенцами. Первоначально отрицательное, запретительное отношение правительства к переселению крестьян сменялось поощрительной политикой. Расширению масштабов переселенческого движения способствовало учреждение Комитета Сибирской железной дороги.

Предпосылками обострения аграрного кризиса в начале XX века, наряду с переселенческой политикой царизма, явились законопроекты, нацеленные на изъятие земель. Новая волна крестьянской колонизации была организована самим правительством в начале XX века. Противоречивые и динамичные картины, формирующиеся в общественном сознании и воззрениях политиков, определили импульсивность и непоследовательность правительственных действий. В этом случае центральное правительство прежде всего решало проблемы областей европейской России, особенно черноземной ее части, страдавшей от малоземелья и перенаселенности. Многие акты, касающиеся решения земельного вопроса, были секретными, и поэтому они не обнародовались и не публиковались.

Переселенческая политика русских властей страдала некоторой судорожностью. Было сильным желание заселить Туркестанский край русскими земледельцами, видя в них опору русской власти в регионе, но наталкиваясь на недовольство туземного мусульманского населения. Пытались решить проблему малоземелья в центральных российских губерниях, но вводили высокий имущественный ценз для переселенцев, дабы крестьянская беднота не нагнетала напряженность в и без того конфликтном Туркестанском крае. Такая непоследовательность определялась и конфликтом различных интересов. Расчеты царских администраторов, что Россия сразу после завоевания Средней Азии и юга Казахстана получит ощутимые выгоды от приобретения, не оправдались. Вместо этого России пришлось столкнуться в Туркестанском крае с многочисленными проблемами. Преодоление этих проблем и получение выгод от новой колонии требовали больших финансовых и людских ресурсов, а также согласованных действий центральной и местной властей. При этом отсутствовал конструктивный план русификации региона. Русская элита так и не смогла выработать стройную, непротиворечивую и, самое главное, привлекательную для местного населения идеологию, которая обосновывала бы колонизацию, и в целом благотворность русской власти для региона. В целом эта была политика насильственного изъятия земель и стеснения местного населения, но без потери личной свободы.

Крестьянская колонизация не всегда (лишь в отдельных случаях) носила организованный характер. Обычно она была стихийной, а правительство «догоняя процесс» предпринимало меры к ее регулированию. Но как показывает практика, регулирование

было бездарным. Перенесение правительством переселенческих норм на казахское население из-за нехватки земли нанесло серьезный удар традиционному скотоводческому хозяйству местного населения. По инструкции от 9 июня 1909 г. казахи наделялись землей наравне с переселенцами не свыше 15 десятин на душу [17. Л. 80б.].

Яркую картину произвола рисует ревизия сенатора Палена. Назначенный ревизором один из самых компетентных сенаторов, граф К. К. Пален вместе с двадцатью помощниками более года тщательно исследовал все аспекты управления и экономических отношений в регионе – краевую, областную, уездную, городскую, сельскую и местную организации, горное дело, сельское хозяйство, дела о вопросах переселения, налоги, полицию, тюрьмы, суды и государственные имущества. Весьма подробные сообщения его комиссии стали лучшим источником для изучения Туркестана.

Таким образом, мы попытались, используя более конкретный инструментальный исследования – «социальный микроскоп», показать, что казахи-кочевники, крестьяне-переселенцы и колониальная администрация на местах рассматриваются не как целостные объекты исследования, а как участники множества ситуативных практик повседневной жизни, что позволило реконструировать обустройство крестьян в условиях Туркестанского края.

1. *Турсунбаев А.* Социально-экономические последствия переселенческой политики царизма в Казахстане // Известия Казахского филиала АН СССР. Серия историческая. 1946. №2 (27). С. 54–74.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 3. Д. 880.
3. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 19. Оп 1. Д. 67.
4. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. СПб., 1915.
5. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1.
6. *Гейер И.* В устье Сырдарьи // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1899.
7. *Иванов А. М.* Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. 1898. № 1. С. 191–224.
8. *Сулейменов Б. С.* Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX начала XX вв. (1867–1907). Алма-Ата : Изд. АН Каз. ССР, 1963. 411 с.
9. ЦГА РК Ф. 747. Оп. 1. Д. 2.
10. *Садвокасова З.* Политика русского царизма в Южном Казахстане (XIX – начало XX) // Евразийское сообщество. 2002. № 3. С. 85–92.
11. Государственный архив Северо-Казахстанской области. Ф. 158. Оп. 1. Д. 54, Из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири.
12. *Галиев В. З.* Писатели народники о Казахстане // Простор. 2001. № 6. С. 147–148.
13. *Ковальская С. И.* Российские революции XX века и процесс модернизации колониальных окраин страны (на примере Казахстана) // Крестьянство восточных реги-

онов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.) : сб. науч. ст. Ишим, 2006. С. 4–10.

14. *Атабаев К.* Периодические издания конца XIX – начала XX веков – как источник изучения истории Казахстана. Алматы : Казахский национальный университет, 1998. 106 с.

15. *Турсунбаев А. Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата : АН Каз.ССР. 1950. 102 с.

16. *Трегубов А. Л.* Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях. Впечатления и знакомство члена Государственной думы А. Л. Трегубова по поездке летом 1909 г. СПб., 1910. 78 с.

17. ЦГА РК Ф. 19. Оп. 1. Д. 145.

УДК 94(47).083: 396.5

В. А. Сердюк

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИЦ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ АЗИАТСКОЙ РОССИИ (1890–1914-е гг.)*

В статье анализируется динамика численности женщин-работниц азиатской сети железных дорог Российской империи в конце XIX – начале XX в. С этой целью приведены статистические данные о численности женщин, гендерном соотношении персонала дорог. Делается вывод об общероссийской тенденции постепенного расширения сферы применения женского труда, количественного увеличения женщин-служащих, что обуславливалось потребностями железнодорожной отрасли.

Ключевые слова: железная дорога, женщины, женский труд, Российская империя, Азиатская Россия.

V. A. Serdyuk

DYNAMICS OF RAILWAY WOMEN NUMBERS IN THE RAILWAYS OF ASIATIC RUSSIA (1890s–1914)

In the article dynamics of the numbers of female workers at the railways of Asiatic Russia at the end of the XIX – the beginning of the XX century is analyzed. For this purpose, statistical data on the number female, percentage of railway employees. The conclusion about the all-Russian tendency to gradually expand the scope of application of female labor, to increase the number of female employees, which was conditioned by the needs of the railway industry, is drawn.

Keywords: railway transport, women, female labor, Russian Empire, Asiatic Russia.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00037 «“Забывтый персонал”: женский труд на железных дорогах Российской империи (вторая половина XIX века – 1917 г.)».

Служба на железных дорогах дореволюционного периода традиционно ассоциируется с трудом многих поколений мужчин, считаясь сугубо мужской сферой деятельности. Между тем женщины внесли в развитие железнодорожной отрасли весомый, к сожалению, во многом «забытый» вклад, наглядным примером чему служит история функционирования железных дорог Азиатской России. Использование на них труда женщин до сих пор остается малоисследованным вопросом, несмотря на существующую историографию, посвященную источникам формирования и социальному составу железнодорожников, служивших к востоку от Уральских гор (В. Ф. Борзунов, Д. В. Залужная, Б. И. Земеров и др.). В настоящей работе мы остановимся на отдельном аспекте «женского вопроса» – динамике численности железнодорожниц Азиатской России с момента появления железных дорог в данном регионе до начала Первой мировой войны.

Все железные дороги в Российской империи, исходя из их географического положения и присущим им особенностям, делились на две группы: а) дороги Европейской России (без учета Великого княжества Финляндского), б) дороги Азиатской России [1, с. 5]. Впервые такое разделение было осуществлено Отделом статистики и картографии Министерства путей сообщения (МПС) в 1897 г. [2. Вып. 57, с. VII]. Дороги Азиатской России пролегали по землям Сибири (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Амурская, Забайкальская и Приморская области) и Средней Азии (Тургайская, Уральская, Акмолинская, Семиреченская, Самаркандская, Сыр-Дарьинская, Ферганская, Закаспийская области) [3. 1896, с. 48; 4].

Вплоть до конца 1870-х гг. российское правительство было занято в основном сооружением железных дорог внутри своих европейских владений, поводом же к быстрой постройке линий в более обширной – азиатской – части стали события, произошедшие в 1878–1879 гг. [5. с. 39]. Русская армия была разбита туркменами, что угрожало имперским интересам в прикаспийских областях. Была организована военная экспедиция в Туркестан, для облегчения продвижения которой потребовалось железнодорожное сообщение с центральной Россией – от берегов Каспийского моря до укрепления Кизыл-арват. Запущенная 1 сентября 1881 г. Закаспийская дорога сооружалась в интересах обороны, с целью закрепления за империей своих восточных окраин и уже во вторую очередь в интересах коммерческих [6, с. 545–546]. Вскоре активные внешнеполитические действия соседей России принудили ее вспомнить о своих дальневосточных владениях, вызвав стремление обустроить не только Среднюю Азию, но и Сибирь железными дорогами. Хотя первые реальные планы строительства магистралей в Сибири восходят еще ко временам царствования Александра II, их практическая реализация началась только при Александре III. По его повелению в 1891 г. началось строительство Великого Сибирского пути (в иностранных источниках – Транссиб). Наибольшее же развитие рельсовая сеть Азиатской России получила в эпоху царствования Николая II: если в 1897 г. эксплуатационная длина всех азиатских железных дорог составляла 2746 верст (6,75 % от общей эксплуатационной длины железных дорог России без учета Финляндии) [2, с. VII], то к октябрю 1916 г. уже 12 462 версты, включая казенные и частные (17,4 %) [7]. Большая часть приходилась на Великий Сибирский путь, который на этапе строительства ввиду своей значительной протяженности (свыше 7 тыс. верст) был поделен на участки. Так появились Западно-Сибирская, Сред-

не-Сибирская, Кругобайкальская, Забайкальская, Китайско-Восточная, Амурская и Уссурийская железные дороги.

Постепенно, с началом эксплуатации, административные границы дорог претерпевали изменения. 1 января 1900 г. западносибирский и среднесибирский участки были объединены в одно управление под общим названием «Сибирская железная дорога», просуществовав вплоть до 1 января 1915 г., когда восточный участок (Новониколаевск – Иркутск) был переименован в Томскую железную дорогу, а западный (Челябинск – Новониколаевск) отошел к появившейся ранее Омской железной дороге [8]. Кругобайкальская дорога административно не существовала, являясь частью Забайкальской. Возведение Амурской дороги было отложено (окончательно ее введут в строй в 1916 г.) в пользу строительства кратчайшего пути от Читы до Владивостока через китайскую территорию. Появившаяся Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) являлась продолжением Транссиба, но принадлежала акционерному обществу, председатель правления которого назначался китайским правительством. Ввиду особого порядка управления КВЖД, Министерство путей сообщения (МПС) не относило ее к российским дорогам и не включало данные о ней в свои статистические сборники, отдельно выделяя только Уссурийскую дорогу, отданную с 1 августа 1906 г. во временную аренду КВЖД.

В 1905–1906 гг. в состав азиатских вошла Ташкентская дорога, частично проходившая в географических пределах Европейской России [1, с. 5]. Вопрос о соединении Ташкента с Европейской Россией возник даже раньше сооружения Закаспийской линии [6, с. 549], однако строительство затянулось, продолжаясь с 1900 до 1905 г.

Таким образом, к казенным железным дорогам общего пользования Азиатской России в разные периоды времени относились 10 магистралей [8, с. 14; 9, с. 64–75]: *Закаспийская* (с 23 декабря 1881 г. по апрель 1899 г. находилась в ведении военного министерства, с 1 мая 1899 г. вошла в состав Средне-Азиатской дороги, находившейся в ведении МПС)*; *Западно-Сибирская* (с 15 октября 1896 г. по 31 декабря 1899 г.); *Уссурийская* (с 1 января 1896 г.); *Средне-Сибирская* (с 1 января 1898 г. по 31 декабря 1899 г.); *Сибирская*, объединившая западносибирский и среднесибирский участки (с 1 января 1900 г. по 31 декабря 1914 г.); *Средне-Азиатская* (с 1 мая 1899 г.); *Забайкальская* (с 1 июля 1900 г.); *Ташкентская* (с 1 июля 1905 г.); *Омская* (с 1 октября 1913 г.); *Томская* (с 1 января 1915 г.).

К частным железным дорогам Азиатской России относились: *Ферганская* (с 1913 г.), *Алтайская* (с октября 1915 г.), *Ачинск-Минусинская* (строительство приостановлено в 1917 г.), *Бухарская* (с 1916 г.), *Кольчугинская* (с июля 1916 г.), *Кулундинская* (с января 1917 г.).

Основное внимание в нашей работе уделяется казенным железным дорогам, поскольку, во-первых, их совокупная эксплуатационная длина значительно превосходила частные (11 228 верст против 85 верст у частных по состоянию на конец 1914 г. [10, с. 15, 21–22]), во-вторых, как это видно по данным о времени ввода в эксплуатацию частных дорог, большая часть из них появилась сравнительно поздно – во время Первой мировой войны, приведшей к расстройству работы всех ведомств железнодорожного

* В скобках указаны даты ввода дорог в постоянную эксплуатацию.

транспорта и, как следствие, к нехватке сведений о численном и гендерном составе железнодорожников. Как по казенным, так и по частным дорогам сохранилась лишь отрывочная статистическая информация за этот период, не позволяющая в должной мере отследить динамику численности железнодорожниц.

Гигантские стройки, развернувшиеся в конце XIX века, требовали мускульной силы, поэтому на первых порах женский труд был мало востребован и, тем не менее, использовался. Так, еще до включения в прямое сообщение Западно-Сибирской железной дороги с сетью дорог Европейской России (15 октября 1896 г.) Управление по сооружению Сибирской железной дороги активно использовало женщин на канцелярских должностях. 18 ноября 1895 г. указанное Управление, ссылаясь на собственный «опыт последних лет», уведомило канцелярию Министра путей сообщения о том, что «лица женского пола вполне пригодны для канцелярских занятий по счетной и письменной частям», признав возможным и полезным допущение женщин к службе в качестве переписчиц, журналистов (специалистов по ведению специального журнала) и счетоводов [11. Л. 42]. Поскольку Сибирскую железную дорогу возводили в период с 1892 по 1899 гг., это позволяет предположить, что женщин стали принимать на службу с самого начала строительства магистрали. Сложнее утверждать подобное в отношении Закаспийской дороги, поскольку в первые десятилетия своего существования она находилась в ведении военного министерства.

Количество железнодорожниц в первые годы было небольшим. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала наличие 7959 сибирских железнодорожников (включая 155 женщин) и 5 176 среднеазиатских (включая 39 женщин). Всего 194 женщины или 1,5 % от общего количества служащих на железных дорогах Азиатской России [12, с. 8].

О том же свидетельствует статистика служащих на железных дорогах, участников пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс. Первые пенсионные данные о железнодорожниках Азиатской России датированы 1897 г. и отражают ситуацию на сибирских линиях, а не на появившейся задолго до этого и находившейся в ведении военного министерства Закаспийской дороге, служащие которой станут членами пенсионной кассы МПС с 1 июля 1898 г. Впрочем, находись Закаспийская дорога с момента своего появления в ведении МПС, это не изменило бы положения – только с 1898 г. статистика пенсионных касс станет отражать разделение железнодорожников по гендерному признаку: на Закаспийской дороге в этот год насчитывалось 132 женщины из 3288 участников касс (4 %), на Западно-Сибирской – 183 из 3943 (4,6 %), на Средне-Сибирской – 213 из 3313 (6,4 %) [3. 1901, с. 52]. Объединив данные, получаем, что в 1898 г. участниками пенсионной кассы железных дорог Азиатской России являлись 528 женщин из 10 544 чел. (5 %). По процентной доле женщин в общем количестве персонала они опережали лишь Баскунчанскую (1,9 %), Закавказскую (4,9 %) и Николаевскую (3,3 %) дороги из 21 казенной, учтенной статистикой (без учета Управления казенных железных дорог России) [3. 1901, с. 52–53]. Данный факт не вызывает удивления, если учитывать отдаленность Средней Азии и Сибири от культурных центров страны, суровый климат, высокие цены на предметы первой необходимости, бытовую неустроенность. При отсутствии на первых порах собственных железнодорожных кад-

ров все это отпугивало потенциальных служащих из Европейской России, в том числе квалифицированный женский персонал, от перехода на службу в азиатскую часть страны. Тем не менее количество занятых на службе женщин постепенно увеличивалось, что отражено в таблице 1.

Таблица 1

Гендерное соотношение работников Сибирской железной дороги (1896–1914 гг.)

[1, с. 20; 2. Вып. 53, с. 10–11, Вып. 57, с. 10–11, Вып. 61, с. 19–20, Вып. 65, с. 20–21, Вып. 69, с. 20–21, Вып. 93, с. 10–11, Вып. 106, с. 10–11, 23, Вып. 113, с. 10–11, 23, Вып. 122, с. 10–11; 23, Вып. 129, с. 10–11, 23, Вып. 141, с. 18–19; 3. 1899, с. 25, 1901, с. 52, 1902, с. 64–65, 1903, с. 64–65, 1904, с. 65–66, 1905, с. 65–66, 1906, с. 65–66, 1907, с. 65–66, 1908, с. 65–66, 1909, с. 65–66, 1910, с. 65–66, 1911, с. 65–66, 1912, с. 67–68, 1913, с. 67–68, 1914, с. 67–68, 1915, с. 67–68, 1916, с. 67–68; 13, с. 1012–1013; 14; 15, с. 37; 16. Л. 59, 145об, 168об, 226об, 238; 17. Л. 135–143, 167–175, 177–186; 18. Л. 85об.; 19, с. 13; 20, с. 70–71; 21; 22. Л. 102–110]

Год	Название дороги	Участников пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс				Общее распределение работников дороги по полу			Общее число работников дороги (в скобках – число постоянных работников без учета поденных и временных)
		мужчин	женщин	доля женщин (%)	общее число участников касс	мужчин	женщин	доля женщин (%)	
1896	Западно-Сибирская	–	–	–	2407	–	–	–	4917
	Средне-Сибирская	–	–	–	1224	–	–	–	
1897	Западно-Сибирская	–	–	–	3269	–	–	–	7041
	Средне-Сибирская	–	–	–	1735	–	–	–	
1898	Закаспийская	3156	132	4,0	3288	–	–	–	9075
	Западно-Сибирская	3760	183	4,6	3943	–	–	–	15569
	Средне-Сибирская	3100	213	6,4	3313	–	–	–	
1899	Средне-Азиатская	4363	224	4,9	4587	–	–	–	9256
	Западно-Сибирская	4359	215	4,7	4574	–	–	–	9130
	Средне-Сибирская	4401	331	7,0	4732	–	–	–	12790
	Уссурийская	1402	91	6,1	1493	–	–	–	4347
1900	Средне-Азиатская	4926	282	5,4	5208	–	–	–	13241
	Сибирская	9794	568	5,5	10362	–	–	–	24623
	Забайкальская	2158	94	4,2	2252	–	–	–	6767
	Уссурийская	1604	109	6,4	1713	–	–	–	5688
1901	Средне-Азиатская	6007	296	4,7	6303	–	–	–	–
	Сибирская	11376	610	5,1	11986	–	–	–	33014
	Забайкальская	–	–	–	–	–	–	–	–
	Уссурийская	2269	128	5,3	2397	–	–	–	–
1902	Средне-Азиатская	6485	321	4,7	6806	–	–	–	–
	Сибирская	12690	746	5,6	13436	–	–	–	35561
	Забайкальская	4861	300	5,8	5161	–	–	–	–
	Уссурийская	2418	136	5,3	2554	–	–	–	–

Продолжение таблицы

Год	Название дороги	Участников пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс				Общее распределение работников дороги по полу			Общее число работников дороги (в скобках – число постоянных работников без учета поденных и временных)
		мужчин	женщин	доля женщин (%)	общее число участников касс	мужчин	женщин	доля женщин (%)	
1903	Средне-Азиатская	7079	353	4,7	7432	–	–	–	–
	Сибирская	13772	825	5,7	14597	–	–	–	41351
	Забайкальская	5812	372	6,0	6184	–	–	–	–
	Уссурийская	2431	151	5,8	2582	–	–	–	–
1904	Средне-Азиатская	7239	415	5,4	7654	–	–	–	–
	Сибирская	16651	910	5,2	17561	–	–	–	57919
	Забайкальская	6599	450	6,4	7049	–	–	–	–
	Уссурийская	2534	149	5,6	2683	–	–	–	–
1905	Средне-Азиатская	7802	453	5,5	8255	–	–	–	–
	Ташкентская	3091	327	9,5	3418	–	–	–	–
	Сибирская	–	1150	5,5	–	–	–	–	57881
	Забайкальская	8832	547	5,8	9379	–	–	–	–
1906	Уссурийская	3222	150	4,5	3372	–	–	–	6292
	Средне-Азиатская	8286	465	5,3	8751	–	–	–	17620
	Ташкентская	5476	446	7,5	5922	–	–	–	14696
	Сибирская	–	–	–	–	–	–	–	57350
	Забайкальская	9558	601	5,9	10159	–	–	–	33628
1907	Уссурийская	2759	127	4,4	2886	–	–	–	4563
	Средне-Азиатская	8631	483	5,3	9114	–	–	–	–
	Ташкентская	6185	454	6,8	6639	–	–	–	–
	Сибирская	–	–	–	–	–	–	–	46104
1908	Забайкальская	12704	701	5,2	13405	–	–	–	–
	Уссурийская	2391	109	4,4	2500	–	–	–	8848
	Средне-Азиатская	9189	495	5,1	9684	–	–	–	16335
	Ташкентская	6763	483	6,7	7246	–	–	–	16519
	Сибирская	–	661	–	–	–	–	–	47737
1909	Забайкальская	14830	796	5,1	15626	–	–	–	23152
	Уссурийская	2224	102	4,4	2326	–	–	–	5307
	Средне-Азиатская	8554	400	4,5	8954	–	–	–	15901
	Ташкентская	7590	452	5,7	8042	–	–	–	18433
	Сибирская	–	–	–	–	–	–	–	43955
1910	Забайкальская	9619	488	4,8	10107	–	–	–	20066
	Уссурийская	1044	31	2,9	1075	–	–	–	4859
	Средне-Азиатская	8942	424	4,5	9366	–	–	–	17455
	Ташкентская	8179	495	5,7	8674	–	–	–	21305
	Сибирская	19414	951	4,7	20365	–	–	–	38868
1911	Забайкальская	9996	628	5,9	10624	–	–	–	19337
	Уссурийская	935	24	2,5	959	–	–	–	5301
	Средне-Азиатская	9215	429	4,4	9644	–	–	–	17949
	Ташкентская	8418	523	5,8	8941	–	–	–	24632
	Сибирская	20578	1125	5,1	21703	–	–	–	43466
1911	Забайкальская	10383	595	5,4	10978	–	–	–	19738
	Уссурийская	862	22	2,5	884	–	–	–	5091

Окончание таблицы

Год	Название дороги	Участников пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс				Общее распределение работников дороги по полу			Общее число работников дороги (в скобках – число постоянных работников без учета поденных и временных)
		мужчин	женщин	доля женщин (%)	общее число участников касс	мужчин	женщин	доля женщин (%)	
1912	Средне-Азиатская	9554	458	4,6	10012	–	–	–	17409
	Ташкентская	8253	545	6,2	8798	–	–	–	19516
	Сибирская	21287	1263	5,6	22550	–	–	–	47596
	Забайкальская	10749	601	5,3	11350	–	–	–	21128
	Уссурийская	804	21	2,5	825	–	–	–	
1913	Средне-Азиатская	9485	468	4,7	9953	10596	483	4,5	11079
	Ташкентская	9197	623	6,4	9820	10989	506	4,6	11495
	Омская	–	–	–	–	2042	170	8,3	2982 (2212)
	Сибирская	21135	1308	5,8	22443	22493	1353	5,6	42997 (23846)
	Забайкальская	11303	630	5,3	11933	12160	699	5,7	12859
	Уссурийская	760	21	2,7	781	4106	108	2,6	4214
	Ферганская	–	–	–	–	242	12	4,9	254
1914	Средне-Азиатская	–	–	–	–	11260	615	5,4	11875
	Ташкентская	–	–	–	–	–	–	–	–
	Омская	–	–	–	–	–	–	–	–
	Сибирская	–	–	–	–	21880	1356	5,8	– (23236)
	Забайкальская	–	–	–	–	13552	776	5,7	14328
	Уссурийская	–	–	–	–	4632	108	2,3	4740
	Ферганская	–	–	–	–	273	28	9,9	301

Как видно из таблицы 1, вплоть до 1913 г. личный состав дорог в статистических сборниках МПС не разделялся по гендерному признаку. До этого сбор подобных сведений осуществляли местные органы пенсионных касс, данные которых охватывали лишь постоянных служащих и рабочих той или иной дороги. В соответствии с Положением о Пенсионной кассе служащих на казенных железных дорогах от 3 июня 1894 г. обязательными членами кассы являлись служащие и рабочие обоего пола, находящиеся на постоянной службе (т. е. имеющие постоянные годовые оклады содержания), за исключением: работников старше 60 лет, участников эмеритальных касс, лиц, приглашенных на срок до одного года [27, с. 7, 20]. Лица, временно приглашенные для выполнения работ по поденному или сдельному расчету (для текущих работ по ремонту и содержанию пути и зданий, на работу по пропуску весенних вод и др., требовавших значительных физических усилий), также не являлись участниками касс и, следовательно, в пенсионную статистику не попадали, но учитывались в статистических сборниках МПС. Поэтому, так как женщины среди поденных рабочих были представлены слабо, следует признать, что приведенные показатели удельного веса женского труда на железных дорогах несколько завышены, поскольку не учитывают огромного количества временных работников. Все это объективно затрудняет точный подсчет количества женщин, трудившихся на дореволюционных железных дорогах. В качестве

примера приведем данные за 1898 г.: в общей сложности на Западно-Сибирской и Средне-Сибирской линиях трудилось 15 569 чел., из которых постоянными числились 8061 чел., временными – 1838 чел., поденными – 5670 чел. [2. Вып. 61, с. 19–20]. В то же время участниками пенсионных касс являлись лишь 7256 чел., что на 805 чел. меньше фактического количества постоянных работников. Числились ли женщины среди 805 чел., не учтенных пенсионной статистикой, и сколько их могло быть среди поденных и временных работников? Ответить на данный вопрос не представляется возможным.

Еще одним затруднением является отсутствие официальной статистики пенсионной кассы Сибирской железной дороги в период с 1905 по 1909 г. На фоне Первой российской революции в октябре 1905 г. в здании Управления дороги, расположенном в Томске, вспыхнул пожар, и вплоть до 1910 г. Управление делами пенсионной кассы не получало материалов о сибирских участниках пенсионной кассы [3. 1908, с. 1]. Приведенная в таблице 1 статистика за этот период почерпнута из периодической печати и с трудом подлежит верификации.

Кроме того, отчеты пенсионных касс не охватывают период Первой мировой войны, не позволяя осуществлять сравнения с общими данными, аналогично тому, как это было произведено в 1913 г.

В целом к 1 января 1914 г. из 453 425 железнодорожников России, учтенных пенсионной статистикой, 39 426 чел. являлись женщинами (8,7 %) [3. 1916, с. 64]. Общее же количество отечественных железнодорожников в 1913 г. было в два раза больше, составляя 815 502 чел. [28, с. 94].

Таким образом, несмотря на далеко не полные статистические данные, имеющиеся в нашем распоряжении, на примере сети дорог Азиатской России можно наблюдать, как с конца XIX века росла абсолютная численность железнодорожниц. Не всегда этот рост был поступательным. На Сибирской дороге он был прерван Первой российской революцией, но уже к 1910–1911 гг. количество железнодорожниц на ней восстановилось, а затем превзошло дореволюционные показатели. Из общего ряда выбивается лишь Уссурийская железная дорога. Оказавшись во временной эксплуатации общества КВЖД, на ней постепенно уменьшалось количество служебного персонала. Небывалая по своим масштабам Первая мировая война лишь усилила общую тенденцию. Как видно из таблицы 2, в сравнении с 1913 г. абсолютное число железнодорожниц к моменту крушения Российской империи возросло: на Ташкентской дороге – на 43 %, на Средне-Азиатской – на 58 %, а на Омской – на 1095 %.

Таблица 2

Сведения о числе женщин – служащих на железных дорогах Азиатской России (февраль-апрель 1917 г.) [23. Л. 6–7, 15–15об, 86–87об, 92–95; 24. Л. 300–300об, 302]

<i>Дата</i>	<i>Название дороги</i>	<i>Кол-во женщин, чел</i>
к 1 февраля	Алтайская (<i>част.</i>)	235
к 1 апреля	Бухарская (<i>част.</i>)	82
к 1 марта	Омская	1862
к 1 февраля	Средне-Азиатская	828
к 1 февраля	Ташкентская	1181
к 1 февраля	Томская	1871
к 1 февраля	Ферганская (<i>част.</i>)	79

В 1915 г., по подсчетам Отдела статистики и картографии МПС, из 911 267 рабочих и служащих железных дорог женщины составляли 59 049 чел. [29. Л. 18]. В 1916 г. начальники Омской, Средне-Азиатской и Ташкентской дорог, свидетельствуя о продуктивности женского труда, аккуратности и исполнительности женщин, указывая на затруднения в поиске среди мужчин подходящих кандидатов, ходатайствовали перед Управлением железных дорог России об увеличении процентных норм приема женщин до 20 % от общего числа конторских служащих [26. Л. 76об, 95–96, 100–100об]. Начальник Томской дороги шел еще дальше, прося «предоставить [решение вопроса о процентной норме] на усмотрение начальника дороги в зависимости от обстоятельств времени и имеющихся кандидатов» [26. Л. 100–100об].

Объективными причинами к появлению подобного рода ходатайств служили повышение уровня образования и квалификации женщин и невысокие расценки оплаты их труда. Кроме того, расширению сферы применения женского труда способствовал остро ощущавшийся управлениями дорог недостаток в мужской рабочей силе ввиду объявленной в годы войны мобилизации.

1. Отчет по эксплуатации казенных железных дорог за 1908 г. / МПС, Управление ж. д. СПб. : Тип. М-ва путей сообщ., 1910. 111 с.
2. Статистический сборник Министерства путей сообщения за 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1909, 1911, 1912, 1913, 1914, 1916 гг. СПб. : Тип. М-ва путей сообщ. 1898–1916.
3. Отчет Пенсионной кассы служащих на казенных железных дорогах за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, 1915, 1916 гг. СПб. ; Пг.: Тип. М-ва путей сообщ., 1896–1916. Ч. 2.
4. Схема железных дорог Азиатской России [Карты]. СПб., 1914.
5. *Мертенс О.* Тридцать лет (1882–1911 гг.) русской железнодорожной политики и ее экономическое значение. М. : Центр. бюро печати (ЦНБ) НКПС, 1923. 285 с.
6. Азиатская Россия / изд. под ближайшим общ. руководством Г. В. Глинки; [текст ред. И. И. Тхоржевским]. Т. 2. Земля и хозяйство. СПб.: Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. 638 с.
7. Развитие сети железных дорог // Пути сообщения России. 1917. № 1. С. 30–32.
8. Развитие сети железных дорог // Пути сообщения России. 1915. № 1. С. 14–23.
9. Железнодорожный ежегодник: справочная книга для железнодорожников / сост. Н. Ермилов. Год 1904-й. СПб. : Тип. Ц. Крайз, 1904. 325 с.
10. Статистический сборник Народного Комиссариата путей сообщения. Вып. 145: Железные дороги в 1914 г. М. : Отдел статистики и картографии Народного комиссариата П. С., 1919. 63 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 229. Оп. 3. Д. 376.
12. Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: Т. 1–2. СПб. : Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1906. Т. 1. Табл. II.
13. Ведомость числа и содержания служащих и рабочих на казенных железных дорогах в 1912 г. // Пути сообщения России. 1913. № 10. С. 1007–1015.

14. Женщины на службе Сибирской железной дороги // Железнодорожное дело. 1908. № 46. С. 288.
15. Орлов М. Н. Очерк развития и деятельности Сибирской железной дороги за время с 1900 по 1910 гг. Томск : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1912. 167 с.
16. РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 242.
17. Там же. Д. 244.
18. Там же. Д. 1879.
19. Хроника // Железнодорожник. 1905. № 114. С. 13.
20. Петров Н. О числе служащих и рабочих на русских железных дорогах. СПб. : Гос. тип., 1909. 83 с.
21. Число служащих на железных дорогах общего значения по отдельным службам и частям местных управлений, по дорогам и по сети, с подразделением служащих по полу, к 1 ноября 1913 г. // Пути сообщения России. 1914. № 3. С. 329–333.
22. РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1333.
23. Там же. Д. 4381.
24. Там же. Д. 3956.
25. РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 7.
26. РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 2256.
27. Леонтович С. П. Пенсионная касса служащих на казенных железных дорогах в России (1894–1913 гг.). М. : Ж.-д. газ. «Семафор», 1913. 96 с.
28. Беспалов Н. Г., Елисеева И. И. Железные дороги России в XX веке в зеркале статистики. СПб. : Нестор-история, 2008. 226 с.
29. РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 37.

УДК 94(571.1)

В. А. Скопа

ИМПЕРСКИЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СТЕПНОМ КРАЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА: ПРОЕКТЫ И ПРАКТИКИ

В статье рассматривается процесс становления и развития статистических комитетов в территориальных границах Акмолинской, Семипалатинской и Семипалатинской областях в последней трети XIX века. На основе анализа источниковой базы выявлены особенности и специфика генезиса, нормативного оформления и функционирования административных статистических структур. Внимание уделено пошаговому становлению региональных центров статистического учета на окраинах империи и административным трудностям в организации данных ведомств.

Ключевые слова: статистический комитет, Степной край, имперские практики, статистический учет.

V. A. Skopa

THE IMPERIAL APPROACH TO THE ORGANIZATION OF STATISTICAL INSTITUTIONS IN THE STEPPE KRAI IN THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY: PROJECTS AND PRACTICES

The article deals with the process of formation and development of statistical committees in the territorial boundaries of Akmola, Semipalatinsk and Semirechye oblasts in the last third of the 19th century. Based on the analysis of the source base, features and specific features of genesis, regulatory design and functioning of administrative statistical structures are revealed. Attention is given to the step-by-step formation of regional statistical centers on the outskirts of the Empire and the administrative difficulties in organizing these departments.

Keywords: statistical committee, the Steppe region, imperial practices, statistical accounting.

В отечественной историографии проблема вхождения национальных окраин и формирование на их территории ведомственно-административных структур имеет различные ракурсы научных подходов: от интерпретации простого вхождения до экспансии. Одной из таких административных структур в системе управления, которая заслуживает внимания, является система статистических учреждений, ее организация и развитие. Структура статистического учета в Степном крае напрямую была связана с организацией и деятельностью статистических комитетов в территориальных границах Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей.

Либеральные реформы 1860–1870-х гг. создали благоприятные условия для развития экономики, социальной сферы, а вместе с тем и существующих общественных и государственных институтов. Проводимые преобразования в части статистического учета только частично улучшали состояние региональной статистики, не меняя ее основ. «Все эти начинания остались не доведенными до конца, – писал А. А. Кауфман, – и Центральный статистический совет, и комитет продолжали пребывать в состоянии полного застоя, не играя решительно никакой роли не только в эволюции русской статистики как научной дисциплины, но даже и в развитии вширь и вглубь нашей административной статистики, которая расплылась между десятками ведомств и в некоторых из них достигла высокой степени развития» [1, с. 48].

В обозначенных областях, несмотря на потребности в статистическом учете, специальных статистических учреждений еще не было, а сбор необходимых сведений возлагался на войсковые правления, на средства которых в каждой из областей содержался чиновник по статистической части. Однако практически их деятельность ограничивалась только статистическими работами на войсковой территории. Областные правления относились к ведению статистики сугубо формально. Публиковавшиеся ими данные носили приблизительный, порой противоречивый характер, отличались эпизодичностью и краткостью, были разбросаны по многим источникам. Сведения нередко собирались для разового использования, одни учреждения не имели необходимого материала, другие – не использовали имеющийся под руками. Такая разобщенность мешала проведению многих мероприятий. Прежде чем решить какой-либо вопрос, приходилось

сбирать массу сведений, проводить особые обследования, терять время на переписку, которая затягивалась на целые месяцы [2, с. 78].

Вопрос об открытии комитета в Семипалатинске встал ещё в 1861 г., когда Министерство внутренних дел разослало губернаторам запрос о возможности распространения положения о комитетах в Степных областях. В нем указывалось, что общее положение может быть подвергнуто некоторым изменениям «сообразно с местными обстоятельствами» [3. Л. 1–3]. Областное правление, изучив циркуляр, ответило, что сбор точных сведений по области необходим, что правила оно находит «удобопримемыми» [4. Л. 6–7]. В итоге было решено ходатайствовать об открытии статистического комитета с содержанием в 2 тыс. руб. в год из земских сборов Томской губернии. Однако, учитывая финансовую нагрузку, администрация ещё не была готова к учреждению комитета, в области «не предвиделось большого числа действительных членов, могущих быть полезными своими трудами и не нуждающихся в вознаграждении» [3. Л. 20]. Этот факт – одна из причин того, что учреждение комитета было отложено на 17 лет. Повлияло и переустройство области в составе Степного генерал-губернаторства в 1868 г. Но главной причиной стало отсутствие средств, необходимых для организации статистики в регионе. Томское земство отказало в них. В ответ на ходатайство управления Западной Сибири открыть комитеты на средства от ясачного сбора МВД ответило также отказом. Рассчитывать на доходы от типографии и пожертвования от частных лиц, что рекомендовало министерство внутренних дел, тоже не приходилось.

Время диктовало свои требования, и необходимость комитетов ощущалась всё острее, и в первую очередь с точки зрения необходимости наличия оперативного статистического материала в масштабах региона. В 1874 г. вновь был поднят вопрос об их устройстве в Акмолинске и Семипалатинске, тем более что войсковое правление окончательно прекратило финансирование всех статистических работ [5. Л. 301]. Данное обстоятельство подтолкнуло генерал-губернатора Западной Сибири А. П. Хрущова представить на имя министра внутренних дел прошение об открытии статистических комитетов в Омске и Семипалатинске. Свое послание он мотивировал тем, что, согласно правительственным указам, в каждой губернии или области должны иметься специальные учреждения для исправного содержания административной статистики. И хотя МВД ответило, что «никаких препятствий к открытию означенных комитетов нет», всё же переписка длилась ещё около четырёх лет. В итоге комитеты были учреждены 14 декабря 1877 г. [6. Л. 3–7, 39–41]. Фактическое же их открытие состоялось в 1878 г.: Семипалатинского – в июне, Акмолинского – августе [7]. На их содержание выделялось по 2 тыс. руб. в год из земских сборов Западной Сибири [8. Л. 17–18].

В организации статистических учреждений на местах немаловажную роль играло и отношение местных властей. Получив в своё распоряжение лишний штат и средства, Акмолинский губернатор фактически забыл о комитете и его функциях и ограничился минимумом статистических работ, выполняемых секретарем. В 1883 г. председатель Центрального статистического комитета (ЦСК) выговаривал степному генерал-губернатору, что Акмолинским комитетом «со времени его учреждения не представлено... ни одной из годичных таблиц». Акмолинский губернатор, оправдываясь, писал, что «сведения собираются, но ни разу ещё не представлялись в ЦСК по крайней их дефектности» [9. Л. 1–4].

Годовой отчет по области впервые был представлен только в 1883 г., отчеты о деятельности комитета до 1893 г. не составлялись совсем, за исключением отрывочных форм. Хотя губернатор в отчете перед МВД отмечал: «Что же касается порядка делопроизводства в подведомственном мне комитете, то особых упущений в нём не замечено» [10. Л. 80–85]. Во многом данное заключение по национальным окраинам было характерно везде, не только в Акмолинской области. По сути, все статистические работы выполнялись канцелярией, а вернее секретарем без участия остальных членов. Заседаний комитет не проводил. Деятельность его была несколько оживлена лишь в 1890-х гг. Первое заседание после многолетнего перерыва состоялось 13 февраля 1893 г., на нем было решено считать этот год «первым годом возобновленной деятельности комитета» [11. Л. 2–3]. В то же время, несмотря на то, что несколько улучшилась организация комитета и его деятельность, многое не отвечало требованиям «Положения». Существенно западал кадровый состав, катастрофически не хватало средств, слабо была развита административно-территориальная статистическая сеть. За 1878–1911 гг. комитет провёл всего 9 собраний, состоял из одних непременных членов и выполнял в основном лишь обязательную часть работы. Действительные члены впервые были избраны только в 1911 г. [12. Л. 8].

По-иному была поставлена организация работы в Семипалатинском комитете. Активная деятельность его началась с 1883 г., когда по инициативе и при участии его членов были образованы музей и библиотека [13, с. 185–187]. Кроме сбора и обработки сведений, группировки их по ведомостям, составления отчётов по области комитет с 1878 г. издавал «Обзоры», в 1882 г. при его непосредственном участии была проведена однодневную перепись Семипалатинска.

Административная противоречивость в Семиречье существенно затянула открытие комитета в области. Учрежденная в составе Туркестанского губернаторства, область не имела своего статистического органа. Сбором сведений занималось областное правление. В 1872 г. Туркестанским статистическим комитетом был разработан проект создания комитетов во всех областях. Но план не был тогда осуществлен. И только в 1878 г. на улучшение статистики в области было разрешено отпускать 1 тыс. руб. в год [14. Л. 11]. Однако в области ещё не было многих управлений, ведомств, предусмотренных «Положением», и состав комитета был сформирован номинально [15. Л. 313]. Одна из существенных проблем, которая препятствовала созданию комитета и его реальному функционированию – нехватка кадров. Первое собрание состоялось 18 февраля 1879 г., но и после этого комитет не приступил к работе, все его функции были возложены на одного из чиновников областного правления, которое расходовало и средства комитета [16. Л. 6–8]. Данное положение дел не удовлетворяло центральных чиновников, поскольку были проблемы в своевременном и адекватном получении материалов из области, на что указывают постоянные запросы в отношении одних и тех же форм [17. Л. 114]. К тому же статистические работы ограничивались сбором и группировкой сведений для годовых отчетов. Подобное состояние статистики не могло удовлетворять власти. После неоднократных ходатайств с 1896 г. средства комитета увеличились до 2 тыс. руб. в год, был назначен секретарь, расширена номенклатура непременных членов [18. Л. 313–314]. В то же время в исполнении статистических работ комитет придерживался прежней системы. Собраний не созывалось, для

обсуждения текущих дел и утверждения расходных смет назначались заседания только постоянных членов и то крайне нерегулярно: до 1906 г. их было всего 6 [19, с. 4–5].

По своей сути комитетам придавался «административно-ученый» характер. В циркуляре ЦСК предписывалось, «чтобы в делопроизводство комитета не было введено излишней канцелярской переписки и бесполезных формальностей», чтобы занятия его были устроены «в простом и несложном виде, соответствующей более учёному обществу, нежели присутственному месту» [20. Л. 310–312]. От комитетов требовалось быть не просто передаточной инстанцией сведений, но и совершенствовать методику их сбора и обработки, заботиться «о составлении подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно почему-либо замечательных местностей, в отношении топографическом, историческом, промышленном, торговом, сельскохозяйственном и проч.» [21. Л. 355]. Им давалось право «снаряжать особые статистические экспедиции для местных исследований, издавать труды». Главное же их назначение состояло «в исправном содержании местной административной статистики, в установлении правильнейших способов собирания точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселении и производительных силах губернии или области и в проверке и обработке этих сведений...» [22. Л. 310–312].

Практически деятельность комитетов ограничивалась рамками только обязательных работ. Характеризуя их, А. И. Гозулов, писал: «статистические комитеты не организовывали сами статистических работ, они выступали как связующее звено между местной администрацией и Центральным статистическим комитетом. По сути дела, они являлись секундарным источником статистических сведений» [22, с. 103].

Структура комитетов была несложной: председатель, его помощник, постоянные, действительные, почётные члены, секретарь. Председателем обязательно назначался губернатор, его помощником – вице-губернатор. Из статистических комитетов Степного края только в Семиреченской области помощником председателя был избран статский советник Н. Н. Пантусов исключительно за научные заслуги [24. Л. 314]. Состав постоянных членов был номенклатурным и определялся положением о комитетах.

Непременные члены в структуре комитетов Степного края не проявляли активной деятельности, так как не были подготовлены к этой работе. Их роль сводилась к тому, чтобы содействовать сбору сведений зависящими от них средствами. Но даже эти функции многие из них не выполняли. На одном из заседаний Семипалатинского комитета был поднят вопрос о том, что многие постоянные члены в течение 8 лет не приняли участия ни в одной статистической работе [25].

Действительные члены избирались из числа лиц, «могущих своими познаниями и опытом принести пользу комитету и изъявляющих готовность участвовать в занятиях его своими статистическими трудами» [26. Л. 316]. Фактически на них лежали все исследовательские работы, от их способностей, инициативы и взглядов зависела успешная деятельность комитетов в целом. За период с 1888 по 1908 г. их численность по комитетам варьировалась следующим образом: Акмолинский комитет в 1888 г. – 14 чел.; 1899 г. – 24 чел.; 1908 г. – 25 чел.; Семипалатинский комитет в 1888 г. – 15 чел.; 1899 г. – 15 чел.; 1908 г. – 14 чел.; Семиреченский комитет в 1888 г. – 12 чел.; 1899 г. – 12 чел.; 1908 г. – 12 чел. [27, с. 62–64]. Это указывает

хотя и не на значительную численность, но некоторая стабильность в кадровом обеспечении прослеживалась.

Почётными членами избирались лица, проводившие большую исследовательскую работу или оказавшие содействие в её организации. Кроме непрременных, действительных и почетных членов комитеты имели сеть корреспондентов, принимавших участие в оборе материалов по их программам. В территориальных границах Степного края статистическая сеть корреспондентов развита была слабо, что во многом сказывалось на оперативности формирования данных. Для организации статистических исследований, для проверки и обработки полученных сведений, составления необходимых таблиц и ведомостей учреждалась платная должность секретаря, введение которой значительно улучшило статистику на местах. Так, 2 тыс. руб., ассигнованные в 1899 г. на содержание Семипалатинского комитета, распределились следующим образом: на жалованье секретарю – 750 руб., счетчику и писарям – 470 руб., на наём помещения – 360 руб., на канцелярские и хозяйственные расходы – 120 руб., на издание памятной книжки – 250 руб. и на пополнение библиотеки – 50 руб. [28. Л. 8–9]. Такое распределение средств, за небольшими изменениями, было в течение почти всего периода его существования. Аналогичное положение было и в других комитетах Степного края. Как видно, комитеты не располагали должным объемом средств, что существенно влияло и на подбор сотрудников. Ограниченность средств лишала комитеты возможности комплектовать штаты канцелярий, в которых, как правило, было по одному писарю. К тому же нужно учитывать абсолютную неподготовленность их к статистическим работам. «Статистические комитеты, – писал Ю. Э. Янсон, – не располагают достаточными средствами для привлечения к работе людей опытных и добросовестных и вынуждены поручать сводку разным писцам и канцелярским чиновникам, часто не знающим твёрдо четырех правил арифметики, за самое скудное вознаграждение» [29, с. 392]. Таким образом, все статистические работы в комитете практически лежали на одном секретаре. Усугубляло положение в Степном крае катастрофическая нехватка грамотных сотрудников в структуре комитетов. Семипалатинский уездный начальник сообщал губернатору: «Пока не улучшится материальное положение писарей и (не) увеличится состав уездных правлений, до тех пор сведения, получаемые от волостей, будут неудовлетворительны» [30. Л. 1–2]. Однако подобное положение вполне устраивало многих губернаторов, которых пугали широкие программы исследований, всякое переустройство статистики. Губернатор Семиреченской области предлагал один проект радужнее другого: содержать в каждом уезде специального статистика, увеличить до 1 тыс. руб. в год жалованье секретарю, столько же отпускать на исследование и канцелярские расходы. Но сам же он признавал, что такой расход – слишком тяжелое бремя для населения, тогда как сведения будут всё равно далеки от желаемой верности. В качестве руководителя статистическими работами он определяет комитет, «от которого невозможно требовать большего и ожидать ученых статистических работ и трудов» [31. Л. 5]. Это признание губернатора как нельзя лучше говорит о его понимании и настроении: «комитет не в состоянии проводить статистические исследования, собираемые им данные несовершенны, но пусть все остается по прежнему» [32. Л. 8].

Еще одна сложность и особенность в организации статистических работ в Степном крае заключалась в недостаточном объеме инструкций и наставлений по сбору сведений. Считалось, что к статистическим работам подготовлены все чиновники, поэтому им предписывалось доставлять к определенному сроку требуемые сведения, причем не в виде первичных записей, а в сложных сводах. Узкая специализация по сбору статистических данных в центральных органах и централизация этих работ в административных органах на местах приводили к тому, что последние, обремененные массой хозяйственно-административных и полицейско-фискальных обязанностей, должны были собирать сведения по различным отраслям экономической жизни.

Таким образом, развитие статистических комитетов в территориальных границах Степного края имело свои принципиальные особенности и отличия, что проявлялось в финансовом обеспечении, кадровом потенциале, механизмах взаимодействия статистических структур региона с местными властями и «центром». Центральные власти в лице ЦСК, экстраполируя имеющийся опыт внутренних губерний в организации статистических служб в национальные окраины, способствовали унификации многих сторон статистической деятельности, тем самым формируя единую административно-статистическую структуру.

-
1. *Кауфман А. А.* Теория и методы статистики. М., 1912. XXVIII. 632 с.
 2. *Кауфман А. А.* Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. М., 1922. 218 с.
 3. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 15. Оп. 1. Д. 44.
 4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 2. Д. 10.
 5. Там же. Д. 777.
 6. Там же. Д. 55.
 7. Семипалатинские областные ведомости. 1879. № 31.
 8. ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 2.
 9. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 134.
 10. Там же. Д. 238.
 11. Там же. Д. 598.
 12. Там же. Д. 3461.
 13. *Скопа В. А.* Вклад статистических комитетов Степного края в формирование музейных фондов в последней трети XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2–1. С. 215–218.
 14. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 134.
 15. РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 675.
 16. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 598.
 17. Там же. Д. 612.
 18. РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 675.
 19. *Урашев С. А.* Семиреченский областной статистический комитет – первое научное общество на территории края 1879–1917 гг. Алматы, 2008.

20. РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310.
21. Там же.
22. Там же.
23. *Гозулов А. И.* Очерки истории отечественной статистики. М., 1972.
24. РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 675.
25. Семипалатинские областные ведомости. 1906. № 9.
26. РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310.
27. *Скопа В. А.* Количественный и сословный состав статистических комитетов Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX – начале XX в. // Успехи современной науки и образования. 2016. № 11. Т. 8. С. 62–64.
28. ЦГА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 54.
29. *Янсон Ю. Э.* Теория статистики. СПб., 1891.
30. ЦГА РК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 32.
31. ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 14.
32. Там же.

УДК 94 (47)

Б. С. Токмурзаев

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ СТЕПНОГО КРАЯ В АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: СОДЕРЖАНИЕ И ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье на материалах общественно-политического дискурса второй половины XIX – начала XX вв., сведений официального делопроизводства и эго-документов выявляются формы и содержательные аспекты взаимоотношений переселенцев с коренным населением Степного края. Установлено, что форсированная реализация имперского проекта по аграрному освоению степных областей приводила к серьёзным коррективам статуса крестьянства, ставшего в этот период главным субъектом колонизации. Получаемые крестьянством преференции в сфере землепользования приводили к актуализации и обострению экономической конфронтации обозначенных групп, переходившей в плоскость культурных конфликтов.

Ключевые слова: переселенцы, конфликт, стереотипы поведения, коренное население, землепользование

В. S. Tokmurzayev

MIGRATION AND INDIGENOUS POPULATION OF THE STEPPE REGION IN THE AGRARIAN COLONIZATION OF THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: CONTENT AND NATURE OF THE RELATIONSHIPS

In the article, on the materials of the social and political discourse of the second half of the 19th – early 20th centuries, the data of official records management and

ego documents, and the substantive aspects of the relationship between the settlers and the indigenous population of the Steppen Kray. It was established that the accelerated implementation of the imperial project on the agrarian development of the steppe regions led to serious adjustments to the status of the peasantry, which at that time became the main subject of colonization. The preferences received by the peasantry in the sphere of land use led to the actualization and aggravation of the economic confrontation of the designated groups, which turned into the plane of cultural conflicts.

Keywords: immigrants, conflict, behavior stereotypes, indigenous population, land use.

Одним из важнейших моментов в ходе аграрной колонизации Степного края являлись мероприятия центральной и местной бюрократии, направленные на оценку и регулирование взаимоотношений между сословиями – субъектами процесса: переселенцами из европейских губерний России, казачеством и коренным населением региона. Априори следует отметить факт потенциального присутствия конфликтности между названными группами, располагавшейся в двух плоскостях: экономической, предполагавшей возникновение и эскалацию противоречий по вопросу поземельных отношений между группами, и социально-психологической, что было обусловлено столкновением в колонизируемом регионе представителей различных культурных типов. Последний момент представляется весьма существенным, поскольку перемещение в зоны аграрной колонизации крестьянства во второй половине XIX столетия осуществлялось уже на фоне осознания империей собственного призвания к преобразованию «пространства, предназначенного для пастбищ, в зоны сельского хозяйства» [1, с. 123]. В подобных условиях крестьянское переселенческое движение достигало в российской общественно-политической мысли высокой степени обобщения и включалось в геополитические конструкции внутреннего обустройства империи [2, с. 151].

Переходя к вопросу о причинах и содержании конфликтов переселенцев с коренным населением в экономической плоскости, а также о реакции и деятельности властей в этой сфере, необходимо остановиться на вопросе формирования колонизационного фонда в Степном крае.

Впервые вопрос о переселенческом земельном фонде был поднят в 1820-х гг., когда по представлению Сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского вышел в свет указ от 1822 г. «О разрешении всем казенным крестьянам после посылки «поверенных» для выбора нового места переселяться на «пустопорожние» земли в Сибирь, либо в пределах последней, с увольнением из прежних их обществ по уплате всех недоимок» [3, с. 447]. Этим указом впервые ставился вопрос о размерах и качестве местных «пустопорожних земель», которые можно было отвести под заселение.

До Великой реформы крестьянская колонизация и, соответственно, образование в степных областях Западной Сибири фонда для организации переселенческих хозяйств не входили в разряд стратегических задач имперской политики России. Только после ликвидации системы крепостных отношений и с возникновением двойственной ситуации – обретением крестьянством возможности выхода в сочетании с расширявшимся малоземельем – вопрос о территориальном рассредоточении избыточной массы крестьянства приобрёл остроту и значимость.

В 1875 г., после признания Н. Г. Казнаковым в качестве необходимости привлечения к колонизации Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края лиц земледельческого сословия, были предприняты первые шаги к обнаружению удобных для поселения мест и их обмежеванию. В результате подготовительных работ в Акмолинской области при почтовых и торговых трактах была отмежёвана земля для образования 30 посёлков, в 19 из которых водворилось 4 000 переселенцев [4, с. 101]. Незанятость остальных подготовленных участков объяснялась неудачным выбором места, а также отрицательным отношением к переселенческому делу преемников Н. Г. Казнакова на генерал-губернаторском посту.

«Сбои» и неопределённость в организации переселенческой практики в начальный период аграрной колонизации степных районов во многом предопределили взрывоопасность последующих взаимоотношений переселенцев с коренным населением региона. Проблема заключалась в том, что, несмотря на запреты и ограничения, которые с точки зрения административной бюрократии были призваны привести в соответствии формируемый колонизационный фонд с реальным переселенческим движением, заселение Степного края продолжало осуществляться «теневыми», не фиксируемыми властями мигрантами. Народное недоверие к официальным источникам информации ограничивало возможности представителей государственной власти вести разъяснительную работу в крестьянской среде, что способствовало превращению переселений в хаотический, мало поддающийся логическому анализу процесс. По определению А. А. Кауфмана, переселение часто принимало «стихийный, почти эпидемический характер, когда с места снимались сотни и тысячи семей, для которых передвижение в Сибирь не было вызвано разумной необходимостью и сознательным расчётом» [5, с. 62].

Со строительством Сибирской железной дороги и учреждением Комитета Сибирской железной дороги в 1892 г. происходит очередная рекогносцировка, прямо коснувшаяся переселенческой практики и заготовки колонизационного фонда. Так, проводимые в Степном крае землеотводные работы стали учитывать вероятность заселения этих местностей самовольными переселенцами. С организацией Переселенческого управления все работы по образованию переселенческого земельного фонда были сосредоточены в его районных отделениях.

В конце XIX – начале XX в. на территории Степного края были организованы переселенческие районы со своими переселенческими партиями: для северных уездов Акмолинской области – в 1863 г., для южных – в 1896 г.; для Тургайской области – в 1896 г.; для Семипалатинской – в 1900 г.; для Уральской – в 1904 г. и для Семиреченской – в 1905 г. По статистическим и исследовательским данным, только за период с 1870 по 1896 г. на территорию степных областей переселилось 416 270 крестьян, разместившихся по преимуществу на лучших плодородных землях Степного края, и в первую очередь Акмолинской области [5, с. 62–63]. К 1896 г. в восьми уездах Акмолинской и Семипалатинской областей было образовано 43 волости, а в пользовании русского населения находилось 1,4 миллиона десятин земли [6, с. 138]. Кроме того, крестьяне-переселенцы арендовали у коренного населения более 88 тысяч десятин земли [6, с. 138].

Симптоматично, что в оценке предварительных результатов формирования колонизационного фонда в Степном крае редкое единодушие проявляли представители россий-

ской и национальной элит. Т. И. Седельников, характеризуя обстоятельства организации и деятельности заготовительных партий, констатировал: «Каждая партия организовывалась второпях, на ходу, из разнородных и часто совершенно не пригодных к делу элементов. На ходу же вырабатывались всякие «инструкции»... Рассчитывать на более или менее ясные и определённые указания из Петербурга, от центральных учреждений, также не приходилось: центральные учреждения сами имели весьма туманное и нередко наивное представление о характере, условиях и задачах работ в киргизской степи...» [7, с. 64–65].

Вопрос о качестве земель, в продолжение второй половины XIX – начале XX вв. отводимых в переселенческий фонд, решался, как правило, по прецеденту, когда межземельные земли дифференцировали по признаку: «удобные» и «неудобные». В соответствии с «Инструкцией для межевых работ» от 5 мая 1903 г. в категорию «удобных» угодий были включены «удобные в сельскохозяйственном отношении земли, к которым относятся земли удобные для пашни, сенокосы и земли удобные только для пастбищ, леса и кустарники и, наконец, усадебные и приусадебные места». В категорию неудобных: солонец, камень и каменистые места, песок, глина, кладбища и казахские могилы, овраги, рытвины, обрывы, болота, щелеватости, расположенные под водой, дороги (караванные, кочевые, скотопробойные и пр.), доли от площадей, отнесенных к пастбищным угодьям, улицы, проулки и площади [8. Л. 9–9об.].

Процесс формирования системы взаимоотношений между русской переселенческой деревней и «инородческими» аулами в Степном крае отличался сложностью и многообразием. Контакты, между субъектами колонизации выстраивались с учётом конкретной ситуации: земельного фонда, соотношения численности групп, активности административной бюрократии.

Соотношение и взаимодействие названных факторов определяли степень экономического и социокультурного успеха локальных групп в регионе, а также модели взаимоотношений между ними – от взаимовыгодных до конфликтных.

Системообразующим фактором, послужившим импульсом к формированию основ взаимоотношений исследуемых групп, следует назвать относительную давность русских земледельческих практик в регионе.

Земледелие в Степном крае прививалось постепенно, получив распространение с 1849 г. с водворением в Кокчетавском округе крестьян-переселенцев с перечислением их в казачье сословие.

В период с 1870 по 1894 г. главными земледельцами были казаки, так как посев разного рода хлебов составлял у них 98 % общего посева, тогда как у автохтонов оно составляло всего 2 %, у крестьян и прочего населения около 9 % [9, с. 39].

В начале 1890-х годов положение начинает постепенно меняться. Так, в 1894 г. казачьи посевы достигли 54,5 % от общего посевного объёма в крае, мещан – 12,4 %, крестьян – 21,8 % и инородцев – 11,3 % [9, с. 41].

Факты производственного сотрудничества крестьян-переселенцев с «инородцами», переходившими к оседлому образу жизни, приводятся в материалах экспедиции Ф. А. Щербины: «Так делал крестьянин, это мы узнали от крестьянина, так водится у крестьян и прочее – постоянно слышалось от киргиз, когда они рассказывали о том, почему и когда они начали заводить запашки. Живым примером собственного хозяйс-

тва, непосредственным участием в выполнении для кочевника земледельческих работ, советом и практическими указаниями, которыми с охотой делится переселенец, последний втянул уже киргиз в круг интересов и понятий земледельца» [10, с. 135].

Переселенцам приходилось адаптироваться к новым условиям ведения хозяйства, что принуждало их интенсивней контактировать с местным населением и, как следствие, устанавливать тесные хозяйственные связи.

В частных случаях крестьяне-переселенцы выступали в роли трансляторов новой земледельческой культуры, передавали приобретённый опыт интенсивного ведения хозяйства, что фрагментарно воспринималось и автохтонным населением. Так, в отчете Николаевского уездного начальника за 1888 г. указывалось, что «...киргизы этого уезда, благодаря соседству с русскими, охотно возделывают и обрабатывают земли, не уступая в этом отношении русским». В его же отчете за 1897 г. говорится, что русское и казахское земледелие «все больше расширяется, чему способствует обоюдное и дружественное соглашение кочевников с русским населением в сельскохозяйственных предприятиях» [11. Л. 5].

Более сдержанная и реалистичная позиция относительно роли и значения хлебопашества в среде коренного населения была представлена в размышлениях земского чиновника и статистика А. А. Кауфмана: «...Для северных степей влияние крестьянской колонизации представляет собой факт... Наплыв переселенцев-арендаторов, давая киргизам возможность освоить земледельческие навыки, вместе с тем оказывает на них деморализующее влияние: зачем в самом деле пахать киргизу пашню, когда он может получить готовую пашню, хлеб, деньги от арендаторов-испольщиков» [5, с. 331].

Действительно, в условиях отсутствия прав на свободное пользование землей, крестьяне обращались к практике аренды. Не обладая значительными денежными средствами, крестьяне чаще всего прибегали к испольщине, при которой земля и орудия обработки – сохи, бороны, рабочий скот – обыкновенно принадлежали хозяину – «инородцу», а крестьянину переселенцу – навык в использовании этих орудий. Данная форма аренды была привлекательна для автохтонов, так как не требовала значительных затрат и расходов, кроме издержек на покупку сохи и бороны. Что же касается рабочего скота, то кочевое хозяйство в этой сфере исторически не испытывало дефицита [10, с. 152].

Важно отметить, что успешная хозяйственная деятельность переселенцев, испытывавших серьезный недостаток в финансовых средствах, носила во многом случайный характер и достигалась посредством элементарных навыков предприимчивости. По свидетельству М. А. Терентьева, «...весной вся степь в зелени и цветах, переселенцы усердно занялись кошением и наметали кругом своих становищ множество стогов сена. К зиме нарыли землянок, засели и ждут... У киргизов такой моды косить траву нет, а зима подошла снежная, тебеневки невозможны... вот и являются они к русским покупать сено, денег нет – меняют на скот. За зиму у переселенцев набралось огромное количество скота – сразу они разбогатели!» [10, с. 152–153].

Увеличение в структуре населения доли крестьян-переселенцев и рост производства товарного зерна в обстоятельствах отсутствия развитой инфраструктуры (наличие судоходных рек, железных и благоустроенных грунтовых дорог, небольшая емкость внутреннего рынка хлебопродуктов и удаленность от внешних рынков сбыта) привели

к тому, что очень быстро потребности в хлебопродуктах на местном уровне были полностью удовлетворены.

Таким образом, медленно, но верно разрушалась системность кочевого хозяйства, что в значительной степени усугублялось ситуацией, при которой аулы отрезались от естественных водопоев для скота пашнями переселенцев, а лучшие сенокосные угодья, составлявшие кормовую базу для скота целых родов, при межевании прирезались к крестьянским наделам. В итоге возникала естественная путаница в кочевых маршрутах, стирались границы родов, провоцируя конфликты как между отдельными кочевьями, так и между переселенцами и «инородцами» края [12. Л. 3].

Не прекращавшийся приток в Степной край крестьянского населения способствовал развитию в среде кочевого населения оригинальной практики распашки своих земель с целью уберечь их от перечисления в колонизационный фонд. Симптоматично, что саму распашку и посев зачастую выполняли крестьяне за обговоренную с коренными жителями долю урожая, получившую название «маин». О существовании прямой корреляции между появлением переселенцев и увеличением вынужденной распашки свидетельствуют следующие данные: если в 1892 г. в Омском уезде не было ни одного крестьянского поселения и земледелием занимались 29 представителей коренного населения, которыми было посеяно 43 четверти ярового хлеба и 12 четвертей овса, то уже в 1897 г. было образовано 25 крестьянских селений при 1 711 семействах и автохтонами уже было засеяно 2 043 пуда яровой пшеницы, 653 – овса, 18 – ярицы [13, с. 14].

Подобная ситуация, пусть и принудительно, способствовала развитию земледельческих навыков в «инородческой» среде, однако отсутствие прав коренного населения на получение ссуд и пособий, зафиксированное законодательно, практически полностью отменяло перспективы земледельческого хозяйства.

Далеко не все исследователи – современники событий – видели в качестве причин формирования конфликтности между локальными группами только переселенческий процесс. В частности, В. А. Остафьев отмечал невероятную путаницу, сложившуюся в землевладении «инородцев» ещё до начала массовых миграций в Степной край. Представители высшей административной бюрократии столкнулись в регионе с родовым делением волостей и, признав его неудобным, разделили кочевые владения на волости, что, в конечном счёте, поспособствовало социальному разобщению внутри киргизских родов и значительно стимулировало конфликтность [4, с. 32–33].

Как бы то ни было, на рубеже XIX – XX столетий конфликты между переселенцами и представителями коренного населения, возникавшие по экономическим поводам, становятся повсеместным явлением.

Одним из распространённых поводов для возникновения конфликта становились потравы, самовольные покосы и уничтожение призимовочных леса и зимовки. В одном из донесений Акмолинского уездного начальника указывалось: «На почве потрав возникает масса ожесточенных столкновений, причем крестьянскими обществами накладывались на виновных киргизов непомерно большие штрафы» [14. Л. 45].

В этой связи регулярный характер приобретают жалобы автохтонов на чрезмерное самопроизвольное обложение их крестьянами за произведенные потравы. Актуализа-

ции конфликтов, как правило, сопутствовало мнение, что некоторые крестьяне сделали для себя из потрав род выгодной статьи и дополнительного дохода [14. Л. 63об.].

Проблема по большому счёту заключалась в несовпадении представлений крестьян и «инородцев» о границах. Автохтоны признавали лишь естественные границы земли: хребты гор, луга, реки, озера, увалы, долины-водостоки. Крестьяне же, считая за предел владения вспаханную борозду, отказывались понимать своих соседей. На этой почве обычно и возникали столкновения, начинавшиеся с перехода казахского скота через межу крестьянского надела и его потравы.

Говоря о социально-психологических аспектах взаимоотношений переселенцев с «инородцами» Степного края, необходимо обратить внимание на то, что конфликты между локальными группами региона во многом инспирировались имперскими установлениями, на фоне которых культурные антиномии проявлялись наиболее рельефно.

Уже в стартовый период аграрной колонизации края устами представителей высшей региональной административной бюрократии были озвучены базовые подходы к устройству в Степном крае коренного населения, в основе которых лежали патерналистские установления. В отчете военного губернатора Акмолинской области за 1876 г. прямо говорилось: «Осторожное водворение русских в означенной местности с течением времени уравнило бы преобладающий в ней киргизско-мусульманский элемент и не только не вызывало бы никакого кризиса в пастушьем быту киргизов, напротив, послужило бы к их же обеспечению в экономическом отношении... Этот порядок мог бы заключаться в том, чтобы в начале поселения состояли из небольшого числа дворов и располагались бы на расстоянии нескольких десятков верст один от другого, устанавливая сообщения между степными городами...» [15. Л. 561об. – 562].

Данная идея в полной мере укладывалась в контекст уже сформировавшихся в имперском сознании и озвученных Ф. Г. Тернером убеждений в том, что «Россия обладает в своих азиатских владениях свободными землями, на которые могут изливаться избытки сельского населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа... большому сплочению этих стран с Россией» [5, с. 5].

Таким образом, аграрное переселение в Сибирь вообще и в Степной край в частности риторически включалось в идеологию «внутреннего империализма», а на стыке XIX–XX вв. стало рассматриваться задачей первостепенной государственной важности.

В данном отношении водворение и обустройство крестьян переселенцев в Степном крае, равно как и практические мероприятия чиновничества различных рангов, заметно стимулировались этим миссионерским, в сущности, имперским ощущением.

Используя прагматичную философию крестьянства, власти стремились не только к экономическому освоению новых территорий, но и присвоению таковых, прикреплению их к государственному ядру. Характерно, что в начале XX в., когда переселенческое движение приобретает повсеместный характер, идея «присвоения» включается в программные установки правых партий: «Переселенец делает пользу не только себе и своей семье, но и всему русскому государству. Переселяясь в Сибирь, он увеличивает ее русское население и тем самым закрепляет Сибирь за Россией, усиливает и укрепляет

оплот против желтого нашествия» [16, с. 11]. Естественно, что при этом партийные риторы педалировали идею активного участия народа в построении империи.

Имперские черты сознания, носителями которых на степных окраинах страны выступали крестьяне-переселенцы, в отдельных эпизодах приобретали агрессивные формы. Так, даже представители местной администрации, сориентированные центром на оказание содействия переселенческому движению, признавали, что прибывшие из России крестьяне настроены в духе насильственных захватов. В рапорте Петропавловского уездного начальника Акмолинскому губернатору отмечалось: «прибывшие из России крестьяне настроены вообще в духе насильственных земельных захватов, к этому следует отнести полное незнание киргизов, иного скотоводческого хозяйства, бытовых, а также исторических условий жизни и современного поземельного устройства. С точки зрения крестьянина-переселенца, «пустые» земли кочевников или «сомнительное» право «инородцев» могли стать оправданием для ограничения их землепользования. Существенно, что к этому присоединялся мотив социальной справедливости, якобы местные богатеи «злоупотребляют» своим положением «ради эксплуатации большинства» своих соплеменников [17, с. 54].

Примечательно, что если в локальных конфликтах, разворачивавшихся в ходе аграрной колонизации Степного края, переселенцы руководствовались миссионерскими, основанными на «монархических» убеждениях доводами, то представители коренного населения апеллировали своими историческими правами, которые базировались на «официальных грамотах», потерявших юридическую силу, но обосновывавших законность их проживания и кочевания.

Осознание исконности земельных прав у коренного населения Степного края довольно точно передал степной генерал-губернатор, который 17 июля 1899 г. докладывал министру внутренних дел: «...Отношение коренного населения оппозиционно и с неприязнью, все более и более развивающееся с течением времени, так как переселенческое движение все более и более продолжает затрагивать с невыгодной для киргизов стороны самые насущные их экономические интересы землепользования. Не удивительно при этом, что местные инородцы в переселенце видят не поучительного и будущего хозяйственного руководителя, а прямого врага, отнимающего насиженные истари киргизами места...» [18, с. 47].

В данной ситуации возникал уже не конфликт интересов, а конфликт культур и стереотипов поведения. Крестьянам казались дикими протесты кочевников в стеснении землепользования, они считали странным жалобы номадов – «пасти скот негде», когда везде была «безбрежная степь».

Если от «вторжений» крестьян можно было как-то защититься, то от действий межевых чиновников это сделать было невозможно, поскольку последние руководствовались буквой закона. В таких случаях власти обращались к практике «сгона» «инородцев» с территорий, вошедших в сферу межевания. Один из корреспондентов газеты «Омский вестник» данную акцию описал следующим образом: «...В мае текущего года сюда прибыл межевой чиновник и предложил киргизам выбрать для своих кочевий другое место... Предложение это на киргизов подействовало удручающе... если они выберут кочевья сами и как бы добровольно уйдут с занимаемого места, то казна не выплачивает им за оставленные им зимовки-избы. Ждать же, с другой стороны,

насильственного выселения (в этом случае казна выплачивает за зимовку их действительную стоимость) не выгодно в том отношении, что чиновники могут дать неудобную площадь земли, без воды и травы... Советников у них мало, большей частью русским киргизы не доверяют...» [12. Д. 7. Л. 4].

Показательно, что конфликты, обставленные несходством культурных типов земледельцев и кочевников, развивавшиеся в условиях имперской колониальной парадигмы, имели склонность к актуализации и обострению в связи с внешнеполитическими обстоятельствами. В частности, в 1899 г. в Китае началось восстание, вошедшее в историю как «боксерское» и имевшее антииностранный направленность [19, с. 87]. В ходе конфликта, когда военные действия достигли российской границы, в июне 1900 г. была объявлена мобилизация казачьих войск, в том числе и в Акмолинской области. Тогда был сформирован 7 тысячный казачий корпус, куда входили 2-я и 3-я Сибирские стрелковые бригады [20, с. 85].

Именно в этот период в Петропавловском, Омском и Атбасарском уездах Акмолинской области происходят события, свидетельствующие о явном обострении взаимоотношений между «иногородцами» и русским переселенческим контингентом.

Рапорты уездных начальников военному губернатору под грифом «совершенно секретно» в этот период наполнены опасениями прямого столкновения крестьян с киргизами. Так, в рапорте Омского уездного начальника от 7 июля 1900 г. указывалось: «Из происходивших и подслушанных разговоров я заключил, что как киргизы в степи, так и татары г. Омска очень враждебно относятся к русским, что ясно из того, что по отношению к русским слышатся угрозы...» [20, с. 85–86].

Значимым фактором, оказавшим влияние на конфликтный характер взаимоотношений конкурирующих локальных групп в регионе, следует назвать характер и подходы к организации переселенцами хозяйственной деятельности в регионе. А. А. Кауфман, полемизируя с корреспондентами «Русского вестника» о причинах подвижности российского крестьянства, полагал, что причина таковой заключалась не только в традиционном малоземелье, но и способе земледелия, при котором экстенсивные формы хлебопашества исторически становились неотъемлемой практикой в крестьянском производстве. Созвучны и другие мнения, свойственные оценкам деятельности переселенцев: «Алчное желание захватить лучший участок, боязнь остановиться на окончательном выборе, кипучая поспешность при бросании с одного не понравившегося места на другое» [21, с. 13], стремление «обольготиться» [22, с. 112], получить даровую землю и т. д. В практической плоскости имперская тональность с характерным восхищением «отвагой» первопоселенцев и их колониальной энергией сочеталась с негативными оценками самовольства, склонности к бродяжничеству, хищничества в отношении природных ресурсов и беспредела в эксплуатации туземного населения.

Имперские власти, столкнувшись в Степном крае с проблемой регулярной конфликтности, пытались предпринимать адекватные меры. Однако все решения носили паллиативный и несистемный характер, растворяясь в общей программе аграрной колонизации, ориентированной на «присвоение» региона и включение его в общеимперское пространство. Так, в отчёте военного губернатора Акмолинской области содержались сведения об устройстве в 1875 и 1876 г. мужских и женских интернатов для коренного

населения края, а также отданных распоряжениях об устройстве в мужских интернатах сельскохозяйственных ферм, на которые киргизские мальчики обучались бы хлебопашеству, огородничеству и разведению лесов. Однако цель, которую ставили перед собой организаторы, вряд ли могла в полной мере ликвидировать почву для возникновения конфликтных отношений: «...для проведения между киргизами русской цивилизации и сближения их с русскими, ... чтобы при помощи этих интернатов проводить в степях понятие о русском сельском хозяйстве [15. Л. 229–233 об.]».

По заключению В. А. Остафьева, опыт учреждения сельскохозяйственных школ и интернатов не мог быть положительным хотя бы потому, что сами слова «земледелец», «пахарь» в наречии коренных народов имели ярко выраженный негативный оттенок [4, с. 55]. Ситуация с распространением передовых земледельческих знаний в «инородческой» среде осталась неизменной и в начале XX в.

Таким образом, реализация имперского проекта аграрной колонизации Степного края осуществлялась во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях интенсификации переселенческого процесса, что инициировало активное практическое включение административных органов и аппарата чиновников в подготовительные мероприятия по образованию колонизационного фонда. Землеустроительные и межевые работы в регионе имели не только технический характер, но и важное идеологическое содержание, демонстрирующее признание империей доминантной роли крестьянства в аграрной колонизации степных территорий. Акцентуация имперских приоритетов значительно усиливалась в процессе изъятия так называемых «излишних» земель у коренного населения, что свидетельствовало о смене патерналистских принципов, собственнической политики в отношении организации быта и хозяйственной деятельности автохтонов.

В сложившейся обстановке крестьянство, невольно оказавшееся в роли своеобразного «представителя» интересов Российской империи в областях Степного края, получило серьёзные материальные и главным образом моральные прерогативы при обустройстве и водворении в регионе. С одной стороны, данный процесс способствовал лучшей организации практик вспомоществования переселенцам, являлся фактором примирения радикально настроенной народнической интеллигенции с государством, с другой – инициировал конфликты между мигрантами и «инородцами».

В экономическом отношении переселенческое движение в Степной край представляло собой традиционный опыт трансляции русским крестьянством стереотипов хозяйственного поведения с ориентацией на экстенсивные земледельческие практики, что приводило к регулярному воспроизводству поземельных конфликтов с «инородским» населением региона.

Сближение ареалов проживания и экономической деятельности русских новосёллов с коренными этническими группами края способствовало переходу конфликтов в социально-психологическую и культурную плоскость, когда и без того напряжённые отношения приобретали формы откровенного противостояния и вражды.

1. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / пер. с фр. Т. Н. Григорьевой. М. : Наталис, 2004. 287 с.

2. *Ремнёв А. В. Суворова Н. Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века : монография. Омск : Издат. дом «Наука», 2013. 248 с.
3. Азиатская Россия: в 3 т. с атласом (полный комплект). СПб.: Изд. Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. VIII, 576, II с.: ил., 69 л. ил., карт. Т. 2: Земля и хозяйство. [4]. 638 с.
4. *Остафьев В. А.* Очерк Акмолинской области // Сведения о Сибири. СПб., Б. м., 1897. 151 с.
5. *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация: [С прил.]. СПб.: Тип. т-ва “Общественная польза”, 1905. IX, 349, 81 с. : табл. Ч. 1. Государство и переселения. 1861–1894. Ч. 2. Переселения, их причины и значение для народного хозяйства.
6. *Сулейменов Б. С., Басин В. Я.* Казахстан в составе России. Алма-Ата : Наука, 1981. 247 с.
7. *Седельников Т. И.* Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб. : Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. 79 с.
8. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 19. Оп. 1. Д. 2.
9. Обзор Акмолинской области. За 1914 год. Омск: Электро-тип. Акмолинского обл. правления, 1915. 112 с.
10. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Акмолинской области. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902. 401 с.
11. ЦГА РК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 148.
12. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 116.
13. *Морозов А. А.* Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1900. Кн. XXVII.
14. ЦГА РК. Ф. 369. Оп.1. Кн. 2. Д. 3722.
15. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13315.
16. *Ухтубужский П.* Русский народ в Азии. I) Переселение в Сибирь. II) Жёлтая опасность / с послесл. В. М. Пуришкевича. СПб. : Тип. Т-ва «Свет», 1913. 99 с.
17. *Дуров А. В.* Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск : Тип. губернского правления, 1891. 60 с.
18. *Кабульдинов З. Е.* Казахи внутренних губерний России во второй половине XVIII – начале XX вв. (историко-демографический аспект). Павлодар : Изд-во ПГУ им. С. Торайгырова, 2002.
19. *Дююю Р. Э., Дююю Т. Н.* Всемирная история войн. СПб. : Полигон, 1998. Т. 3. 1118 с.
20. *Агафонов О. В.* Казачьи войска Российской империи. Калининград : Наука, 1995. 556 с.
21. *Шнэ В.* Переселение в Семипалатинскую область // Степной край. 1895. 19 окт. № 76. С. 8–22.

22. Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 22 марта 1861 г.) // Век. 1861. № 20. С. 101–112.

УДК 94(571) “19”+930.2

А. Г. Толкачева

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА ТОМСКА О ПРАЗДНОВАНИИ 300-ЛЕТИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ К РОССИИ

В статье анализируются публикации официальных периодических изданий Томска – «Томских губернских ведомостей» и «Томских епархиальных ведомостей» о праздновании 300-летия присоединения Сибири. Делается вывод о репрезентации изданиями даты и предмета празднования.

Ключевые слова: периодическая печать Томска, 300-летие Сибири, «Томские губернские ведомости», «Томские епархиальные ведомости».

A. G. Tolkacheva

THE OFFICIAL PERIODICAL PRESS OF TOMSK ABOUT THE CELEBRATION OF 300-YEARS OF SIBERIA

This article describes an analysis of the publications of official periodicals of Tomsk – “The Tomsk provincial sheets” and “The Tomsk diocesan sheets” about the celebrations of 3 hundred years of Siberia existence. The conclusion of degree of illumination of this event and its representation official periodical press.

Keywords: periodical press of Tomsk, 300-years of Siberia, “Tomsk provincial sheets”, “The Tomsk diocesan sheets”

300-летие Сибири – событие, достаточно освещаемое как на страницах столичной, так и местной периодической печати 1880-х гг. Актуальность его изучения сегодня проявляется в конструировании современной системы праздников не только в России, но и в Сибири. Официальной датой празднования Дня Сибири является 8 ноября, однако мало кому из жителей региона известно об этом празднике как о событии, имеющем историческое значение полтора века назад. Порой и вовсе сибиряки не знают, что такое событие имело место в истории региона.

Первые исследования, посвященные сибирской периодике, нашли отражение в работе Н. М. Ядринцева [1]. В книге «Сибирь как колония» Ядринцев выделяет целую главу, касающуюся литературы Сибири и ее периодики. В публикациях Л. Л. Ермолинского, Л. С. Любимова [2] рассмотрены основные этапы становления местной печати 1870–1880-х гг. На современном этапе данная проблематика затронута в работах С. И. Гольдфарба, Ю. Л. Мандрика, Н. В. Жилияковой, В. В. Шевцова [3].

Изучив работы исследователей, можно сделать вывод о недостаточной изученности региональной периодики. Особое внимание авторы исследований уделяют главной функции периодической печати – мировоззренческой, которая оказывала влияние на тексты, попадающие в газеты, а также на круг читателей. Современные исследователи делают заключение о социальном составе редакций, освещавших события. В основном в нее входили политические ссыльные (народники), а также местная интеллигенция (областники). Таким образом, сибирские газеты, в частности томские, носили общественно-политический характер.

Феномен юбилеямания как феномен культурной жизни России рассматривался в исследованиях К. Н. Цимбаева, Р. С. Уортмана, А. И. Буслаева, Н. Н. Родигиной, М. А. Коркиной [4]. По мнению исследователей, юбилеи принципиально отличаются от обычных ежегодных праздников тем, что заставляют выстраивать историческую перспективу. Празднование юбилейных дат давало людям надежду на решение актуальных политических, социальных вопросов. Юбилейным празднествам отводилось одно из главных мест в создании иллюзии благополучия как в стране, так и в регионе.

Сюжет празднования 300-летия Сибири и репрезентации праздника в периодической печати был освещен в работах А. В. Ремнева, М. В. Шиловского, Н. Н. Родигиной [5].

Проанализировав исследовательскую литературу, можно сделать вывод, что вопрос о формировании сибирской журналистики и работы по данному сюжету истории являются актуальными. Не все сюжеты сибирской журналистики изучены на данный момент, в частности, вне поле зрения исследователей остался сюжет об освещении 300-летия Сибири в официальных периодических изданиях Томска.

Цель данной работы – охарактеризовать публикации «Томских епархиальных ведомостей» и «Томских губернских ведомостей» о праздновании 300-летия Сибири и сделать вывод о репрезентации даты и предмета празднования в официальной периодике Томска.

Мною был осуществлен сплошной просмотр публикаций «Томских губернских ведомостей» и «Томских епархиальных ведомостей» за 1882–1883 гг. В результате просмотра было выявлено 7 публикаций, касающихся «сибирского юбилея». В сравнении с изученными мною ранее изданиями «Восточное обозрение» и «Сибирская газета», томские официальные издания характеризуются небольшим количеством публикаций (для сравнения: «Восточное обозрение» за 1882–1883 гг. о 300-летию Сибири – 15 публикаций, «Сибирская газета» – 12 публикаций).

«Томские губернские ведомости» – это первый официальный орган периодической печати Томской губернии, начало работы которого относится к 1857 г. Газета выходила еженедельно по пятницам и состояла из официальной и неофициальной частей. В официальной части размещались распоряжение губернского правления, ежемесячные сведения о делопроизводстве. Неофициальная часть содержала в себе известия и статьи о сельском хозяйстве, промыслах, торговле и частные объявления. Основными рубриками газеты являлись «Сибирская хроника», «Известия из России», «Известия из-за границы», «Разные известия», «Справочные известия», «Частные объявления». В 1882–1884 гг. «Томские губернские ведомости» редактировал Е. А. Корш. Отли-

чительной особенностью деятельности редакции в этот период времени стала борьба и конфликты с частной периодикой, которая начинает развиваться в Сибири. С этого времени изменился и внешний вид газеты, а также ее содержание. С 10 апреля 1882 г. неофициальная часть стала выходить отдельно от официальной. В данной статье будут использованы публикации неофициальной части издания.

300-летний юбилей присоединения Сибири к России, приуроченный ко дню тезоименитства наследника престола Николая Александровича 6 декабря 1882 г., нашел отражение на страницах официальной прессы Томска. В. В. Шевцов, исследуя связь между 300-летием присоединения Сибири и именинами наследника престола, делает вывод о том, что, скорее всего, династический и общегосударственный праздник позиционировался для Сибири как главенствующий, чем празднование самого 300-летия присоединения Сибири к России.

Первую публикацию о «сибирском юбилее» можно встретить на страницах газеты от 2 декабря 1882 г., она рассказывает о реалиях сибирской жизни [6]. Отмечается, что всеми от Тюмени до Владивостока празднуется 300-летний юбилей присоединения Сибири к России, проходят торжественные молебны и панихиды о покорителе Сибири Ермаке. В публикации поставлено несколько проблемных вопросов сибирской жизни: переселенческий, судебный, вопрос о ссылке. Автор статьи делает вывод о готовности Сибири к восприятию новых форм общественной жизни и призывает «слить Сибирь с Россией не только административной и политической связью, но и связью однородных учреждений, связью общего гражданского процесса».

В номере от 9 декабря 1882 г. можно встретить два упоминания о «сибирском юбилее». Первое находится в рубрике «Телеграммы», в которой представлена телеграмма из Иркутска, где сообщается о торжественном праздновании 6 декабря 300-летнего юбилея [7]. Сообщается о пожертвованиях предпринимателей Я. А. Немчинова и И. И. Базарова 150 000 рублей для дома умалишенных. Основной публикацией, сообщающей о 300-летнем юбилее Сибири, является заметка «Сибирский юбилей» [8]. Автор текста дает описание празднования 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России 6 декабря в Томске. Сообщается, что по этому случаю в зале Общественного собрания был собран общественный обед. С торжественной речью выступил томский губернатор В. И. Мерцалов. В своей речи Мерцалов выделяет Сибирь как отдельную страну, которая была покорена и завоевана Ермаком, называя Сибирь вольной и невольной колонией. Затем губернатор делает краткий экскурс в современное состояние Сибири, говорит о значимости праздника для всей Сибири; цитирует телеграммы, приходящие из Восточной Сибири (Иркутск, Енисейск, Тальменская волость). По окончании обеда была составлена и отправлена Государю Императору телеграмма, в которой на первом месте звучало поздравление с тезоименитством Наследника Цесаревича, а затем уже с 300-летним юбилеем присоединения Сибири к России. Следует отметить, что похожая информация опубликована и в частном периодическом издании «Сибирская газета».

Таким образом, проанализировав публикации «Томских губернских ведомостей», связанные с «сибирским юбилеем», можно сделать вывод об освещенности данного события на страницах неофициальной части издания. Предметом празднования авторы

издания называют присоединение Сибири, официальной датой празднования, к которой приурочены торжества в сибирских городах называют 6 декабря.

«Томские епархиальные ведомости» – местное официальное церковное издание, выходившее с лета 1880 г. по конец 1917 г. при Томской духовной семинарии. Прототипом для Томских епархиальных ведомостей послужили официальные издания губерний Российской империи – Губернские ведомости. В период с 1881 по 1904 г. редактором был назначен преподаватель Томской семинарии М. И. Соловьев [9]. Газета состояла из двух отделов: официального (включающего указы, епархиальные известия, циркуляры) и неофициального, где печатались статьи, некрологи, материалы по истории церкви, поучения, комментарии и рассуждения по поводу духовно-нравственных сочинений, объявлений [10].

Появление публикаций о «сибирском юбилее» на страницах издания относится к январю 1882 г. [11] К ним относится исторический очерк «Из истории распространения христианства в Сибири», опубликованный в номере от 1 января 1882 г. В публикации упоминается словосочетание «завоевание Сибири», а Ермак предстает перед читателями как «покоритель Сибири». Далее в тексте дается анализ истории христианства в Сибири.

На первой полосе в официальном отделе газеты в номере от 22 ноября 1882 г. можно увидеть «Определение Святейшего Синода» о праздновании 6 декабря 1882 г. 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России [12]. В определении сказано, что данная дата была выбрана по инициативе генерала Анучина, так как она наиболее приемлема для празднования и 6 декабря – это день святителя Николая Чудотворца, а значит, день тезоименитством Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича (Николая Александровича). В определении Святейшего Синода не допускается широкого празднования, в этот день только должны быть отменены занятия в учебных заведениях.

Большой исторический очерк «Завоевание Сибири и ее присоединение к России» располагается в трех номерах «Томских епархиальных ведомостей» от 22 ноября, 23 декабря и 24 декабря 1882 г. [13]. Основная цель данного очерка названа в номере от 22 ноября 1882 г. – в связи с празднованием 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России сообщить краткие исторические сведения об этом важном для нас историческом событии. В публикации дается краткий очерк биографии Ермака, сведения о Строгановых, о завоевании Искера и о многих событиях, связанных с Сибирью. В конце публикации в номере от 24 декабря 1882 г. делается вывод о том, что Ермак – покоритель Сибири, его дело не погибло, русские люди, прибывая на территорию Сибири, довершили покорение Сибири русской культурой.

В неофициальном отделе газеты в рубрике «Разные известия и заметки» от 24 декабря 1882 г. опубликована заметка «Празднование 300-летнего юбилея Сибири в городе Томске» [14]. Следует отметить, что похожая публикация встречается в «Томских губернских ведомостях», и в «Сибирской газете», что свидетельствует о том, что Томск являлся центром празднования данного исторического события. Стоит заметить, что сведения из официальных томских изданий не противоречат друг другу, но авторы публикаций делают акцент на разном: в «Томских губернских ведомостях»

акцент в публикации сделан на торжественном обеде и речи Мерцалова, а в «Томских епархиальных ведомостях» выделен список мероприятий, приуроченных к данной дате, с их кратким описанием. В 9 часов утра был совершен молебен в храме, затем в 12 часов – в мужской гимназии, после чего инспектором гимназии г. Бельдинским была прочитана речь о завоевании Сибири. В 14 часа состоялся обед, где была произнесена воодушевленная речь «начальника губернии». Во время обеда было сообщено о выделении стипендии имени Ермака для Сибирского университета (5 стипендий по одной на каждом факультете). В 9 часов вечера город был иллюминирован.

Таким образом, изучив публикации «Томских епархиальных ведомостей», можно сделать вывод об освещенности «сибирского юбилея». Отличительной особенностью данного периодического издания является то, что авторы публикаций при написании текста уделяют большое внимание истории данного вопроса. Кроме того, в одной из публикации история распространения христианства была переплетена с тематикой «сибирского юбилея».

Рассмотрев публикации официальных периодических изданий, касающихся 300-летнего юбилея, можно сделать общие выводы. Во-первых, прослеживается тенденция привязки даты празднования к тезоименитству Николая Александровича (6 декабря). Во-вторых, делается акцент на праздновании данного юбилея в Томске. Прослеживается стремление выделения Сибири, о чем свидетельствует употребление слова «страна» в публикациях как синонимичного слову «Сибирь».

Таким образом, проинтерпретировав публикации официальных провинциальных периодических изданий Томска о 300-летию Сибири можно сделать вывод о репрезентации данного праздника как официального, поскольку авторы изданий придерживаются официальной даты празднования – 6 декабря. Что касается предмета празднования, то официальные периодические издания называют в заголовках статей предметом празднования присоединение края к России. Нередко в текстах заметок и очерков употребляют такие словосочетания, как «завоевание Сибири», «покорение Сибири». Возможно, данная репрезентация связана с жестким административным контролем над изданиями и цензурой в конце XIX в. Делается акцент на праздновании данного юбилея в Томске. В большей части публикаций рассматривается история присоединения Сибири к России, а также современное состояние региона.

1. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. URL: <http://elib.ngonb.ru/jspui/handle/NGONB/22399> (дата обращения: 09.11.2016)

2. *Ермолинский Л. Л.* Сибирские газеты 70–80-х годов XIX в. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985 ; *Любимов Л. С.* История сибирской печати. Иркутск, 1982.

3. *Гольдфарб С. И.* Газетное дело в Сибири (первая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2003 ; *Мандрик Ю. Л.* Провинциальная частная печать: спорные вопросы периодики Сибири. Тюмень, 2007; *Жилякова Н. В.* История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 126–132;

Жилякова Н. В., Шевцов В. В., Евдокимова Е. В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания : учеб. пособие. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2015. Т. 1; *Шевцов В. В.* «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012.

4. *Цимбаев К. Н.* Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX– начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 454–484; *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М., 2004. Т. 2; *Буслаев А. И.* Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Родигина Н. Н., Коркина М. А.* Юбилей реформ Александра II как феномен общественной жизни России второй половины XIX в. // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сб. ст. (Санкт-Петербург, 14–15 марта 2011 г.). СПб., 2012. С. 53–57.

5. *Ремнев А. В.* 300-летие присоединения Сибири к России в ожидании «нового» исторического периода // Культурологические исследования в Сибири. 2007. №1(21). С. 34–50; *Шиловский М. В.* Празднование «сибирского дня» в дореволюционный период // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 12–15; *Родигина Н. Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006.

6. Трехсотлетие Сибири // Томские губернские ведомости. 1882. № 48. С. 982–984.

7. Телеграмма. Иркутск. 6 декабря // Томские губернские ведомости. 1882. № 49. С. 1010.

8. Сибирский юбилей // Томские губернские ведомости. 1882. № 49. С. 1010–1014.

9. *Алексеева Л.* Деятельность духовенства Томской епархии по сохранению исторического и культурного наследия в XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 28.

10. *Жилякова Н. В.* «Томск газетный». Становление и формирование системы газетной периодики дореволюционного Томска // Вестник ТГУ. 2009. № 323. С. 24.

11. Из истории распространения христианства в Сибири // Томские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С. 18–20.

12. Определение Святейшего Синода от 28 июля – 11 августа 1882 года за № 1528, о праздновании 6 декабря 1882 г., 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России // Сибирская газета. 1882. № 22. С. 649–650.

13. Завоевание Сибири и присоединение ее к России // Томские епархиальные ведомости. 1882. № 22. С. 648–650; № 23. С. 678–682; № 24. С. 700–703.

14. Празднование 300-летнего юбилея Сибири в городе Томске // Томские епархиальные ведомости. 1882. № 4. С. 704.

ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В СИСТЕМЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье исследована проблема развития казахского скотоводческого и земледельческого хозяйства в условиях аграрной политики царизма. Показано тяжелое материальное положение многих казахских семей, что было вызвано налоговой и земельной политикой царского правительства в регионе. В работе рассматривается проблема изъятия земли у кочевого населения для нужд переселенческой политики, а также отмечены закономерности обострения земельного вопроса и роста антиправительственных настроений среди казахского населения.

Ключевые слова: Западный Казахстан, переселенческая политика, Тургайская область, Уральская область, Внутренняя орда, Мангышлак, скотоводство, земледелие, казахи.

D. Y. Frizen

THE ECONOMY OF KAZAKHS THE WESTERN KAZAKHSTAN IN SYSTEM AGRARIAN POLICY OF RUSSIA (END XIX – EARLY XX CENTURIES)

This article studies the development of the Kazakh economy, animal husbandry and agriculture in conditions the agrarian policy of Russia. It has been shown difficult financial situation of many Kazakh families, which was connected with politics the tsarist in the tax and agrarian sector. The article showed, how the government to did confiscation the land, owned by Kazakhs. In this research were depicted causes of exacerbation land issue, and Increase in anti-government uprisings.

Keywords: Western Kazakhstan, resettlement policy, Turgay region, Ural region, Inner horde, Mangyshlak, cattle breeding, agriculture, Kazakhs.

В последние годы аграрный вопрос стал одной из актуальных тем, обсуждаемых в казахстанском обществе. Прошедшая в 2016 г. серия протестных выступлений, отмеченных в ряде городов, вызванная во многом активно муссируемыми в обществе разговорами о возможной продаже земли иностранным компаниям, показала, что для многих граждан это весьма болезненная тема. В свое время книга одного из исследователей переселенческой политики царизма в казахском крае Телжана Шонан-ұлы вышла под названием «Судьба земли – судьба страны» [1]. Подобное восприятие земельного вопроса в Казахстане во многом сохраняется до сих пор в сознании людей. В данном ключе историкам важно понять значимость аграрного вопроса в исторической ретроспективе, применительно к развитию страны. Так или иначе, но аграрный вопрос был и остается важнейшей составляющей социально-экономического развития Казахстана.

Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков прошло через процесс аграрной трансформации, когда под влиянием переселенческой политики царизма происходил переход кочевого населения к оседлости. Данная научная проблема неоднократно рассматривалась историками с различных позиций. В начале XX века некоторые исследователи отмечали позитивное влияние аграрной политики Российской империи на развитие казахских хозяйств [2–5]. Однако ряд авторов видели в данном процессе и негативные стороны, связанные с тем, что казахское население в результате земельных реформ беднело и разорялось [6–8]. В 1920–1930 гг. многие исследователи критиковали переселенческую политику царизма, осуждали Столыпинскую аграрную реформу и другие мероприятия царизма в земельном вопросе [1; 9–11]. В 1950–1980 гг. большинство ученых сходились во мнении, что переселение русских крестьян в казахский край носило в основном позитивный характер и способствовало развитию производительных сил в регионе [12–14]. После распада СССР мнения историков вновь разделились. Одни критиковали аграрную политику России в казахском крае, делая акцент именно на том, что это приводило к разорению казахских хозяйств [15–18]. Другие, напротив, видели в переселенческом движении и определенные позитивные стороны [19–21]. Полярность мнений ученых в данном случае объяснима, поскольку рассматриваемая тема является довольно сложной в теоретико-методологическом плане. Думается, что категоричность в данном случае, т. е. рассмотрение аграрной политики царизма в плане ее влияния на хозяйство казахов только лишь с отрицательной либо положительной стороны, не может быть признана обоснованной.

В XIX столетии на территории Западного Казахстана преобладало скотоводческое хозяйство. Многие казахские роды, относящиеся к Младшему жузу, кочевали, перемещаясь по сезонным пастбищам. Зимой казахи кочевали возле Аральского моря, на Мангышлаке, в районе рек Тургай и Ирғиз. Летом перемещались на пастбища вдоль рек Урал, Илек, Ор и др. При этом маршруты кочевков могли достигать 1000 и более километров. По словам А. И. Добросмыслова: «Скотоводство доставляет киргизу все необходимое: пищу (продукты убоя животных), питье (кумыс, кислое молоко), платье (кожи, шерсть), топливо (кизьяк), освещение (сало), жилье (войлочные кибитки), часть домашней посуды (сабы, турсуки), предмет заработка (извозный промысел), предмет меновой торговли, средство для передвижения, и, наконец, запасный капитал, сберегаемый про черный день» [22, с. 3]. Кочевники веками проживали на данной территории, сформировались постоянные маршруты кочевания.

В 1861 г. в России было отменено крепостное право. Но крестьяне не были наделены землей, так как ее нужно было выкупать, что многим крестьянским семьям было не под силу. Малоземелье, ухудшение материального положения приводили к постепенному росту недовольства среди крестьян. Для того чтобы решить проблему земельного дефицита, царизм принял решение о начале переселения крестьян на окраины империи, на малонаселенные территории. К началу XX века активизируется переселенческая политика царизма, и данный процесс активно затронул казахские степи. В 1896 г. было основано Переселенческое управление при Министерстве внутренних дел. В начале XX столетия был образован Тургайско-Уральский переселенческий

район. В годы Столыпинской аграрной реформы, переселенческое движение достигло своего апогея. Указ от 9 ноября 1906 г., оформивший процесс выхода крестьян из общины стал поворотным пунктом в процессе массового переселения крестьян, многие из которых направились в казахский край. В конце XIX века Западный Казахстан начал постепенно заселяться крестьянами-переселенцами. В 1880–1885 гг. в Тургайской и Уральской областях поселяются несколько российских семей, которым с разрешения губернаторов были выделены земли.

Постепенно численность переселенцев росла, они стали компактно расселяться на территории Кустанайского, Актюбинского, Уральского, Лбищенского уездов. Новопривышим крестьянам была нужна земля, и местные власти обращались в правительство с просьбой решить вопрос о наделении новых жителей региона земельными наделами. В 1895 г. Министерством земледелия и государственных имуществ была создана экспедиция по исследованию степных областей во главе с Ф. А. Щербиной. Экспедиция пришла к мнению, что значительные земельные массивы в казахской степи являются «излишками» и могут быть изъяты в переселенческий фонд. Однако на этих землях с давних пор кочевали казахи, и изъятие земель постепенно приводило к кризису кочевничества.

В начале XX века Кустанайский и Актюбинский уезды Тургайской области стали основным районом развития переселенческого движения. В 1902 г. в Кустанайском уезде было образовано 23 поселка с площадью 156 126 десятин. За период 1901–1904 гг. было образовано 98 переселенческих участков площадью 51 716 десятин [23, с. 5]. Местные чиновники активно приступили к изъятию земель у казахского населения и передавали ее в переселенческий фонд. В одном из аулов Илекской волости Актюбинского уезда у казахского населения было изъято 2400 десятин земли под предлогом возмещения убытков двух баев, пострадавших от изъятия их земельных владений [24, с. 109]. При этом царские власти пресекали попытки казахов вернуть изъятые земли. В 1912 г. Актюбинский уездный начальник докладывал Тургайскому губернатору о том, что в Аралтюбинской волости арестовано шесть казахов, пытавшихся оказывать сопротивление землемерам [24, с. 115–116].

Казахи пытались защитить свои земли от изъятия в переселенческий фонд. В 1907 г. казахи трех аулов Киньаральской волости Кустанайского уезда написали жалобу в уездное правление по поводу изъятия земель, на которых они кочевали. В подобных условиях чиновники местной администрации часто манипулировали земельными наделами. Например, в Уральском уезде из-за протеста казахов в 1907 г. один из проектируемых участков был отменен, но в то же время 1538 десятин было изъято и присоединено к соседнему участку [25, с. 90–92]. Данная политика способствовала росту недовольства кочевников. В отчете Тургайско-Уральского переселенческого района за 1906 г. отмечалось: «Враждебное отношение киргиз к работам, выразившееся в первые годы в форме ходатайств о прекращении работ постепенно переходило в неприязненное отношение к чинам партии, а в текущем году выразилось в активных действиях: разгоне рабочих, отказе в отводе кибиток, а один раз поставленная для топографа кибитка была даже разобрана...» [26, с. 6]. Борьба за землю обострялась, начинались столкновения между казахами и русскими крестьянами.

Между тем процесс изъятия земель у казахского населения набирал обороты. В Тургайско-Уральском переселенческом районе с 1893 по 1905 г. было изъято 1 024 412 десятин земли. Часть земель поступала также во владения казачьих войск. К 1917 г. во владении Оренбургского казачьего войска находилось 7,4 млн десятин земли, в Уральском войске было 6,4 млн десятин, в Астраханском – 808 тыс. десятин [27, с. 597]. Зачастую изымались также те участки, которые ранее не использовались непосредственно для земледелия, например, леса [28, с. 1–4]. Местная администрация следила за тем, чтобы переселенцы осваивали новые земли. Наделы, которые переселенцы покидали, один год считались свободными и затем вновь отдавались новым переселенцам. Самовольно оставившие свои участки переселенцы могли вновь устроиться на новом месте лишь с разрешения местного переселенческого ведомства [29, с. 64]. Процесс земельных изъятий не прекращался и в годы Первой мировой войны. По данным Переселенческого управления, на начало 1917 г. в казахском крае было свыше 30 000 000 десятин земли в качестве «излишков». В частности в Тургайской области было определено 5 274 933 десятин земли под «излишки», а в Уральской области – 1 313 427 десятин [30, с. 137].

Потеря кочевниками своих пастбищ тяжело сказывалась на их экономическом положении. Многие казахские хозяйства разорялись. В этом случае также стало ощутимым влияние налоговой политики царизма. Согласно административно-территориальным реформам 1868 и 1891 г. был введен налог с каждой казахской кибитки. Однако многие семьи не могли заплатить налоги и другие сборы. Они вынуждены были продавать последний скот и поэтому разорялись. Бедных, неимущих хозяйств было много [31, с. 97–101]. Ранее в период существования Казахского ханства, производимые поборы с населения в пользу ханов, султанов носили нерегулярный характер, в некоторой степени они были добровольными. Царизмом же была введена жесткая налоговая система. Однако суммы налогов и прочих поборов были неподъемными для многих хозяйств [32, с. 228]. «Еще большая беда для киргиза, – отмечает Э. Вульфсон, – что денег у него нет совсем: в степи рубль очень дорог» [7, с. 64].

Налоговая политика царизма, вкупе с другими социально-экономическими реформами, в особенности переселенческой политикой, легла тяжелым бременем на плечи казахских хозяйств. При этом начавшийся процесс изъятия казахских земель под видом «излишков» царизм пытался объяснить и с точки зрения закона. Согласно Временному положению об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях 1868 г. и Степному положению 1891 г., казахские земли были объявлены государственной собственностью. Поэтому царское правительство считало, что оно имело полное право распоряжаться данной землей по собственному усмотрению. Однако к разработке проектов данных реформ представители казахского народа не привлекались и их мнение не учитывалось. На этот существенный пробел указывал, например, Чокан Валиханов [33]. По словам Бахытжана Каратаева, известие о том, что казахи не являются собственниками земли, на которой живут, стало для них «ударом молнии в ясный день», полной неожиданностью и непониманием действий имперских властей [34, с. 29]. В связи с этим процесс земельных изъятий в казахской степи и наплыв переселенцев начали вызывать недовольство местного казахского населения,

что затем вылилось в восстание 1916 г. Одной из главных причин данного восстания стала переселенческая политика царизма, изъятие земель, что в значительной степени обострило земельный вопрос.

Помимо Тургайской и Уральской областей, тяжелое материальное положение отмечалось у казахов Внутренней орды и Мангышлака. В начале XX века во Внутренней Орде 30 % хозяйств считались бедными [12, с. 277]. К концу XIX века в Мангышлакском уезде к бедным слоям относились 76 % хозяйств [35, с. 250]. Процент зажиточных казахских хозяйств был довольно низким. В Уральской области хозяйств, где было свыше 100 лошадей, было всего 0,2 %, в Тургайской области – 0,8 % [31, с. 98–99]. Очень многие хозяйства имели в наличии лишь одну лошадь. Например, в Лбищенском уезде таких хозяйств было 45,6 %, в Темирском уезде – 48,7 %, в Уральском уезде – 42,6 %, в Актюбинском уезде – 34 %, в Иргизском уезде – 33,7 %, в Тургайском уезде – 21,7 %, в Кустанайском уезде – 13 % [31, с. 98–99]. По мнению ряда исследователей, занимавшихся изучением кочевого общества казахов, отдельной семье из 5–6 человек для безбедного существования было необходимо иметь минимум 15–20 лошадей и 100 овец [32; 36; 37]. Невысоким был процент хозяйств, имевших от 6 до 10 лошадей. В Лбищенском уезде – 5,6 %, в Темирском уезде – 5,1 %, в Уральском уезде – 8,6 %, в Актюбинском уезде – 8,5 %, в Иргизском уезде – 9,2 %, в Тургайском уезде – 15,7 %, в Кустанайском уезде – 18,6 %, в Кокчетавском уезде – 24,1 %, в Акмолинском уезде – 19 % [31, с. 98–99]. Были также хозяйства, вообще не имевшие скота. В Лбищенском уезде таких насчитывалось 2,9 %, в Темирском уезде – 1,1 %, в Уральском уезде – 1,2 %, в Актюбинском уезде – 0,7 %, в Иргизском уезде – 0,6 %, в Тургайском уезде – 0,1 %, в Кустанайском уезде – 0,2 % [31, с. 98–99]. То есть материальное положение основной массы казахского населения было довольно затруднительным. А в условиях постоянных земельных изъятий и, как следствие, сокращения пастбищ, положение кочевников продолжало ухудшаться.

Следует отметить, что помимо всего прочего, многие скотоводы несли огромные убытки в результате так называемых джутов (бескормица), когда в результате суровой зимы, частых сильных буранов, гололедицы, скот не мог прокормиться и начинал в большом количестве погибать от истощения. Например, во время джута зимой 1879–1880 гг. в Тургайском и Иргизском уездах погибло 59 % всего скота [6, с. 62]. Чтобы избежать губительных последствий джутов, некоторые хозяйства начали заготавливать сено на зиму, чтобы можно было в условиях суровой зимы подкармливать скот и не допустить его истощения. Однако многие кочевники не запасали сено, стремясь содержать его на подножном корме всю зиму.

Изъятие земель, рост числа переселенцев, развитие хлебопашества приводили к тому, что часть казахов переходила к оседлости, и занималась хлебопашеством. Первые зачатки казахского земледелия на территории Западного Казахстана относятся к концу XVIII – началу XIX вв. Вдоль реки Тургай и Иргиз некоторые казахские семьи сеяли просо, рожь, ячмень, а также выращивали бахчевые культуры [38; 39]. Более активно казахи Западно-Казахстанского региона переходят к земледелию во второй половине XIX века. При этом, как правило, земледелие было экстенсивным. В одной местности земля вспахивалась несколько лет подряд, а когда урожая становилось

меньше, данный участок оставляли и распахивали землю в другом месте. В отчете Тургайского военного губернатора в 1904 г. отмечалось: «Избрав обыкновенно для распашки наилучшие места среди ковыльных степей, киргиз производит на них посев два, иногда три года сряду. Используя окончательно эти места, он переходит на другие, каждый раз оставляя за собой голую бесплодную степь, надолго зараставшую бурьяном и только спустя 10–12 лет могущую быть вновь обращенной под посевы» [40, с. 3]. По словам Ф. А. Щербины: «Киргизы пахут там, где гуще и выше стоит растительный покров, и затем сеют на распаханном месте до тех пор, пока истощенная почва перестанет давать хорошие урожаи» [41, с. 124]. Помимо Актюбинского и Кустанайского уездов, земледелие начало распространяться в южных районах. Количество посевов в Темирском уезде Уральской области возросло в шесть раз, в Лбищенском уезде той же области – в два раза. В 1902 г. средний размер посева в казахском хозяйстве в Уральском уезде составлял 3,9 дес.; в Лбищенском – 1,2 дес.; в Темирском – 1,8 дес. [42, с. 20]. В Тургайской области в конце XIX века площадь казахских посевов возросла с 17 до 44 тыс. дес. [43, с. 331]. В этот период, ввиду роста числа земледельцев, многие казахи начали приобретать сельскохозяйственные орудия [44, с. 8]. Что касается Внутренней орды и Мангышлака, то в данных районах земледелие было развито очень слабо, ввиду отсутствия в большом количестве плодородных земель. Здесь были в основном пустынные и полупустынные территории, непригодные для земледелия.

В связи с ростом темпов земледелия некоторые казахские хозяйства начинали продавать часть урожая на местных рынках. В Актюбинском уезде наблюдалась тесная связь казахских хозяйств с хлебным рынком, что было обусловлено специализацией казахского земледелия на производстве проса. Производя для рынка просо, казахи-земледельцы в обмен приобретали необходимую для потребления пшеницу. В 1899 г. в Актюбинском уезде 17 396 казахских хозяйств продали 35,4 тысячи пудов пшеницы, 5,5 тысяч пудов овса, 1141 тысяча пудов проса [14, с. 404]. Увеличивались размеры казахского земледелия и в Уральской области. Например, в 1902 г. здесь было засеяно уральскими казаками 240 259,6 десятин земли, а казаками – 130 234 десятин [45, с. 3]. Казахские хозяйства приобретали плуги и косилки [46, с. 289]. Местные чиновники в данных условиях начали выдавать землю и казахам, которые переходили к оседлости. В 1914 г. для казахов было запланировано 23 участка для развития земледелия площадью 176 396 десятин [47, с. 146]. Однако темпы казахского земледелия были весьма неравномерны. Объяснялось это тем, что многие из них занимались земледелием, при этом не теряя связь со скотоводством. Для них земледелие было скорее дополнительным подспорьем к скотоводству. Так, в 1913 г. у казахов Уральского уезда даже произошло сокращение количества посевов на 39,4 % по сравнению с 1912 г. [48, с. 10].

Материальные трудности вынуждали многие казахские хозяйства искать дополнительные источники заработка. В этот период развивается отходничество, появляются различные промыслы: соляные, кожевенные, рыболовные и т. д. Основную массу рабочих составляли казахи, как правило, бывшие скотоводы, отправившиеся на заработки. Во Внутренней орде в 1910 г. уходило на заработки 23 709 человек. Из них на рыболовный промысел 12 541 чел; на соляные промыслы 1628 чел; на осуществление перевозок

с помощью скота 2364 чел; на сельскохозяйственные работы 7176 чел. Общая прибыль от промысловых занятий составила 10 726 рублей [49, с. 29].

Аграрная трансформация приводила к тому, что в Западном Казахстане сформировалась скотоводческо-земледельческая форма хозяйства. Многие казахские хозяйства помимо скотоводства, также занимались земледелием. Однако для большинства казахов, земледелие выступало в виде дополнительного заработка. Казахов, полностью перешедших к оседлости и ставших земледельцами, было немного. Именно поэтому аграрная политика царизма, выражавшаяся в изъятии казахских земель под видом «излишков», приводила к кризису кочевого скотоводства, разорению, обнищанию многих семей. В начале XX века в целом положение сельского населения в Российской империи было довольно сложным. Директор Департамента земледелия Н. А. Крюков отмечал: «...экономическое положение нашего сельского хозяйства самое безотрадное. Во всех странах сельскохозяйственных (Соединенных штатах, Австралии, Канаде, Аргентине, Новой Зеландии) деревенское население отличается зажиточностью; сельское хозяйство в этих странах настолько прибыльно, что от него имеются избытки и сбережения... У нас же сельское население не только не имеет сбережений, но просто зачастую не имеет достаточного пропитания; по всей Империи слышатся вздохи лишь о хлебе насущном. Нигде нет такой ужасающей бедности, нигде нет такой безысходной нужды, нигде нет столько горя, и нигде не льется столько слез, как в нашем несчастном Отечестве» [50, Л. 101]. Нужда, малоземелье, с этими проблемами столкнулись очень многие хозяйства. Ввиду разорения многих казахских семей возникла отдельная прослойка населения, которую называли «жатаки». Как правило, это были бывшие скотоводы, которые разорились и отправлялись на заработки в города либо к зажиточным русским крестьянам, уральским казакам и др. Численность жатаков росла, что говорило об ухудшении положения казахских хозяйств. К началу XX века практически во всех городах увеличился приток жатаков [51, с. 190].

Сложная социально-экономическая ситуация в казахском крае стала предметом дискуссии и в Государственной Думе, а также обсуждалась на страницах различных периодических изданий: «Казах», «Айкап», «Киргизская степная газета», «Уралец» и др. Представители национальной казахской интеллигенции А. Букейханов, М. Тынышпаев, Х. Досмухамедов, Б. Каратаев, А. Беремжанов и другие критиковали аграрную политику царизма, указывая на то, что это приводит к разорению казахов, обострению земельного вопроса, росту социальной напряженности в степи [52]. Бахытжан Каратаев выступая в Государственной Думе, заявил: «Пусть помнит Государственная Дума, что киргиз-кайсаки, которых обижают путем переселения на их земли крестьян ради защиты помещичьих интересов внутри России, интересов этих 130 тысяч помещиков, пусть она имеет в виду, что киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям, которые желают принудительного отчуждения частновладельческих земель для удовлетворения крестьянского земельного голода» [53, с. 108].

Итак, материальное положение большинства казахских хозяйств на рубеже XIX–XX веков было весьма сложным. Налоговая и земельная политика царизма приводила к обнищанию многих казахских семей. Изъятие земель способствовало сокращению кочевков, что, в свою очередь, становилось причиной кризиса скотоводческого хозяйст-

ва. Это еще больше ухудшало положение кочевников. В данном случае переход к оседлости казахов был в основном вынужденной мерой, потому что им уже некуда стало кочевать. К тому же местные чиновники часто изымали земли таким образом, что на пути кочевков казахов появлялись переселенческие поселки. Маршруты кочевания нарушались, скотоводы отгеснялись в южные засушливые районы. Кочевники, недовольные этим, стали нападать на чиновников, препятствуя работе земельных комиссий. В степи нарастала социальная напряженность, вылившаяся в народное восстание 1916 г., существенно пошатнувшее позиции царизма в казахском крае. Западно-Казахстанский регион менялся в экономическом плане, росло трудовое взаимовлияние русского и казахского народов, появилась сельскохозяйственная промышленность, развивалась торговля. Регион начал активнее включаться во всероссийский рынок. Постепенно казахи переходили к оседлости, начинали переселяться в города. Трансформировался менталитет кочевников, они приспособлялись к новым хозяйственным условиям. В этом случае наблюдался рост производства аграрной продукции. Таким образом, казахские хозяйства так же, как и крестьяне-переселенцы, внесли определенный вклад в социально-экономическое развитие региона.

1. *Шонан-ұлы Т.* Жер тағдыры – ел тағдыры. Алматы : Санат, 1995. 224 б.
2. *Хворостанский П.* Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 53–104.
3. *Гинс Г. К.* Переселение и колонизация. СПб., 1913. Вып. 1–2. 49 с.
4. *Кузнецов В.* К вопросу об экономическом положении переселенцев в Сибири и Степном крае // Вопросы колонизации. 1907. № 2. С. 136–143.
5. *Введенский В.* Переселение и аграрный вопрос // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 1–78.
6. *Аничков И.* Упадок народного хозяйства в киргизских степях // Русская мысль. 1902. № 5. С. 50–73
7. *Вульфсон Э. С.* Киргизы. М., 1901. 79 с.
8. *Шкапский О.* Некоторые данные для освещения киргизского вопроса // Русская мысль. 1896. № 6. С. 44–58.
9. *Асфендиаров С. Д.* История Казахстана (с древнейших времен). Алма-Ата Казахское краевое изд-во, 1935. Т. 1. 259 с.
10. *Тогжанов Г.* Казахский колониальный аул. М. : Краевое изд-во, 1934. Ч. 1.
11. *Швецов С. П.* Переселенческая колонизация // Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях (Природа и быт Казахстана). М., 1926. С. 106–113.
12. *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX–начала XX в. (1867–1907 гг.). Алма-Ата: Наука, 1963. 411 с.
13. *Кошкинбаева Т. А.* Развитие оседлости в казахском ауле в эпоху империализма // Исторические науки: тематический сб. науч. тр. Алма-Ата, 1975. Вып. 2. С. 38–45.
14. *Макаров И. Ф.* Казахское земледелие в конце XIX–начале XX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959. Сб. 3. С. 392–495.

15. *Исмагулов Ұ.Ш.* XX ғасырдың бас кезіндегі Батыс Қазақстандағы жер мәселесі (1900–1917 жж.): тарих ғыл. канд. ... дис. Алматы, 1995. 142 б.
16. *Әбенев Д. Қ.* XIX ғасырдың соңы XX ғасырдың басында қазақ жеріне орыс шаруаларының қоныстануы және оның зардаптары (Орал, Торғай облыстарының материалдары негізінде): тарих ғыл. канд. ... дис. Алматы, 2000. 150 б.
17. *Абдразаков Т. А.* Экономические последствия присоединения Казахстана к России. Караганда: Изд-во КарГУ, 1992. 96 с.
18. *Сариева Р. Х.* Колониальная политика царизма в Казахстане: на примере Тургайской области (1868–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 33 с.
19. *Токмурзаев Б. С.* Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 28 с.
20. *Быков А. Ю.* Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества: 1731–1917 гг. автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб, 2005. 50 с.
21. *Сорока Н. Н.* Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 35 с.
22. *Добросмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург : Тип. Н. П. Жаринова, 1893. 360 с.
23. Обзор Тургайской области за 1902 год. Оренбург, 1903. 41 с.
24. *Турсунбаев А. Б.* Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата : Казахстан, 1967. 483 с.
25. *Цабель Л.* Отчет по Тургайско-Уральскому переселенческому району за 1907 год. СПб., 1908. 288 с.
26. Отчет по Тургайско Уральскому переселенческому району за 1906 год. СПб., 1907. 72 с.
27. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 5 т. / под. ред. М. К. Козыбаева. Алматы : Атамұра, 2000. Т. 3. 768 с.
28. Материалы к изучению колониационных районов Азиатской России. СПб., 1911. 31 с.
29. *Воицинин В. П.* Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сб. законов и распоряжений. Петроград, 1915. 509 с.
30. *Большаков М. А.* Задачи и перспективы колонизации // Земельное дело. Сб. статей по вопросам земельной и сельскохозяйственной политики, экономики, техники и организации земельного дела, колонизации, переселения и земельного дела за границей / под. ред. М. М. Шульгина. М., 1923. С. 124–145.
31. Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков: материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата: Наука, 1980. 256 с.
32. *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы : Социнвест; М. : Горизонт, 1995. 320 с.
33. *Валиханов Ч.* Записка о судебной реформе // Валиханов Ч. Избранные произведения. М: Наука, 1986. С. 318–342.

34. *Каратаев Б. Б.* Обзор материалов из истории колонизации казахского края в связи с восстанием казахов Оренбургского края в 1869 году и в начале 1870-х годов / сост. Б. С. Абенова. Актобе : Т. Жанадилов, 2006. 322 с.
35. *Востров В. В. Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX начало XX вв.). Алма-Ата: Наука, 1968. 256 с.
36. *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII начале XX вв. (политико-экономический анализ). Алма-Ата: Наука, 1971. 633 с.
37. *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община (вопросы образования, эволюции и разложения). Алма-Ата: Наука, 1964. 207 с.
38. *Сейдалин С.* О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая // Записки Оренбургского отдела РГО. 1870. Вып. I. С. 234–257.
39. *Полферов Я. Я.* Земледелие в Тургайской области: очерк. Оренбург, 1896. 65 с.
40. Обзор Тургайской области за 1904 год. Оренбург, 1905. 22 с.
41. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область. Т. V. Кустанайский уезд. Воронеж, 1903. 633 с.
42. *Кауфман А. А.* К вопросу о колонизации Уральской области. СПб., 1903. 78 с.
43. *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб., 1906. 349 с.
44. *Седельников Т. И.* Борьба за землю в Киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб. : Дело, 1907. 84 с.
45. Обзор Уральской области за 1902 год. Уральск, 1903. 43 с.
46. Сельскохозяйственные условия Тургайско-Уральского переселенческого района и желательная постановка агрономической помощи переселенцам (по данным отчета, составленного агрономом г. Богданом) // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 280–299.
47. Обзор Тургайской области за 1914 год. Оренбург, 1915. 234 с.
48. Памятная книжка Уральской области на 1914 год. Уральск, 1913. 109 с.
49. Статистический обзор Астраханской губернии за 1910 год. Астрахань, 1911. 81 с.
50. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 43. Оп. 3. Д. 60.
51. *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. М. : АН СССР, 1957. 343 с.
52. *Аманжолова Д. А.* Казахский автономизм и Россия: История движения Алаш. М. : Россия молодая, 1994. 216 с.
53. *Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В.* Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законотворчества. М. : Русский мир, 1999. 520 с.

УДК 94(571.16)''1905/1917''

О. А. Харусь

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ВОПРОС В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ ЛИБЕРАЛОВ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

В статье раскрываются позиции либеральной общественности региона по переселенческому вопросу в начале XX века. Комплекс законодательных, административных, финансовых, организационных мер по регулированию переселенческого процесса был представлен в программных документах местных отделов октябристской и кадетской партий. Кадеты Сибири, избранные депутатами Государственной думы, принимали деятельное участие в обсуждении переселенческого вопроса с целью повлиять на законотворчество в этой сфере. Предлагавшийся либералами вариант «правильной колонизации» характеризовался сбалансированностью региональных и общегосударственных интересов и представлял собой опыт активной адаптации инициативного меньшинства к переселенческому процессу.

Ключевые слова: переселенческая политика, Сибирь, октябристы, кадеты, Государственная дума

О. А. Kharus

RESETTLEMENT ISSUE IN SOCIO-POLITICAL PRACTICES OF THE SIBERIAN LIBERALS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

The article describes the positions of the liberal community of the region on the issue of resettlement at the beginning of the 20th century. A set of legislative, administrative, financial and organizational measures was presented in declarations of the local branches of the Octobrist Party and the Constitutional Democratic Party. The Siberian Cadets that were elected into the State Duma actively participated in the discussion of the resettlement issue in order to influence legislation in this field. The project of the “smart colonization” offered by the liberals aimed to balance regional and nationwide interests and represented an experience of active adaptation of the initiative minority to the resettlement process.

Keywords: resettlement policy, Siberia, the Octobrists, the Cadets, the State Duma.

Высокая историографическая плотность проблематики, связанной с переселениями в Сибирь в начале XX века, не исключает возможности нахождения новых ракурсов в их исследовании. Широкие перспективы, в частности, открываются при обращении историков к выявлению и анализу общественно-политических настроений, порожденных переселенческим процессом и формировавших его специфический социокультурный фон [1].

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 20 № 14.В25.31.0009).

© Харусь О. А., 2017

Сложность структуры сибирского социума предполагает дифференцированный подход к реконструкции восприятия и оценки переселенческой политики различными группами населения. Объектом внимания в данной статье является либерально настроенная общественность региона, политически активные представители которой не только имели вполне определенную и четко формулируемую позицию по этому вопросу, но и предпринимали шаги для трансляции своей позиции властным структурам с целью корректировки их действий. Последнее обстоятельство дает основания для фиксации попыток активной адаптации к переселенческому процессу, выразившихся в стремлении к формированию альтернативного проекта инкорпорации региона в общеимперское пространство. Определение ключевых характеристик этой альтернативы призвано внести дополнительные штрихи в характеристику общественно-политического дискурса переселений начала XX века. Возможности для решения поставленной задачи обеспечены обращением к таким источникам, как программные документы сибирских отделов кадетской и октябристской партий, материалы местной либеральной печати, а также документы Государственной думы.

Подчеркнутое внимание либеральной общественности к переселенческому вопросу определялось признанием исключительной значимости аграрных преобразований в регионе, имевшем по сравнению с Европейской Россией еще большие основания именоваться «*мужицкой*» страной. «Крестьянин... является центральной фигурой экономической жизни Сибири. Его преуспевание и благосостояние знаменуют собой экономический и социальный прогресс края, его оскудение и разорение грозит оскудением всей Сибирской области, – писал профессор Томского университета, член кадетской партии М. Н. Соболев. – Поэтому нужды крестьянского населения, общественно-политические, юридические, экономические, должны составлять главное содержание назревших реформ в Сибири» [2, с. 1].

Исходя из того, что «земельный вопрос благодаря простору имеет для сибирского крестьянина второстепенное значение», основной акцент в решении аграрной проблемы либералы смещали на упорядочение системы землепользования. В числе приоритетных задач в этой связи намечалось устранение некоторых форм захватного землепользования и уничтожение возможности переселения посторонних лиц помимо воли общества [3]. Таким образом, упорядочение землепользования сибирского крестьянства напрямую связывалось с регулированием процесса переселения.

В разработанный с учетом специфики социально-экономического развития региона проект «аграрной программы для Сибири» октябристы Томска включили положение о необходимости предотвращения захвата переселенцами земель местных крестьян. С этой целью предлагалось законодательно закрепить права сельских обществ на прием членов, укрепить границы землепользования, передать землеустроительные чины из ведения министерств в подчинение и под контроль местных учреждений. Особо оговаривалась необходимость учета в землеустроительных законах специфики условий проживания и хозяйствования сибирских инородцев [4]. Основной же акцент в реализации переселенческой политики октябристы предлагали сделать на колонизации пустынных земель, отмечая при этом необходимость организации работ по проведению дорог, расчистке из-под леса, осушению и водоснабжению заселяемых местностей.

Проблема «правильного наделения крестьян землею» стала центральной и в предложенной томским отделом «Союза 17 октября» программе «удовлетворения нужд многочисленного крестьянского населения Томской губернии». Задача же «лучшего устройства переселенцев в Сибири без ущерба для местных крестьян» формулировалась в качестве важной составляющей в решении этой проблемы [5].

Намечая основные контуры аграрных преобразований в регионе, октябристы намеревались предотвратить формализацию переселенческого процесса и вместе с тем создать заслон «политике захватов и насилий». В неприятии принуждения как механизма реализации переселенческой политики с октябристами в полной мере солидаризировались кадеты, что объяснялось общей для сторонников либерализма приверженностью принципам поступательности, эволюционности легитимации общественных изменений. «Всякое принудительное правило в ведении сельского хозяйства принесет только один вред, убьет всякую самодеятельность и стремление к расширению и утверждению хозяйства», – подчеркивалось в листовке минусинской кадетской организации [6. Л. 1.]. Будучи убеждены в неприемлемости каких бы то ни было искусственно смоделированных вариантов социально-экономического развития, кадеты исходили из необходимости считаться с желаниями заинтересованных лиц. Предельно лаконично их кредо в этом вопросе сформулировал один из политических лидеров сибирских кадетов, Н. В. Некрасов в публичной лекции, прочитанной перед томичами 22 сентября 1912 г.: «Нельзя насиловать волю земледельцев. Вопросы землепользования должны решать сами земледельцы» [7].

По-видимому, этим же мотивом руководствовались кадеты Омска, включив в свою программу специальное положение, требовавшее «уничтожения насаждения в Сибири крупного частного землевладения» [8]. Законопроект П. А. Столыпина, предусматривавший внедрение института частной собственности в крестьянское землевладение, воспринимался сибиряками как неприемлемый и нереальный. В обоснование своей позиции они ссылались на неизученность земельных отношений в регионе и выражали уверенность в том, что всякая коренная попытка изменить существующие условия без предварительного скрупулезного исследования чревата крайне печальными последствиями [9].

Издержки реализации правительственной программы по переселению крестьянства воспринимались сибирскими кадетами, по-видимому, более обостренно, чем их идейными единомышленниками в Европейской России в силу самой направленности переселенческого потока и зримо ощущавшегося воздействия его на социально-экономическую ситуацию в регионе. При этом их протест вызывал не столько сам замысел переселенческой политики, сколько способ ее осуществления. Прежде всего кадеты считали весьма вредным заблуждением представление о Сибири как неисчерпаемом земельном фонде [10]. Такая исходная посылка при определении правительственного курса послужила, по их мнению, первопричиной «земельного расстройств», полученного вместо землеустройства [11]. Практика изъятия земель у старожилов для обеспечения переселенцев, как и расселения последних в местностях с неблагоприятными для ведения сельского хозяйства условиями, влекла за собой дезорганизацию аграрного производства, ухудшение материального положения крестьян, а в результате порождала социальную нестабильность.

В противовес правительственному курсу сибирские кадеты настаивали на осуществлении так называемой «правильной колонизации, вытекающей из общегосударственных интересов» [12]. «Правильная» колонизация ассоциировалась для местных либералов с регулированием переселенческого потока и разумным регламентированием его масштабов. Выражая уверенность в том, что переселение не спасет от всех аграрных недугов России, кадеты Иркутска подчеркивали: «Оно может быть полезно только в узких пределах – для такого числа переселенцев, какое может быть без затруднений перевезено по Сибирской железной дороге и какое отвечало бы тому количеству удобных переселенческих участков, которое может быть своевременно подготовлено в Сибири» [13].

С особым вниманием сибирские кадеты относились к защите интересов местного населения при осуществлении переселенческой политики. В разработанной красноярским комитетом партии народной свободы программе подчеркивалось: «Переселение ни в коем случае не должно ложиться бременем на местное население. Должны быть немедленно устранены все тяжести, лежащие на местное население, льготы же переселенцам подлежат отнесению за счет государства» [14. Л. 1].

В целом сибирские кадеты были убеждены, что искусственные меры, предусматривавшиеся столыпинской аграрной реформой, являлись экономически нецелесообразными и к тому же социально опасными. Делая ставку на «сильных и крепких» и игнорируя интересы «слабых и бедных», П. А. Столыпин, по их мнению, лишь усугублял характер социального переворота [15]. К расчетам правительства на создание в деревне оплота существующего порядка в лице мелких частных собственников они относились весьма скептически, считая более вероятными прямо противоположные результаты реформы. «Громадная армия безземельных составит действительную серьезную опасность общественному порядку и спокойствию, – предупреждали кадеты Томска, – и тогда исцеление этого грозящего бедствия представит несравненно большие затруднения, чем разрешение нынешнего земельного вопроса в интересах крестьянской массы» [16].

Опасения по поводу губительных как для региона, так и для страны в целом последствий переселенческой политики стали причиной активного участия сибирских депутатов, являвшихся членами кадетской партии, в обсуждении и разработке связанных с ней проблем в Государственной думе. Переселенческий вопрос неизменно занимал важное место в планах их думской деятельности. И если в I Думе ввиду чрезвычайной кратковременности депутатской деятельности представителям региона не удалось приступить к реализации этих планов, то уже во II Думе были намечены первые подступы к решению переселенческой проблемы: по инициативе кадетов был составлен запрос сибирских депутатов о незаконном сокращении землеустроительных работ в регионе в пользу землеотводных. Благодаря настойчивости сибиряков, доказывавших пагубность быстрого выселения на восток излишка населения из малоземельных местностей Европейской России, Государственная дума приняла формулировку с признанием мероприятий Главного управления по организации переселенческого дела «не обеспечивающими интересов переселенцев и нарушающими интересы коренного сибирского населения». В результате в президиуме Думы был поставлен вопрос о формировании особой думской переселенческой комиссии [17, с. 33].

Стремясь предотвратить ущемление интересов коренного населения в условиях планировавшегося широкомасштабного переселения крестьян из Европейской России, в III Думе кадеты прежде всего предприняли меры для упрочения своих позиции в составе комиссии, работавшей над правительственным законопроектом о землеустройстве в Сибири. Как значительный успех было воспринято местными либералами принятие на заседании Государственной думы 15 ноября 1907 г. предложения депутата от Енисейской губернии, кадета В. А. Караулова об увеличении числа членов комиссии по переселенческому делу за счет включения в нее представителей Сибири [18]. Помимо самого Караулова, занявшего пост товарища председателя комиссии, в её работе активное участие приняли кадеты А. А. Скороходов (депутат от Томской губернии) и Н. К. Волков (депутат от Забайкальской области).

Свои полномочия членов переселенческой комиссии Н. К. Волков и А. А. Скороходов использовали для обоснования отношения сибирских кадетов к правительственной политике землеустройства крестьян из Европейской России в восточных регионах страны. При обсуждении предложенного правительством проекта нового положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев сибирских губерний и областей они дали обстоятельную оценку негативных для коренного населения итогов переселения [19, с. 30]. Результатом их выступлений стало решение об отсрочке обсуждения законопроекта до созыва IV Государственной думы. Безусловно, этот скромный успех не предполагал принципиального отказа властей от проводившейся переселенческой политики. Однако кадеты утешали себя сознанием того, что «даже простая отсрочка в его [законопроекта. – О. Х.] осуществлении ничего кроме пользы сибирскому населению не принесет» [20, с. 58].

Прозвучало с думской трибуны и требование либералов сократить масштабы переселения. На заседании Государственной думы 10 ноября 1908 г. Н. К. Волков с цифрами в руках доказывал ограниченность площадей, свободных и пригодных к колонизации земель в регионе, и протестовал против планировавшегося отчуждения земель киргизского и бурятского населения. «Не обманывайте же... крестьян, не питайте их несбыточными надеждами о сотнях миллионов десятин сибирской земли, – призывал он депутатов. – А если вы действительно любите крестьян, так лучше послушайтесь советов слева и вотируйте за принудительное отчуждение... другого выхода нет» [21]. Впрочем, предложение поддержать принудительное отчуждение частновладельческих земель в устах члена кадетской партии, скорее всего, имело сугубо эмоциональный характер.

В качестве же рациональной альтернативы правительственному варианту переселенческой политики либералы рассматривали планомерное осуществление переселений по мере создания необходимых для этого предпосылок. При обсуждении в III Государственной думе вопроса о смете переселенческого управления Н. В. Некрасов от имени представителей Сибири заявил: «Мы считаем нужным ассигновать... все те кредиты, которые являются необходимыми для того, чтобы... стихийное переселение обратилось в планомерную и рациональную колонизацию Сибири... Нужно создать те культурные и экономические условия, при которых хозяйственная жизнь Сибири, жизнь как ее коренного населения, так и переселенцев, могла бы развиваться в культурной стране» [22].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в своем стремлении упорядочить и регламентировать переселенческий процесс либералы исходили не только из интересов населения региона, но руководствовались и соображениями общеимперского характера. На заседании Государственной думы в марте 1908 г. В. А. Караулов так прокомментировал позицию сибирской группы: «На переселение мы... смотрим с точки зрения государственной и протестуем не против самого переселения, а против способа переселения. Мы боимся, что обратное течение будет все возрастать и создаст очень опасный элемент» [23]. В этом заявлении явственно прозвучала характерная для либералов озабоченность обеспечением спокойного, без революционных потрясений течения общегосударственной жизни.

Позиции сибирских кадетов по аграрно-переселенческому вопросу в IV Думе в целом остались неизменными, но при этом обнаружилось явное усиление критического настроения в отношении переселенческой политики. Н. К. Волков, выступая при обсуждении переселенческой сметы, обращал внимание на плохую постановку дела по урегулированию земельных отношений старожильского населения Сибири с переселенцами, ярко выраженное недружелюбное отношение ведомства к сибирским инородцам, неправомерный захват киргизских земель и, как следствие, разорение киргизского населения. Особо подчеркивал он недопустимость отвода земель в Сибири под крупные частновладельческие хозяйства, ссылаясь при этом на незначительность запаса свободных и годных под переселение земель [19, с. 31].

Весьма критически восприняли сибирские депутаты и правительственный проект «Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев сибирских губерний». Его главную цель они усматривали в увеличении переселенческой емкости Сибири за счет уже занятых земель [19, с. 51]. В стремлении предотвратить крайне нежелательный сценарий развития переселенческого процесса либералы от критики перешли к непосредственному участию в законотворческой деятельности. Ряд поправок, которые внесли А. А. Дуров и Н. К. Волков, являвшиеся членами подкомиссии по рассмотрению правительственного проекта, был принят во внимание. В частности, удалось добиться некоторых гарантий против отвода переселенцам крупных земельных участков под частновладельческие хозяйства. Сибиряки сумели настоять на внесении в правительственный законопроект следующей поправки: «Количество укрепляемой по закону 14 июня 1910 г. в личную собственность земли в обществах, уже получивших поземельное устройство, ограничено размерами надела, причитавшегося в момент землеустройства» [19, с. 53]. Однако большая часть предложений сибирских кадетов была отклонена подкомиссией. Предостережения по поводу того, что обострение земельного вопроса в Сибири не может дать государству благих результатов, так и не были приняты во внимание ни правительственными кругами, ни думами.

В целом анализ общественно-политических практик либералов, связанных с рефлексией по поводу переселенческой политики, свидетельствует о постепенном переходе инициативного меньшинства от позиции критически настроенного наблюдателя, предупреждавшего о возможных негативных последствиях, к позиции активного участника поиска оптимального варианта организации переселенческого процесса. Не имея принципиальных возражений против переселенческой политики как таковой,

либералы предлагали более сбалансированный механизм её реализации, основанный на учете интересов как «принимающей» стороны, так и переселенцев. При этом стремление предотвратить нежелательные для региона социальные, экономические и политические последствия массовых переселений органично сочеталось с либеральным видением и пониманием государственных интересов, что позволяет сделать вывод о «встроенности» предлагавшегося варианта в общеимперский контекст.

1. Чуркин М. К. «Вынужденные путешественники»: переселения в Сибирь в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начале XX веков // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2015. С. 145–165.

2. Соболев М. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири. Б. м.: б.и., б. г. 14 с.

3. Сибирская жизнь. (Томск). 1906. 24 января.

4. Время. (Томск). 1906. 3 января.

5. Там же. 1906. 22 апреля.

6. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 64. Оп. 10. Д. 14.

7. Сибирская жизнь. 1912. 25 сентября.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 169. Л. 29.

9. Сибирь. (Иркутск). 1911. 9 января.

10. Красноярец. (Красноярск). 1907. 23 января.

11. Сибирская жизнь. 1912. 28 октября.

12. Там же. 1912. 6 января.

13. Сибирская заря. (Иркутск). 1907. 8 ноября.

14. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 211.

15. Сибирская жизнь. 1910. 28 августа.

16. Там же. 1907. 24 августа.

17. Сибирские вопросы. СПб. 1907. № 15.

18. Сибирская заря. 1907. 18 ноября.

19. Четвертая Государственная дума. Сессия первая. Фракция народной свободы в период 15 ноября 1912 г. – 25 июня 1913 г. СПб.: Т-во «Екатериногородское печатное дело», 1913. Ч. I. Отчет фракции. 80 с.

20. Третья Государственная дума. Сессия пятая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1911 г. – 9 июня 1912 г. СПб.: Т-во «Екатериногородское печатное дело», 1912. Ч. I. Отчет фракции. 91 с.

21. Речь. (СПб.). 1908. 11 ноября.

22. Там же. 1908. 30 марта.

23. Там же. 1909. 15 марта.

УДК 94 (47)

М. К. Чуркин

**АЗИАТСКАЯ РОССИЯ В КОЛОНИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
И ПРАКТИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. :
МЕЖДУ ПРОЕКТОМ «БОЛЬШОЙ РУССКОЙ НАЦИИ» И ИДЕЕЙ
КУЛЬТУРНО-РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

В статье на материалах либерального и национал-консервативного дискурса, реконструируются подходы представителей общества к задачам и перспективам колонизации восточных окраин империи во второй половине XIX – начале XX вв. Установлено, что наиболее рельефно оппозиции сторон проявились в обсуждении вопросов аграрных переселений и железнодорожного строительства, ставших реперными точками общественно-политического дискурса.

Ключевые слова: имперская политика, колонизация, аграрное переселение, железнодорожный дискурс.

М. К. Churkin

**ASIAN RUSSIA IN THE COLONIAL DISCOURSE AND THE PRACTICE
OF THE SECOND HALF OF THE XIX – THE START OF XX VV:
BETWEEN THE PROJECT OF THE «BIG RUSSIAN NATION» AND
THE IDEAS OF CULTURAL AND REGIONAL IDENTITY**

In the article, on the materials of the liberal and national-conservative discourse, the approaches of the representatives of the society to the tasks and prospects of colonization of the eastern peripheries of the empire in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries are reconstructed. It is established that the most prominent opposition parties showed up in the discussion of issues of agrarian resettlement and railway construction, which became reference points of socio-political discourse.

Keywords: imperial policy, colonization, agrarian resettlement, railway discourse.

Тема колониального дискурса в последние годы становится предметом пристального внимания историков, стремящихся выйти за пределы жёстких позитивистских параметров осмысления региональной истории, что открывает перспективы уточнения, а в отдельных случаях и переопределения роли правительственной бюрократии в реализации практических мероприятий власти, ориентированных на освоение новых территориальных пространств (завоевание, присоединение). По констатации А. В. Ремнёва, история восточных окраин в составе Российской империи не ограничивается только описанием истории колониальной эксплуатации, это ещё и длительный процесс их интеграции в единое административное, социокультурное и экономическое пространство. В этой связи, резюмировал историк, более продуктивным будет взглянуть на проблему как на процесс превращения этих территорий в периферийный регион, осмысливания их положения и перспектив в составе

Российской империи [1]. Существенным является и то обстоятельство, что дискурсивные практики империй вообще представляют собой сферу, в которой в наиболее верифицируемой форме проявляются культурные, идеологические, этические и эстетические ценности, понятия, нормы и конвенции империи в их целостном и взаимосвязанном варианте.

Основы колониального дискурса, сконцентрированного на определении места восточных окраин в составе России, а также условий, обстоятельств, методов и результатов инкорпорации отдалённой окраины в общеимперский конструкт, были заложены ещё в середине XIX века и озвучены С. М. Соловьёвым в короткой «Заметке относительно завоевания Сибири». В полемике с П. Н. Небольсиным и рассуждениях о форпосте русской колонизации в конце XVI века – Пермском крае, а также открывающихся перспективах завоевания сибирских земель, историк, во многом транслируя логику власти, отмечал, что «пустые пространства, которые давались для обработки и населения, не имели никакой ценности в глазах правительства...» [2, с. 695]. Это, казалась бы частное замечание, стало отправным моментом в формировании платформ, определении круга участников и предмета дискурса, оформлявшегося со второй половины XIX в., знаковую роль в становлении которого сыграли представители сибирского областничества. Актуализация колониальной проблематики пришлась на 1880-е гг., когда в преддверии празднования 300-летия присоединения Сибири к России противостояние сибирского областнического проекта (А. П. Щапов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и др.) и идеи создания теории «большой русской нации», высказанный М. Н. Катковым, перешло из латентной стадии в открытую. Ключевыми вопросами, наиболее рельефно отразившими конфликт национально-консервативной и либеральной парадигм общественно-политического дискурса, стали проблемы аграрно-земледельческого освоения восточных окраин, а также проектов и способов реализации железнодорожной политики империи в условиях азиатской периферии.

Проблема аграрной колонизации восточных окраин Российской империи в пореформенный период была тесным образом связана с широким спектром задач, направленных на решение вопросов по организации переселенческого дела, выбору контингента переселявшихся, являясь важной составляющей колониального дискурса. Отправной точкой в формировании представлений власти о перспективах и методах переселенческой политики стали события 1860-х гг. Причём если отмена крепостного состояния крестьян, легитимировавшая формальное равенство сословий, только обозначила возможные контуры аграрных переселений, то события 1863 г. на западных окраинах империи (восстание польской шляхты) сообщили колониальному дискурсу новые интонации и содержание, определив формат долгосрочной политики аграрных переселений.

Симптоматично, что рост миграционной мобильности крестьянства и расширение переселенческих практик по времени совпали с польским национальным движением начала 1860-х гг., которое вкупе с памятью о событиях 1830-х гг. вызывало серьёзные опасения у власти и национал-консервативной части общества, вылившиеся, по замечанию А. В. Ремнёва, в фобию сибирского сепаратизма [3. с. 12].

Необходимо отметить, что обострение политической обстановки на западных окраинах империи, с одной стороны, способствовало «консервации» вопроса о сибирском переселении, с другой стороны, в принципе актуализировало «окраинный» дискурс, запустив в действие механизм, обозначенный Х. Арендт в теории «колониального бумеранга» [4]. Другими словами, обсуждение на страницах национал-консервативных изданий (Московские ведомости, Русский вестник) проблемы польского сепаратизма, ставило имперскую администрацию в обстоятельства разработки такого варианта внутренней политики, который поспособствовал бы не только умиротворению западных окраин, но и исключил возможности автономистских рецидивов на окраинах империи в принципе.

По заявлению главного идеолога охранительства М. Н. Каткова, озвученному в передовой статье «Московских ведомостей», политические и вообще национальные интересы русского народа требуют, чтобы все люди империи равно чувствовали себя русским, а для этого нужно не переселение крестьян из одних губерний в другие, а общая неуклонно-национальная политика русского правительства [5, с. 470].

В отношении западных окраин, неуклонно-национальная политика русского правительства формулировалась как политика, ориентированная на распространение среднего и крупного землевладения. Риторика дискурса консервативных изданий 1860–1880-х гг. весьма показательна: «Все злоухищрения польской интриги утратили бы предмет, если бы большинство помесных дворян в главных пунктах края состояло из русских... Требовалось только обрусить русское землевладение в окраинных губерниях»; «Действительно, вопрос о землевладении в западном крае имеет великую важность. Пока почти весь землевладельческий класс здесь состоит из польского элемента» [5, с. 429]; «Чтобы обеспечить русское дело, надобно позаботиться о высшем, просвещённом и наиболее самостоятельном классе, а именно классе землевладельцев, позаботиться, чтобы в него вошло как можно более коренных русских элементов» [5, с. 430]; «Класс средних землевладельцев, составленный самим правительством... стал бы ядром русского землевладельческого класса... цель – разредить польский землевладельческий класс» [5, с. 431].

В определении принципов «окраинной» политики имперские власти исходили из твёрдого убеждения, в соответствии с которым территории пограничья являлись не колониями в общеевропейском смысле этого слова, а внутренними государственными территориями, требующими лишь «оцентрирования». Если в областническом сегменте колониального дискурса именно понятием «колония» определялась основная сибирская ипостась, то деятели правого спектра и имперские власти термина «колония» сознательно избегали, тем самым демонстрируя наличие общего знаменателя в реализации имперской политики как в западной, так и в восточной части государства.

Примечательно, что русификаторская модель тиражирования землевладельческих практик в западных губерниях оказалась отражена и в сибирском спектре колониального дискурса. В частности, статс-секретарь А. Н. Куломзин в письме к С. Ю. Витте аргументировал важность распространения частного землевладения в Сибири: «...целое множество примеров из прошлого колониационной политики и в том числе неудачная попытка в 1840-х гг. даровой раздачи казённых земель малоимущим дворянам,

указывает, насколько непригодным для колонизационных целей элементом являются малообеспеченные классы населения, не обладающие достаточными средствами для обработки земли. При насаждении в Сибири частного землевладения нужно стремиться к привлечению такого контингента лиц, который соединял бы знания улучшенных способов ведения сельского хозяйства и необходимый оборотный капитал [6. Л. 41 об.]. В Сибири не имеется вовсе образованных людей, крепких к земле в силу тесной связи с ней их личных материальных интересов. Класс интеллигентных землевладельцев, преимущественно из дворян, явится тем консервативным элементом, который всюду служит для государственной власти опорой для поддержания равновесия среди постепенно нарождающихся прогрессивных, но не всегда имеющих под собой твёрдую почву веяний» [6. Л. 42].

Однако реализовать на практике в условиях колонизации восточных окраин империи данный проект было проблематично по ряду оснований. Обширность сибирского колонизационного фонда ставила перед властными структурами прежде всего задачу заселения территории и увеличения плотности населения в крае, что было недостижимо посредством обращения только лишь к «услугам» малочисленного поместного дворянства. Наконец, внешнеполитическая ситуация на западных границах государства, превращала вопрос землевладельческой колонизации данной территории в первоочередной, абсолютно доминирующий, что исключало масштабность подобных мероприятий на востоке страны. Тем не менее шлейф сформулированного консерваторами и реализуемого властями политического курса, по крайней мере в «опереточном» варианте, получил некоторое распространение и в Сибири.

В этом, в частности, убеждает нетипичная для имперских переселенческих чиновников оперативная реакция на прошения и ходатайства круга лиц, именовавших себя дворянами-землепашцами. Можно говорить о том, что степень вовлечённости дворян-землепашцев (одnodворцев) центрально-черноземных областей в переселенческое движение, несмотря на ограничения, имевшие место именно в отношении данной категории мигрантов, была достаточно высокой, что подтверждается большим объёмом прошений и ходатайств, отложившихся в архивных фондах Российского государственного исторического архива [7]. Следует отметить, что потенциально одnodворцы, как четвертные и общинные, наиболее адекватно вписывались в общую миграционную парадигму, представлялись имперским властям вполне подходящим переселенческим элементом в силу исторически закреплённого колонизационного опыта [8, с. 225].

Весьма характерным можно признать замечание переселенческого чиновника, в котором в равной степени оказались запечатлены как специфические черты дворян-землепашцев, так и универсальные признаки крестьянской идентичности: «По складу своей жизни дворяне-землепашцы в большинстве случаев ничем от крестьян не отличались. Однако, в административном отношении они выделялись тем, что не участвовали в сельском и волостном общественном управлении, не несли мирских сборов и не отбывали натуральных повинностей» [6. Л. 81–82 об.].

Сложившийся в 1870-х гг. подход, сообразно с которым только та земля может считаться русской, где прошёл плуг пахаря, утверждался в колониальном дискурсе

с известными коррективами. Фактически до старта столыпинских аграрных мероприятий в определении контингента переселенцев высшая имперская власть придерживалась твёрдой позиции, в рамках которой преобладающее место в переселенческом движении должны были составлять состоятельные и среднесостоятельные крестьяне.

Для «продвижения» избранной концепции во властном сегменте колониального дискурса была выработана и соответствующая риторика, конструктивными элементами которой являлось, с одной стороны, признание за крестьянством права переселяться, с другой – предупреждения о возможных негативных последствиях этого акта. Общее отношение к крестьянским переселениям за Урал, ставшее фундаментальным принципом государственной политики в 1890-е гг. звучало следующим образом: «Предоставление освобождённому крестьянству широкой возможности переселения в Сибирь разовьёт среди них вредную подвижность и бродяжничество, с одной стороны, и предъявление «непомерных требований относительно пособий и ссуд» – с другой... Правительство признаёт это движение, допускает его при известных условиях, но не вызывает крестьян на переселение и, оказывая переселенцам лишь некоторое содействие, в то же время предоставляет им действовать за собственный их страх и риск» [6. Л. 201].

В вопросе о том, какой контингент крестьянства должен получать преимущество при переселении, между центральной и региональными властями сразу же возникли принципиальные разногласия: некоторые представители чернозёмного центра, в частности орловский, тамбовский и воронежский губернаторы, сочли переселение состоятельных крестьян из Европейской России нежелательным, полагая, что наиболее благоразумным было бы предоставить возможность переселяться в сибирские территории малоземельным крестьянам [6. Л. 2]. Показательно, что мнение региональных властей о предпочтении малоимущих переселенцев зажиточным также было неоднозначным. Представители Усманского, Шацкого, Липецкого и Кирсановского уездных комитетов Тамбовской губернии находили нежелательным оказание вспомоществования малоземельным крестьянам, шедшим на восточные окраины империи, при этом положительно оценивая потребность выселения за пределы губернии, а Бобровский и Острогожский комитеты Воронежской губернии выступили против привлечения средств сельских обществ к расходам на переселенческие нужды [9. Л. 239]. Особую позицию заняли оба сибирских губернатора (томский и тобольский), выразившие опасение, что условия жизни и ведения хозяйства в Сибири недостаточно «заманчивы» для зажиточных крестьян, а «количество удобных для культуры земель в Сибири значительно меньше, чем вообще полагают, что требует бережливости в расходовании имеющегося запаса на случай более настоятельных государственных потребностей в земле при дальнейшем устройстве быта малоземельных и безземельных крестьян» [10. Л. 2]. Работавшее в феврале-марте 1894 г. при МВД Особое совещание для обсуждения некоторых вопросов переселенческого дела в составе товарища министра внутренних дел Сипягина, управляющего земским отделом Стишинского, его помощника Гиппиуса, а также двух чиновников особых поручений и шести губернаторов, в конечном итоге решило, что заселение района Сибирской железной дороги исключительно состоятельными крестьянами невозможно, что переселение может быть разрешено, но отнюдь не поощряемо правительством [11, с. 112].

В значительной мере фрагментарная, с оговорками переориентация имперской администрации в выборе круга переселенцев от состоятельным к малообеспеченным объяснялась фактором железнодорожного строительства. Общеизвестно, что затраты на проведение рельсового пути в Сибирь были колоссальны. Сибирская магистраль строилась на средства казны и к 1914 г. на нужды железнодорожного строительства была израсходовано около 1,5 млрд рублей. Железные дороги Сибири фактически до 1908 г. работали с убытком, являлись нерентабельными, и, чтобы добиться окупаемости огромных затрат, власти были прямо заинтересованы в скорейшем заселении вновь осваиваемых местностей и включении их в сферу экономического влияния Российской империи.

Тем не менее в 1890-е гг. и в начале XX столетия в организации переселенческих практик власть стремилась к последовательности действий, по-прежнему выделяя первенствующую роль состоятельной части крестьянства в миграционном процессе. В данном контексте в 1894 г. Комитет Сибирской железной дороги при содействии Министерства внутренних дел был принят ряд постановлений, имеющих силу закона: выработаны правила, согласно которым разрешения на переселения предоставлялись только тем крестьянским хозяйствам, которые располагали достаточным количеством средств (300–500 рублей).

В русле традиционного видения переселенческой проблемы министром внутренних дел в 1903 г. были даны соответствующие указания губернаторам, где, в частности, говорилось, что «разрешение на переселение предоставляется Губернским присутствиям с тем, чтобы право на переселение распространялось только на тех лиц, которые обладают средствами в размере не менее 300 руб. на семейство, за покрытием расходов по переезду и продовольствию...» [12, с. 108]. Опасения властей относительно непригодности малоимущей части крестьянства в качестве переселенческого элемента подтверждались частыми случаями массового разорения этой категории крестьянства и их «непомерными требованиями пособий и ссуд» [12, с. 106]. Так, в 1903 г. крестьянский начальник Каинского уезда Вознесенской волости Томской губернии в сообщении губернскому начальству об урожае хлебов и трав во вверенной ему местности отмечал, что «запаса сена почти нет, вследствие крайнего обленения крестьян, ожидающих пособия от казны» [13, с. 94].

Анализ данных материальной обеспеченности крестьянских хозяйств, решившихся на переселение, позволяет констатировать, что, во-первых, в отношении общей массы крестьян-мигрантов из Европейской России обнаруживается устойчивая тенденция к стабильному увеличению процентного состава категории переселенцев, располагавших суммами от 100 до 300 рублей. Данная группа переселенцев, составлявшая в 1880-е – начале 1890-х гг. порядка 5,6 % всех выселяющихся, выросла к началу XX столетия до 45,0 % (по некоторым данным до 60,0 %); во-вторых, к разряду показательных следует отнести и сведения, демонстрирующие динамику движения малоимущих переселенцев, число которых в переселенческом потоке постоянно снижалось: 60,0 % в 1882–1892 гг.; 25,9 % в 1894 г.; 20,0 % в 1900 г.; 15,5 % в 1906 г.; в-третьих, практически неизменным оставался слой переселенцев среднеобеспеченных, достаток которых определялся средствами от 50 до 100 рублей: в 1882–1892 гг. – 25,4 %; в 1894 г. – 19,5 %; в 1900 г. – 25,1 %; в 1906 г. – 24,3 % [14, с. 250].

Изучение денежного достатка переселенцев Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской губерний, ставших главными агентами переселенческого процесса, показало, что общее количество крестьянских хозяйств, имеющих денежные средства, вырученные от продажи имущества на родине (до 250–300 рублей) в 1880-е гг. было значительно большим, чем по Европейской России в целом: 88,0 % против 8,0 %. Обращает на себя внимание высокий процент крестьянских хозяйств, выходцев из чернозёмных губерний, направлявшихся в Тюкалинский уезд и располагавших денежными средствами от 250 рублей и более. Таковых среди переселенцев, пришедших в уезд до 1882 г., насчитывалось 78,9 % от общей массы. До 1886 г. переселенцы этой группы составляли решительное большинство среди мигрантов указанного направления – в среднем около 68,8 % [14, с. 250–251].

Таким образом, определение состава сибирского переселенческого потока, было связано непосредственно с общим вектором «внутренней» колонизации окраин и соединено с решением узловых проблем колониальной политики империи: урегулированием польского вопроса, преодолением сепаратистских настроений, и тем самым обеспечением государственной безопасности. Реализация указанных задач, запечатлённая в колониальном дискурсе второй половины XIX – начала XX вв., определила содержание переселенческой политики, выбравшей, с отмеченными коррективами, в качестве основного субъекта колонизации фигуру состоятельного и среднесостоятельного крестьянина.

Вопросы, связанные с железнодорожным строительством, органично вплетались в общую канву националистического дискурса и господствующей теории «большой русской нации», составляя единый блок с переселенческой проблематикой. Активизация обсуждения на страницах «Русского вестника» и «Московских ведомостей» железнодорожного дела с выходом на вопросы колонизации произошла в 1883 г. со скромной, однако весьма содержательной заметки «Плохое состояние нашего железнодорожного хозяйства», в которой М. Н. Катковым были обозначены основные имперские приоритеты: «Мы не раз высказывались по поводу непосредственного подчинения железных дорог правительственной власти с устранением господствующего на них произвола частных компаний...» [15, с. 210]. Обретение железной дорогой правительственного статуса, как полагал М. Н. Катков, приведёт к тому, что «рельсы вслед за штыком должны завершить политическое сплочение» [16, с. 367].

С 1884 г. железнодорожная тематика «дрейфует» в сибирском направлении, а тон публикаций становится более агрессивным, что объяснялось полемичностью вопроса о направлениях строительства Сибирской железной дороги: «Из Петербурга идут опять недобрые вести на счёт злополучной Сибирской железной дороги. Сибирь называют «золотым дном», но пока мы десятки лет думаем и решаем, в каком направлении вести сибирскую железную дорогу, иностранная промышленность спешит завладеть этим «дном». Направляя железную дорогу на Нижний, Казань, Екатеринбург, мы соединяем Камско-Волжский край со всею Россией!!!» [15, с. 211]. Показательно, что в 1884 г. «Московские ведомости» опубликовали общим числом 12 статей, в которых авторы так или иначе обращались к теме перспективы сибирской железной дороги [16, с. 367]. Наконец, в 1886 г. русские националисты, окончательно определили своё отношение

к дорогам с точки зрения вовлечения окраин в имперское поле: «У нас в последнее время очень много писали о стратегических железных дорогах... Установился взгляд, что стратегическая дорога есть дорога бездоходная; но доходные дороги, по которым из центра к окраинам двигаются массы товаров, они-то и есть самые стратегические [17, с. 495]. При этом следует отметить, что с ростом переселенческого движения менялись и интонации в консервативном сегменте дискурса. В частности, М. Н. Катков, заочно полемизируя с лидерами сибирского областничества, в одной из передовиц приходит к выводу, что Сибирская железная дорога, по всей видимости, единственное средство для теснейшего соединения политических и экономических центров России с восточной окраиной, что само по себе «выводило» рельсовый путь за рамки военно-стратегических планов и задач транспортировки грузов. Если в начале 1880-х гг. в газетных публикациях речь ведётся в основном о необходимости поднять производительность богатого и ещё непочатого края [15, с. 170], то к середине 10-летия обнаруживается озабоченность идеологов власти вопросом перевозки пассажиров: «Много серьёзнее другая сторона дела – отсутствие у нас 4 класса в пассажирском движении, необходимого для того, чтобы услуги железной дороги были доступны не одним состоятельным слоям общества, но и массам рабочего населения [15, с. 230]. И подводя итог: «Железная дорога, это новейшее средство стянуть империю и нацию стальными нитями, нужна, прежде всего... для соединения главного средоточия Русской земли с ее восточную половиной» [15, с. 230–231].

Наряду с признанием важности строительства сети железных дорог в России, в частности Транссибирской магистрали, в общественном мнении присутствовало и сдержанное отношение к перспективам проложения рельсового пути. Процесс разработки и оглашения проектов сибирской железной дороги пролонгировался более чем на 20-летний срок, вызывая ожесточенные споры. Дискуссия показала, что освоение сибирских богатств – тернистый путь, и у реализации идеи строительства в Сибири железной дороги немало противников, в том числе в столичных кабинетах. Одни, как князь Мещерский, просто не видели необходимости в освоении Сибири, с пренебрежением относясь к этой общегосударственной задаче (князь с презрением писал, что «один Невский проспект по крайней мере в пять раз ценнее всей Сибири»). Корреспондент издания «Гражданин», редактируемого Мещерским, отмечал, что вопрос о постройке сибирской железной дороги вызван не настоятельными нуждами государства, а тщеславием и готовностью сибирских газет придавать преувеличенное значение Сибири и её производительным силам. Сибирская железная дорога желательна для военных чинов и купечества и бесполезна для 999 из 1000 человек местных обывателей, и, безусловно, вредна для государства во всяком смысле» [18, с. 6].

Сложную и противоречивую позицию в данном вопросе занимали идеологи и деятели сибирского областничества. Во многом под влиянием правой публицистики сформировался устойчивый стереотип об отрицательном отношении теоретиков и практиков областничества к железнодорожному строительству и, в частности, возведению Транссибирской магистрали. Так, М. Н. Катков, в полемике по вопросу строительства первого университета за Уралом писал, что об этой (железной) дороге сибирские «колонисты» и слышать не хотят. Однако вопрос о железнодорожной

магистрала в сибирском областническом дискурсе имел двухуровневое наполнение. Областники, рассматривая Сибирь в качестве колонии России, видели в железной дороге путь, ведущий к еще большей экономической зависимости Сибири. Видный областник Н. М. Ядринцев утверждал, что постройка дороги будет «последней ликвидацией богатств края». Областники говорили о том, что это не «сибирская» железная дорога, а дорога «через Сибирь», опасались нашествия хищнической «железнодорожной цивилизации», к чему не готово сибирское общество. На страницах главного областнического издания, газеты «Восточное обозрение», Н. М. Ядринцев писал: «Если железные дороги покрыли сетью Европу и окупают себя, то выгоды «стальной сети» в Европейской России не везде оправдались и во многих местах сомнительны. Весьма важно определить культурную границу этой стальной сети в данную минуту, сообразно культурному уровню и промышленному развитию каждой страны» [18, с. 6–7].

Очевидно, что в отношении областников к практическим действиям, связанным со строительством Транссиба, присутствовало две позиции.

Во-первых, в областническом дискурсе центральное место всегда занимало понятие «колония», как определение основной сибирской ипостаси. В противовес областникам, деятели правого спектра и имперские власти термина «колония» сознательно избегали, поскольку восточные окраины империи воспринимались империей как естественное продолжение территорий метрополии, которые лишь должны быть «оцентрированы». В подобном контексте строительство магистрала становилось способом инкорпорации Сибири в «общегосударственное тело» со всеми негативными последствиями (ресурсная эксплуатация, абсолютная зависимость региона от центра).

Во-вторых, в общественном сознании деятели сибирского областничества слишком огульно позиционировались и позиционируются исключительно как сепаратисты и антиколониалисты. Тем более, что размышления о колониальной политике и роли железных дорог Н. М. Ядринцева вполне опровергают этот взгляд. Полемизируя с «Гражданином» Ядринцев категорически отрицал вредность и бесполезность Транссиба для региона [18, с. 8]. Возражая против огрубления их позиций, Н. М. Ядринцев разъяснял: «Представьте невежественную территорию обособленной, она более проиграет, чем выиграет за неимением сношений. Связь колоний с метрополией имеет поэтому свой смысл, и чем колония неразвитее, тем потребность в этой связи должна быть сильнее. Невежественная страна умрет с голоду, погрузится в застой, она станет Монголией, Китаем...» [18, с. 8]. Определяющим пафосом областнической риторики являлось стремление доказать необходимость создания общественных условий для начала «железнодорожной эпопеи»: «...доказательством нашего неразвития служит то, что общество мало заботится об образовании своих членов... у нас в редких городах библиотеки, а ежели и есть, то не поддерживаются, в наших городах нет книжной торговли, и во всей Сибири только в Иркутске – один книжный магазин... частных типографий нет... наши кожемяки, при всей своей расточительности, не подумали создать что-нибудь вроде журнала или книги. Страна, обладающая пространством в 280 тыс. квадратных миль, 4 млн жителей, не имеет университета...» [19, с. 18].

Г. Н. Потанин, в частности, писал, что установление единства в системе управления обеими этими русскими территориями – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русской страной, но и органической частью государственного нашего организма в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения. Лишь после необходимо окончательно закрепить связь Сибири с европейской частью России железнодорожным путем, пролегающим через всю сибирскую территорию. Тогда само собою, совершенно естественно установится должный прилив населения из Европейской России в Сибирь, и обилие естественных богатств сибирских получит соответствующий сбыт на русском и западноевропейском рынках. Только при этом условии и может явиться для Сибири возможность оправдать свою старинную репутацию «золотого дна» [20, с. 31–48]. Тем самым, речь шла о сложности, ступенчатости и неоднозначности в понимании областниками роли железной дороги.

Подводя общий итог, отметим, что в российском обществе пореформенного времени сложился двойственный подход к постановке задач и оценке перспектив колонизации азиатской части империи, отразившийся в либеральном и национал-консервативном сегменте колониального дискурса. Идеи безопасности империи, озвученные в изданиях «охранительного» толка, оказались созвучны концепции «внутренней колонизации», ориентированной на имперское доминирование, «освоение» территорий и населения – государственных субалтернов. Тем не менее усилиями либеральной интеллигенции данный процесс существенно корректировался, что находило отражение в относительно «мягких» подходах к реализации переселенческих программ и проектов железнодорожного строительства в колонизируемом регионе.

1. Ремнёв А. В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // Сибирская заимка. URL: <http://www.nsu.ru> (дата обращения: 22.09.2014).
2. Соловьёв С. М. Заметка относительно завоевания Сибири // Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времён. Т. 5–6. М.: Мысль, 1988.
3. Ремнёв А. В. Призрак сепаратизма // Родина. М., 2000. № 5. С. 10–17.
4. Arendt H. Men in Dark Times. Orlando, 1968. FL. Harcourt.
5. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1865 г. М.: Изд. С. П. Катковой, 1898.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 388.
7. См. РГИА. Ф. 379, 391.
8. Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежском крае // Записки Географического Общества 1857. № XII. С. 222–227.
9. РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 10.
10. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5281.
11. Тихонов Б. В. Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг. // История СССР. 1977. № 1.

12. *Кауфман А. А.* Земельный вопрос и переселение // Сибирь. Её современное состояние и её нужды. СПб. : Изд-во А. Ф. Девриена, 1908. 294 с.
13. *Кауфман А. А.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб. : Тип. Я. Е. Либермана, 1889.
14. *Чуркин М. К.* Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
15. *Катков М. Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1883. М. : Изд. С. П. Катковой, 1898.
16. Цит. по: *Шенк Ф.-Б.* Imperial inter-rail: Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* : сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вильпиус, Алексей Миллер. М. : НЛО, 2010. С. 354–381.
17. Современная летопись: Меры против наплыва русского элемента в Привислинский край // *Русский вестник*. 1886. Т. 182.
18. Цит. по: *В-н Л.* Прошлое и настоящее вопроса о сибирской железной дороге // *Северный вестник*. 1892. № 10.
19. *Ядринцев Н. М.* «Я сын девственной и могучей страны...» : сб. статей, очерков, фельетонов Н. М. Ядринцева. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004.
20. *Потанин Г. Н.* Завоевание и колонизация Сибири // *Живописная Россия*. 1884. Т. 11.

УДК 371.15

Н. И. Чуркина

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье проводится анализ особенностей становления педагогического сообщества Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. через изучение его взаимосвязи и взаимовлияния с дискурсивным пространством региона. Проведенный теоретический обзор подходов к таким категориям, как «дискурс», «дискурсивное пространство», «профессиональное сообщество» и соотнесение их с историческим контекстом позволил сделать вывод о тесной связи и взаимовлиянии процессов оформления профессионально-педагогического сообщества и дискурсивного пространства региона.

Ключевые слова: педагогическое сообщество, Западная Сибирь, дискурс, дискурсивное пространство, педагогическое образование.

PEDAGOGICAL COMMUNITY IN THE DISCURSIVE SPACE OF WESTERN SIBERIA (SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)

The article analyzes the peculiarities of the formation of the pedagogical community of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries. through the study of its interconnection and interaction with the discursive space of the region. The theoretical review of approaches to such categories as “discourse”, “discursive space”, “professional community” and their correlation with the historical context made it possible to draw a conclusion about the close connection and mutual influence of the processes of registration of the professional and pedagogical community and the discursive space of the region.

Keywords: pedagogical community, Western Siberia, discourse, discursive space, pedagogical education.

Профессиональные сообщества исследователи относят к важным составляющим общественного устройства, состоящим из «лиц одной профессии, объединенных сходными знаниями и навыками, осознающих общность профессиональных интересов» [1, с. 60]. Историк Б. Н. Миронов относит к признакам группы: обособленность группы в обществе, наличие совместной социальной деятельности, определенной социальной организации и управления группой, существование групповых ценностей [2, с. 43]. Обязательным условием создания сообщества является коммуникация, диалог, поэтому раскрыть специфику сообщества можно через анализ его дискурса.

В современной гуманитаристике понятие «дискурс» является ведущим для понимания многих процессов. Т. А. Ван Дейк определил дискурс как существенную составляющую социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили. Дискурс рассматривается в рамках данного подхода не только как коммуникативное пространство, но как форма социального действия [3]. Дискурс (М. Фуко) – это определенный тип высказывания, присущей группе (социальной, политической), в нашем случае профессиональной. Это понятие стало центральным звеном концепции дискурсивной тройки, суть которой состоит в том, что дискурсивная (делиберативная) демократия, дискурсивная экономика, дискурсивная этика (Юрген Хабермас) могут и должны существовать только вместе. Эта же мысль значительно раньше была высказана Джоном Дьюи: «До тех пор, пока «великое общество» не превратится в великое сообщество, общественность будет находиться в состоянии затмения. Создать же великое сообщество способна только коммуникация» [4, с. 152]. Таким образом, профессиональное сообщество можно охарактеризовать через дискурс, но и оформление сообщества происходит только в дискурсивном пространстве.

Н. М. Федорова указывает в своем исследовании на коммуникативное пространство как на один из факторов развития государственно-общественного управления образованием, а к показателям развития этого пространства она относит наличие в обществе широкой общественной дискуссии по вопросам образования [5].

С. Н. Плотникова определяет дискурсивное пространство «как некую логическую среду, в которой сосуществуют дискурсы и дискурсивные личности – люди, производящие эти дискурсы» [6, с. 154]. Для понимания особенностей формирования и проявления педагогического сообщества Западной Сибири в исследуемый период значимым для нас являются слова М. Фуко о том, что дискурс сообщества типичен для своего времени и отражает прерывистость времени и пространства. Специфичность дискурсивного пространства задает природно-географическая и социокультурная среда и то, что В. Л. Глазычевым было определено как “Дух Места”.

Кто же входил в педагогическое сообщество Западной Сибири и с какого времени можно считать процесс формирования сообщества завершенным? З. С. Ногомерзаева пишет, что «ряд исследователей относит к профессиональному педагогическому сообществу различные объединения педагогов, что, несомненно, не совсем верно» [7]. В нашей работе определено, что в состав педагогического сообщества в исследуемый период входили не только учителя, но и воспитанники педагогических учебных заведений, так как уже в период обучения воспитанники активно привлекались к педагогической и просветительской деятельности [8]. Создание педагогического образования повлияло на процесс оформления сообщества. Если, как писал историк школы С. Рождественский, до 1860 гг. в учителя «шли по нездоровью», то пореформенный учитель, имеющий специальную подготовку, постепенно получил общественное признание как профессионал. В регионе это произошло несколько позже. Н. Юрцовский отмечал, что 1870–1880-е гг. привели в сибирские учебные заведения новый профессиональный контингент, нацеленный на карьерный рост, постоянное самоусовершенствование. На формирование такого контингента повлияла государственная образовательная политика, проводимая еще в первой половине XIX века. Учителя всех типов учебных заведений стали входить в число государственных служащих, имевших льготы (отсрочки от армейской службы, от уплаты повинностей на все время педагогической деятельности) [9, с. 9]. Государство гарантировало всем служащим стабильную выплату жалованья и регулярное его повышение. Единство регионального педагогического сообщества поддерживали особые льготы за службу в Сибири (прогонные и подъемные деньги, дополнительные выплаты жалованья после каждого из первых двух пятилетий пребывания в указанном регионе, бесплатное обучение детей в местных школах) [10, с. 332].

Специфические черты дискурсивного пространства и, соответственно, формирование педагогического сообщества задавало географическое пространство Западной Сибири – территориальная протяженность региона и незначительное количество культурных центров (городов), низкая плотность населения. Так, по данным переписных кампаний 1897 и 1916 г., в Томской губернии приходилось на 1 версту 2,5 и 5,5 человека соответственно; в Тобольской губернии – 1,2 и 1,7; в Акмолинской области – 1,4 и 3,1; в Семипалатинской области – 1,5 и 2,18 человека [11]. Как показывают эти цифры, в результате проведения переселенческой политики плотность населения по отдельным регионам изменилась (особенно в Томской губернии и Акмолинской области), но для распространения новшеств и свободной коммуникации даже в наиболее населенных областях она была недостаточна. Наставники городских училищ

находились в более выгодном положении, но и в городах стремление к профессиональному общению также ощущалась. Составленные исследователями культурные хроники городской жизни подтверждают активное участие в коммуникациях педагогической общественности.

Дискурс это прежде всего печатное слово, поэтому о развитости дискурсивного пространства можно судить по средствам массовой информации. Периодическая печать дает возможность вычленив тематику, традиционные речевые обороты, характеризующие дискурс педагогического сообщества. В Западной Сибири значительный рост периодической печати происходит в начале XX века. По всей Сибири в 1904 г. выходило 31 наименование периодических изданий в 1906 – 115 [12]. Всего же, по данным исследователей, в 1900–1916 гг. в регионе в разное время издавалось 475 газет и журналов, из них 334 имели общественно-политическую направленность [12, с. 81, 82, 84–85]. Г. Н. Потанин писал о региональных изданиях: «Областная газета стремится быть органом интеллигенции края, а не печатной справкой торговых контор, она представляет собой общественное явление» [13, с. 317]. В газетах регулярно публиковались заметки о деятельности образовательных учреждений, проблемах образования и учительской корпорации. Вокруг редакций газет формировался штат авторов, среди которых наибольшую активность проявляли наставники начальных училищ. Проведенный сплошной просмотр газеты «Сибирская жизнь» за период 1887–1913 гг. показал, что большая часть статей в этом издании (как и в других региональных изданиях) посвящена сложному материальному положению народного учителя, трудностям общения с сельской администрацией.

Дискурсивное пространство региона формировали не только региональные, но и общероссийские издания. Просветительская направленность регионального педагогического сообщества детерминировалась сложившимся общественным представлением об особой миссии сибирского учительства. Эти идеи проводились через общероссийские издания. Фронтальный просмотр одного из самых популярных в России журналов «Русская школа» показал, что в исследуемый период в разделе «Хроника народного образования» регулярно публиковались заметки об акциях сибиряков (1890. № 8, 9; 1898 № 4, 7–8; 1900. № 4; 1902. № 4). Представители педагогической общественности подчеркивали значение региональных общественных организаций в распространении грамотности: «Надо отдать должное сибирской интеллигенции: она делает все, что может, для поднятия уровня просвещения народной массы в своем крае» [14].

Периодическая печать способствовала сплочению педагогического сообщества, она поддерживала и пропагандировала деятельность региональных общественных организаций. В газетах и журналах регулярно публиковали отчеты, заметки о мероприятиях и акциях учителей. Благодаря распространению подобной информации в сознание учительской общественности региона проникали идеи о необходимости консолидации. К концу XIX – началу XX века, когда в Европейской России уже был накоплен достаточный опыт общественно-педагогического движения, в Западной Сибири появились учительские организации, стали регулярно проводится совещания, съезды [15]. На протяжении первого десятилетия XX века число просветительских обществ в регионе возросло в 5 раз: если в 1887 г. действовало 8 обществ,

то в 1909 – уже 44 [16, с. 70]. Западносибирские общества стали самым мощным средством изменения социокультурного пространства региона, повлияв на увеличение количества образовательных учреждений и культурную жизнь городов и сел. Активная просветительская деятельность обществ способствовала усложнению дискурсивного пространства региона, так как вводила новые практики коммуникации через народные чтения, народные дома и университеты, библиотеки, музеи, выставки, народные школы и курсы.

Таким образом, педагогическое сообщество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв., с одной стороны, стало результатом развития дискурсивного пространства региона, а с другой стороны, способствовало его активному созданию, развитию и усложнению. В данный период происходит развитие сети учительских семинарий и институтов в регионе, увеличение численности педагогов всех ступеней образования. Оформление сообщества в форме различных общественных организаций также создавало почву для ускорения обмена информацией между членами педагогического сообщества, развивало новые дискурсивные практики, тем самым внося в региональное социокультурное пространство элементы дискурсивной этики как основы для дискурсивной демократии.

1. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. координатор академик РАН Г. В. Осипов. М. : Инфра-М-норма, 1998. 488 с.

2. *Миронов Б. Н.* Историк и социология. Л., 1984. 420 с.

3. *Нестерова И. А.* Коммуникативные дискурсы, их типы и структура // Образовательная энциклопедия ODiplom.ru. URL: <http://odiplom.ru/lab/kommunikativnye-diskursy-ih-tipy-i-struktura.html> (дата обращения: 15.02.2017).

4. *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы / пер. с англ. И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой. М. : Идея-Пресс, 2002. 160 с.

5. *Федорова Н. М.* Становление государственно-общественного управления школьным образованием России: монография. СПб. : Изд-во «Лемма», 2010. 265 с.

6. *Плотникова С. Н.* Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // *Magister Dixit*. 2011. № 2. С. 152–158.

7. *Ногомерзаева З. С.* Педагогические сообщества как фактор стимулирования педагогов к инновационной профессиональной деятельности // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2015. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-soobshchestva-kak-faktor-stimulirovaniya-pedagogov-k-innovatsionnoy-professionalnoy-deyatelnosti-retsenzirovana> (дата обращения: 24.05.2016).

8. *Чуркина Н. И.* Педагогическое образование как фактор социокультурного развития Западной Сибири : монография. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2010. 222 с.

9. Сборник узаконений и правительственных распоряжений, касающихся домашних наставников, наставниц, учителей и учительниц. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. 53 с.

10. Свод законов Российской империи / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост.: Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. Изд. неофиц. СПб. : [Б. и.], 1912. Т. 3. Свод уставов о службе гражданской. 417 с.
11. *Блинова О. В.* Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х –1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 312 с.
12. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века февраль 1917 г.): Указатель газет и журналов / сост. И. Г. Мосина, Е. Н. Косых. Томск : Изд-во ТГУ, 1991. 550 с.
13. *Потанин Г. Н.* От Новочеркасска до Казани // Первый шаг. Казань. 1876. С. 287–335.
14. *Абрамов Я. В.* Хроника народного образования // Русская школа. 1898. № 506. С. 286–289.
15. Проект съезда деятелей народного образования в Сибири // Образование. 1902. № 7–8. С. 58–59.
16. *Порхунов Г. А.* Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.). Омск : Изд-во ОмГПУ, 1993. 190 с.

УДК 94(571.1) (574) «1916/1920»

А. А. Штырбул

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ БАГАНЛИНСКОМ ХАНСТВЕ (1916–1919 гг.)

Статья является основой авторского доклада на Второй Международной научной конференции «Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII–XX вв.» и посвящена эпопее так называемого Баганлинского ханства (1916–1919 гг.) – одной из наиболее знаменательных и загадочных страниц истории Казахстана периодов Национального народного восстания 1916 г. против царизма в Средней Азии и Казахской степи, двух Российских революций и Гражданской войны.

Ключевые слова: региональная история в контексте истории России, Степной край, национально-освободительное движение, общественная самоорганизация.

А. А. Shtyrbul

TO THE QUESTION ABOUT OF THE WHAT IS KNOWN AS BAGANLINSKY KHANSTVO (1916–1919)

This scientific article is being base of the author's paper for the Second International Scientific Conference "Asian Russia in the Imperial projects and practices of XVII–XX century" and is devoted to the epic of the what is known as Baganlinsky Khanstvo (1916–1919) – one of most important and enigmatic part of the Kazakhstan's history of

the periods of the National liberation and the people's movement and insurrection against of tsarism in the Central Asia and Kazakh's Steppe, and in the period of the two Russian Revolutions and the Civil War.

Keywords: Regional history in context of the Russian history, Steppe region, National liberation movement, social self-organization.

«Баганлинское ханство» – одно из самых загадочных и при этом до сих пор практически не изученных государственных образований бескрайних просторов Внутренней Азии периода исторических потрясений первой четверти XX в. Возникшее в вихре бурных исторических событий и затерявшееся на краю света, оно даже для необъятной Внутренней Азии являлось географической и политической глухоманью.

Первым, кто обратился к истории Баганлинского рода и, отчасти, мятежного Баганлинского ханства, был революционный деятель и писатель Сабыр Шарипов, который в 1923 г. в партийном журнале «Кызыл Казахстан» разместил литературно-этнографический очерк «В Баганлинском роду», а в следующем году в журнале «Советская Киргизия» опубликовал очерковую повесть «Баганлинцы». О «Баганлинском ханстве» упоминается в исследованиях Е. Утебаева, Р. С. Буктугутовой, А. В. Сушко. События, связанные с «Баганлинским ханством», нашли отражение в документальной повести К. Алтайского и М. Каратаева «Гудок в степи» (Алма-Ата, 1961).

В настоящей статье мы попытались обозначить основные контуры, этапы и события истории этого государственного (или паразитического?) образования.

* * *

Летом 1916 г. на обширной территории российской Внутренней Азии вспыхнуло стихийное массовое выступление узбеков, казахов, киргизов, туркменов, а также некоторой части таджиков, каракалпаков, дунган, уйгуров, алтайцев, направленное против царского колониального режима, военного призыва на тыловые работы и, в известной мере, против местной феодально-байской знати. В совокупности всех своих очагов и форм оно стало не только крупнейшим национально-освободительным движением за всю историю царской России, но и заметным событием в борьбе поработенных народов всей колониальной системы империализма. Недовольство копилось годами, но непосредственным толчком к волнениям и восстанию стал царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации на военно-тыловые работы коренного мужского населения (по закону в русской армии не служившего) в возрасте от 19 до 43 лет. В течение июля движение охватило Самаркандскую, Ферганскую, Сырдарьинскую, Закаспийскую, Семиреченскую, Тургайскую, Уральскую, Семипалатинскую и Акмолинскую (Омскую) области. В границах территории, охваченной волнениями, проживало более 10 млн жителей, относящихся в основном к «туземному» населению [1, с. 8].

На территории проживания казахского населения волнения в тех или иных формах происходили повсеместно, но районами их наибольшей интенсивности явились Семиреченская и Тургайская области, где события переросли в серьезные восстания и затяжную вооруженную борьбу. В ряде других казахских районов тоже вспыхнули восстания (центральная часть Акмолинской, юго-восток Семипалатинской, восточная

часть Сырдарьинской областей), но их размах, интенсивность и ожесточенность были несколько меньшими [2, с. 531]. Как следствие, эти события несколько меньше привлекали внимание историков. Две из охваченных волнениями областей – Акмолинская и Семипалатинская – входили в Степное генерал-губернаторство, или Степной край. Уникальным событиям, начавшимся в 1916 г. и продолжавшимся до конца 1919 г. на крайнем юго-западе Акмолинской области, до сих пор малоисследованным, и посвящена предлагаемая статья.

* * *

Начавшаяся мировая война обострила многочисленные социально-экономические проблемы и неизбежно ударила по благосостоянию почти всего населения Российской империи, в том числе и по жителям «Киргизской» (Казахской) степи. Но главный удар, как оказалось, был еще впереди. Им стал указ императора Николая II от 25 июня 1916 г. о призыве «инородческого» кочевого, полукочевого и земледельческого населения на тыловые работы [1, с. 25]. Указ касался не только Туркестана и «Киргизской» степи, под его действие также попадали коренные жители Северного Кавказа, Прикаспия, части Сибири, но в силу ряда причин именно в Туркестане, Степном крае и других областях российской Внутренней Азии произошел гигантский протестный взрыв, переросший в крупнейшее в истории Российской империи национально-освободительное восстание. Это восстание «явилось закономерным итогом игнорирования копившихся проблем» [3, с. 17].

30 июня 1916 г. генерал-губернатор Степного края официально объявил подведомственному казахскому населению о царской мобилизации на тыловые работы. Согласно объявлению, «приему в ближайшую очередь подлежали киргизы, родившиеся между 1897–1885 годами, т. е. в возрасте от 19 до 31 года» [1, с. 26; 4, с. 163]. Реакция степного населения последовала уже через несколько дней. Характерно, что первыми с протестом выступили казахи из числа наемных рабочих. В конце июня рабочие-казахи Спасского завода, Успенского рудника и Карагандинских копей бросили работу и ушли в глубь степных просторов [4, с. 163]. Их влияние вскоре в определенной мере сказалось на степном скотоводческом населении, ропот и недовольство которого начались сразу же по получении известий об указе и вскоре вылились в открытые выступления с применением насилия против представителей власти. К взрыву подтолкнуло и то, что местная туземная администрация, допущенная к составлению списков призывников, стала производить многочисленные злоупотребления корыстного характера, за взятки освобождая от призыва богатых и перелагая всю тяжесть призыва на бедняков [1, с. 504, 505].

11–13 июля 1916 г. в урочище Бормолы (Акмолинский уезд) возмущенные казахи избili пристава и писаря, которые производили приемку лошадей для царской армии. По сведениям, поступившим в канцелярию Омского генерал-губернатора, в середине июля в Акмолинском уезде казахская молодежь собиралась в степи большими группами, вооружалась пиками, топорами и открыто заявляла, что «окажет сопротивление и на работу не пойдет». 14 июля в Байдавлетской волости Акмолинского уезда беднота обезоружила урядника. В эти же дни на урочище Боровое Кокчетавского уезда Акмолинской области в ходе беспорядков был убит пристав Иванюшкин [1, с. 511, 512, 515–516, 519, 542; 4, с. 165, 166, 167]. Данное убийство стало началом акмолинского

уездного восстания, одного из самых серьезных в Степном крае. Вслед за Акмолинским уездом начались волнения и в Атбасарском уезде Акмолинской области.

К концу июля разрозненные повстанцы Акмолинского и Атбасарского уездов стали постепенно концентрироваться в районе Кургальджинских озер и в Ерейменских (Еременских) горах, на северном стыке Акмолинского и Атбасарского уездов. Сюда же стали прибывать отдельные отряды из Петропавловского, Кокчетавского и Омского уездов [1, с. 518–519, 529; 4, с. 166, 167, 168].

Почти одновременно начались волнения трудового казахского населения в Семипалатинской области. 14 июля они вспыхнули в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах, при этом был убит волостной управитель. 25 июля в Семипалатинском уезде повстанцы напали на стражника и оказали сопротивление карательному отряду. 27 июня в Кувской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области толпа крестьян-казахов захватила посемейные списки и не дала волостному управителю уехать в город, куда ее вызывало начальство по делам мобилизации на тыловые работы. В Таинтинской волости Усть-Каменогорского уезда 31 июля около 3000 повстанцев атаковали карательный отряд [4, с. 166, 168–169]. В довершение этого волнения казахов в Усть-Каменогорском уезде слились с таковыми в сопредельных местностях юга Томской губернии (Степной Алтай) и с выступлениями алтайцев («ойротов») [5, с. 89–90]. И это было только начало.

К антиправительственным волнениям и вооруженному выступлению жителей Средней Азии и Казахской степи, в том числе части казахского населения Степного края, привел целый ряд причин, которые в основном лежали вне сферы межнациональных отношений, а носили социально-экономические и политические причины. Волнения и вооруженные выступления были вызваны прежде всего колониальным гнетом властей и полуфеодальным гнетом местной казахской знати, а также чрезвычайной бедностью, усилившейся из-за войны и, наконец, указом императора о призыве «туземного» населения на военно-строительные работы, сыгравшим роль детонатора взрыва. Антирусские настроения, если и имели место среди причин восстания, носили ограниченный и далеко не определяющий характер.

Несмотря на принятые властями меры (сочетавшие политику «кнута и пряника») и проправительственные призывы лидеров казахского национально-либерального движения, сопротивление трудового казахского населения в Степном крае нарастало. К августу 1916 г. в обширной Акмолинской области (между прочим, по размерам превосходящей территорию Германии [1, с. 505]) сложилось два основных уездных очага восстания: Акмолинской и Атбасарский. Оба образовались и располагались в основном на стыке северной и центральной частей области. Уступая по размерам и интенсивности крупнейшим очагам в Семиреченской и Тургайской областях, они, тем не менее, привлекли к себе значительные силы из Омска и Омского военного округа.

* * *

В августе 1916 г., после ряда боестолкновений, начали откочевку на юг Атбасарского уезда, в глухой и труднодоступный район, несколько тысяч казахов рода Баганлы (Баганалы) и других примкнувших к ним групп повстанцев [1, с. 532–533, 680–681, 738].

Перемещаясь из северной части Атбасарского уезда в южном направлении и постоянно отбиваясь от карателей, повстанцы из рода Баганлы со своими семьями и скарбом, попутно увлекая за собою некоторых жителей других мест и родов, в течение августа-сентября ушли далеко на юг, в труднодоступные и довольно засушливые места, расположенные примерно в 200-х км южнее Джезказгана, Карсакпая и Байконура, в район нижнего течения рек Сарысу (Сары-Су) и Чу, где было несколько озер.

Эти места были многим из повстанцев знакомы: сюда из северных и центральных местностей Атбасарского уезда ежегодно откочевывали на зимовку многие семьи из рода Баганлы. Вот как описывают эту глухую местность, опираясь на работы С. Шарипова, авторы документальной повести «Гудок в степи».

«От Ак-Мечети, переименованной в Перовск, в сторону Карсакпая тянулась вереница озер, в которых терялась степная речка Сары-Су – желтая вода. // Теликуль – это два озера, обрамленные камышами. Не только овцы и козы, но и громадные верблюды – аоркамыс, попав в камыши, становились невидимыми глазу. Верблюды могут пастись там круглый год. // Здесь залегали кстау – зимовки кочевых казахов из поколения Найман, принадлежавшие к Баганлинскому роду, который, в свою очередь, разветвлялся на три подрода: Сары-Саргалдак, Кожас и Актаз. Занимали они здесь тринадцать волостей, но постепенно рассеивались, и многие переселялись в другие уезды. // Как только весеннее солнце сгоняло снега, и степи покрывались зеленым травяным покровом, жители этих мест покидали зимовки и двигались к Улу-Тау, – где была когда-то ставка хана Аблая, и его белое знамя над ханской юртой свидетельствовало, что это место – центр всего Казахстана. // Роды кочевали медленно, со всем скотом, с юртами, с надеждами на счастье. // Остатки вешних вод определяли кратковременные места стоянок. Скот поедая сочную вкусную траву в два-три дня, и снова разбирались, грузились на верблюды юрты. Аулы снимались с места и двигались дальше. // Летние жаркие месяцы аулы проводили на джайляу, а с середины августа возвращались обратно к камышам Теленкуля, на обжитые привычные зимовки» [6, с. 149]. Однако на этот раз было решено до лучших времен обосноваться именно здесь, и с окончанием зимовки по возможности не откочевывать далеко на север.

Здесь и сложилось осенью 1916 г. самопровозглашенное «Баганлинское ханство» с населением около 40 тысяч жителей из 11 волостей [7, с. 30].

* * *

К концу октября – началу ноября 1916 г. основные очаги восстания в обеих областях Степного края были подавлены, хотя отдельные небольшие остаточные отряды повстанцев продолжали действовать здесь и в ноябре 1916 – феврале 1917 гг. На фоне этого Баганлинский очаг неповиновения выглядел несколько особо, представляя собой своеобразный «освобожденный район», пока что недоступный властям. Кроме того, он являлся местом, куда могли стекаться уцелевшие остатки разгромленных повстанцев севера и центра Степного края.

Властям было известно о баганлинцах, и они попытались принять меры против непокорных. Карательный отряд войскового старшины Иванова с боями преследовал отступавших вплоть до конца октября 1916 г., нанес им серию поражений и совершил

по пути ряд расправ, но, выступив из Джебказгана далее на юг и едва не достигнув пределов «Баганлинского ханства», вынужден был вскоре повернуть обратно из-за крайней измотанности личного состава и бескормицы [1, с. 680–681; 8. Л. 180–181об.; 9. Л. 243–243об.; 10, с. 332–336]; возможно, Иванов и власти предполагали с наступлением весны 1917 г. повторить поход.

Таким образом, карательные войска в конце 1916 – начале 1917 г. так и не смогли взять под контроль юг Атбасарского уезда, где данное ханство обосновалось. Эта территория, наряду с серьезным повстанческим анклавом в Тургайской области (там тоже было провозглашено ханство) и некоторыми другими, небольшими остаточными очагами восстания в разных концах обширной Казахской степи, так и осталась непокоренной, и в таком качестве встретила весть о Февральской революции и о свержении царизма.

* * *

В условиях новой, демократической и революционной России 1917 г. ханство продолжало существовать: новым российским центральным и провинциальным властям было пока что не до него. Повстанцы же, не имея достаточного политического опыта и кругозора, при выборе формы политической власти и общественной самоорганизации, с самого начала обратились к привычному и понятному для всех институту ханства. Это, кстати, имело место не только на юге Атбасарского уезда, но и в некоторых других повстанческих очагах 1916 – начала 1917 г.: Карабутацком, Тургайском, Иргизском и некоторых других уездах. Во главе этих крошечных и, как правило, кратковременных «государств» встали ханы, имевшие своих визирей и духовных советников. В одних «ханствах» власть была в руках представителей народных масс, другими правили потомки чингизидов, биев (степных судий), духовная знать [7, с. 29–30].

«Баганлинское ханство», в отличие от некоторых подобных очаговых гособразований, возникших в ходе восстания в разных концах российской Внутренней Азии, оказалось сравнительно долговременным (существовало более трех лет), относительно крупным и не носило, по крайней мере сначала, ярко выраженного феодально-байского, клерикального или подобного характера, а являлось, скорее, относительно эгалитарным полукочевым вождеством, основанном на традиционных общинно-племенных, а также исламских нормах (в частности, по некоторым данным, «хан» здесь мог быть переизбран [11]). Имелись и некоторые реакционные черты, которые то возрастали, то минимизировались в зависимости от развития внутренних противоречий и изменения внешних условий.

Внутренняя политика и внешнеполитический курс «ханства» отнюдь не были просты и однозначны. Почти вся властная элита ханства являлась выходцами из степной аристократии, высшего духовенства, зажиточных слоев. Большую часть времени существования «ханства» его возглавлял представитель султанского рода Хасен Сандыбаев. В ближайшее окружение хана, в частности, входили известный религиозный фанатик Ахмет Оразаев-Шейх-уль-Ислам и его сын Мустафа Оразаев. Визирями являлись баи Мырзамсеит Бабуров, Жалпак Сардыбаев, Утжан Коржин, Каражигит Суинбаев. Вооруженными силами «ханства» распоряжались сардары (военачальники)

Арстанбек Камбаров, Казбек Алдамкулов, Жолдас Толеков и Досан Тенбаев. Но в элиту «ханства» также входили прогрессивно и даже революционно настроенные люди, наиболее известный из которых – Хасан Бекхожин, визирь иностранных дел, который являлся сторонником Советской власти и состоял в просоветской Киргизской [Казахской] социалистической партии «Уш-жуз» [7, с. 31–32]. В ханстве в установленном порядке собирались налоги и существовали вооруженные силы: «гвардия» или дружина хана («сарбазы») и народное ополчение.

После Февральской революции 1917 г. «Баганлинское ханство», которое объективно оказалось в одном ряду с победителями царизма, продолжало существовать практически автономно. Временному правительству и его администрации в Акмолинской (Омской) области по причинам свалившихся на них сложных государственных задач, было пока не до «Баганлинского ханства».

* * *

«Первая» Советская власть, существовавшая в Западной Сибири и на большей части Степного края в конце 1917 – начале 1918 г., попыталась установить с «Баганлинским ханством» союзнические отношения. Пользуясь племенным и, как следствие, определенным политическим соперничеством с контрреволюционной «Алаш-ордой», она старалась вовлечь данную территорию в орбиту советизации, пусть и слабой, даже для начала формальной. Для этого были привлечены отдельные приверженцы «Уш-жуз» во главе с Х. Бекхожиным, которые имели на территории «ханства» родо-племенные связи и личный авторитет.

Хасан Бекхожин (1859–1921) многие годы был толмачом в администрации Атбасарского уезда. В 1906 г. он был уволен с работы приказом губернатора Лосьевского за революционную агитацию. После Февральской революции 1917 г. Х. Бекхожин включается в активную революционную работу. Являлся депутатом и активным деятелем Акмолинского (Омского) областного Совета [7, с. 31–32].

По некоторым данным, в конце 1917 или начале 1918 г. Х. Бекхожин был даже якобы избран ханом [11] (или, с согласия местной знати, «исполнял обязанности» хана в связи с советскими веяниями?). Несомненно, что в это время (как, впрочем, и позднее) уш-жузовцы имели в «Баганлинском ханстве» определенное влияние, а местная знать, учитывая это влияние, а также общеполитическую обстановку в России, Сибири и Акмолинской области конца 1917 – первой половины 1918 г., вынуждена была прислушиваться к уш-жузовцам.

* * *

После падения Советской власти в Западной Сибири и Степном крае (июнь 1918 г.) партия «Уш-жуз» была белогвардейцами объявлена «органом большевистской власти» со всеми вытекающими из этого последствиями. Многие деятели и сторонники «Уш-жуз» оказались в тюрьмах (К. Тогусов, Н. Кульжанов, Ш. Альжанов, К. Исхаков и др.) [12, с. 201–202]. В этих условиях отдельные уш-жузовцы и коммунисты сумели скрыться в «Баганлинском ханстве» и в некоторой мере повлияли в новых условиях на его антиправительственную позицию, хотя и весьма сдержанную: отношение ханства

к Временному сибирскому правительству в Омске и к «Алаш-орде» можно охарактеризовать как недружественный нейтралитет.

После чехо-белогвардейского переворота в начале лета 1918 г. Х. Бекхожин, преследуемый алаш-ордынцами и белогвардейцами, укрылся в «Баганлинском ханстве». В 1918–1919 гг. он занимал здесь должность визиря иностранных дел, и все это время проводил просоветскую линию на сближение «ханства» с революционными силами. Контактировавший с ним в это время большевистский деятель С. Шарипов позднее специально докладывал руководителям Турккомиссии В. Куйбышеву и Ш. Элиаве о заслугах Х. Бекхожина перед Советской властью [7, с. 32].

В то время как казахские уездные съезды Акмолинской и Семипалатинской областей один за другим выражали «единодушную» поддержку Временному сибирскому правительству и «Алаш-орде» [13; 14]. «Баганлинское ханство» не без влияния местных деятелей и приверженцев партии «Уш-жуз» продолжало занимать позицию, умеренно враждебную к новой власти. Фактически «Баганлинское ханство» политически противостояло «Алаш-орде» и «Алашской автономии», хотя и пассивно; к тому же оно оказалось одной из немногих территорий Казахской степи, не торопившихся признать и поддержать власть Временного Сибирского правительства. Однако даже такая нейтральная и, в общем-то, выжидательная позиция означала в тех условиях фактическое неподчинение, т. е. мятеж, поэтому Временное Сибирское правительство, вспомнив, вероятно, опыт осени 1916 г., попыталось принять меры к приведению «Баганлинского ханства» в повиновение.

В начале августа 1918 г. меры были приняты, но вновь оказались безуспешными. 12 августа 1918 г. Атбасарский уездный комиссар Временному сибирскому правительству телеграфировал Омскому областному комиссару, что казахское население оказало сопротивление белогвардейскому отряду, посланному в Степь с целью ареста «зачинщиков киргиз, не признающих власти». В результате столкновения карателей с казахским населением отряд белых вынужден был бежать, потеряв много убитыми [15, с. 75].

В конце 1918 г., уже в условиях диктатуры А. В. Колчака, в славянских селах на севере Атбасарского уезда, а также среди казахов, усилились случаи неповиновения властям, и началось партизанское движение. Нарастающее неповиновение вылилось в двадцатых числах апреля 1919 г. в Атбасарское (Мариинское) восстание в северной части уезда (в 400 км юго-западнее Омска, продолжалось до середины мая), на подавление которого были брошены значительные силы белых, и властям стало совсем не до самопровозглашенного ханства на крайнем юге уезда, почти «на краю света».

Относительной устойчивости «Баганлинского ханства» в это непростое время способствовало не только его далекое и труднодоступное расположение от основных центров белогвардейской власти, но и довольно близкое соседство (фактически, сопредельное положение) с северной окраиной Туркестанской советской республики, на год отрезанной от Советской России, до предела уменьшившейся, но все же выстоявшей. К югу от ханства располагался Перовский участок Сырдарьинской области, а город Перовск (Ак-Мечеть, а ныне – Кызыл-Орда) находился на расстоянии около 100 км к юго-западу от южных пределов ханства. И хотя большую часть этого

расстояния составляла степная и пустынная местность, сам Перовск являлся важным транспортным и торговым центром: речным портом на Сырдарье и железнодорожной станцией.

Сначала отношения между «Баганлинским ханством» и советским Перовском были натянутые и даже враждебные [7, с. 32–33], но затем под влиянием обстоятельств («враг моего врага – мой друг») и усилий Перовского Совета ситуация нормализовалась.

Между «Баганлинским ханством» и советским Перовском, испытывавшим продовольственные затруднения, караванными тропами завязались торговые отношения: из ханства в Перовск на продажу шел скот и даже зерно, а взамен – некоторые товары [7, с. 32–33] и, возможно, оружие и боеприпасы, что делало независимое положение «ханства» относительно колчаковского правительства и «Алаш-орды» еще более устойчивым.

Большую роль в установлении торговых и «государственных» связей между Советским Туркестаном и «Баганлинским ханством» сыграли некоторые уш-жузовцы и коммунисты. Среди последних – С. Шарыпов, который, скрываясь от белых, некоторое время жил в «Баганлинском ханстве», затем караванными тропами ушел в Советский Туркестан, после чего вновь неоднократно появлялся в «ханстве», устанавливая связи с местной властью, ведя революционную работу и используя территорию ханства для проникновения во внутренние районы Казахстана [7, с. 33, 35–37].

Кроме того, через территорию, контролируемую баганлинцами, издавна проходил длинный караванный путь, который начинался в районе Петропавловска, шел через Кокчетав и Атбасар, затем восточнее Перовска, и заканчивался он в Ташкенте, поэтому не исключено, что «Баганлинское ханство» имело связь со столицей Советского Туркестана (Ташкент находился на расстоянии не менее 400 км. юго-восточнее южных пределов «ханства»).

При этом часть элиты «Баганлинского ханства» во главе с ханом, ведя свою политическую игру, считали ханство грозной силой и мечтали под своей эгидой объединить не только казахов, но и всех мусульман сопредельных регионов. Конечно, это было плодом фантазии небольшого привилегированного круга людей, далеких от понимания масштабных политических событий в России и Казахстане [7, с. 32]. Но даже и такая, фактически реакционная позиция элиты ханства противостояла диктатуре А. В. Колчака и проколчаковскому правительству «Алаш-орды», что объективно было на руку революционным силам.

Любопытную информацию о политических буднях «Баганлинского ханства» на рубеже 1918 / 1919 гг. находим в проколчаковской газете омских «кадетов» «Сибирская речь». В статье «Киргизское ханство», в частности, сообщалось, что из Атбасара недавно прибыл в Омск служащий Атбасарского уездного земства, который подтвердил данные о существовании на крайнем юге уезда данного ханства и привел некоторые небезынтересные подробности: «Недавно два русских офицера, проезжая это ханство, видели самого хана и даже вынуждены были взять от него пропуска. Они видели также, что имеются несколько десятков “джигитов” (киргизы сами их называют “сарбазами”, т [о] е [сть] войско или армия), находящихся под властью хана» [11].

Таким образом, «Баганлинское ханство» автономно и почти независимо, в режиме «освобожденного района» или же, выражаясь современными терминами, в статусе «самопровозглашенного государства», просуществовало в условиях нескольких сменившихся в России и Сибири властей более трех лет, вплоть до декабря 1919 г., т. е. до изгнания колчаковцев и установления в центральной и восточной части Казахской степи «второй» Советской власти.

* * *

В декабре 1919 г. комиссия во главе с С. Шариповым, имевшим большой опыт в межнациональных отношениях и хорошо знавшим местные условия, сумела относительно мягко и безболезненно упразднить «Баганлинское ханство» и провести работу по советизации данного района [7, с. 32, 40, 41, 45].

Подобную гибкую политику в советизации кочевого и полукочевого населения проводили, начиная с 1919 г., коммунисты Советского Туркестана, а также коммунисты и их союзники – левые младохивинцы и левые младобухарцы в Хорезмской и Бухарской народных советских республиках в 1920–1924 гг. Так, учитывая прочность и живучесть родо-племенной организации в туркменских районах Хорезма, на первых порах создавались не аульные, а родовые Советы (шуро). В них входило, как правило, несколько аулов. Организация родовых шуро была вынужденной, временной мерой, так как на том этапе они представляли собой наиболее близкую и понятную трудящимся-кочевникам и полукочевникам форму низовой советской организации [16, с. 172].

Постепенно, после ряда этапов и мероприятий, на территории бывшего «Баганлинского ханства» в начале 1920-х гг. была установлена Советская власть уже в общепринятом виде. В 1924 г. С. Шарипов с гордостью писал, что в результате советских преобразований баганлинцы «махнули рукой на свои дедовские адаты, смело пошли по новой дороге, ведущей к счастью» (цит. по: [7, с. 45]).

Героическая и уникальная эпопея так называемого Баганлинского ханства в 1916–1919 гг. – весьма своеобразная, по-восточному специфичная, но, без сомнения, славная и героическая страница в истории революционной борьбы трудящихся Казахстана за установление справедливого общества.

1. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане : сб. док. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 794 с.

2. А[нсон] А. Восстание казаков (киргиз) в 1916 [г.] // Сибирская Советская энциклопедия: в 4 т. [Новосибирск]: Сибкрайиздат, 1929. Т. I. С. 531–532.

3. Белоконь И. В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А. Н. Куропаткина : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012. 22 с.

4. Восстание 1916 года в Казахстане. (Документы и материалы) / Под ред. Б. С. Сулейменова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1947. 213 с.

5. Зиновьев В. П., Карих Е. В. Этнический аспект общественного движения в Сибири и на Дальнем Востоке накануне революции 1917 г. // Исторический ежегодник.

Спец. вып. [К 50-летию А. П. Толочко]. Общественное движение в Сибири в начале XX века. Омск : Изд-во ОмГУ, 1997. С. 86–91.

6. *Алтайский К., Каратаев М.* Гудок в степи: [документальная повесть]. Алма-Ата : Казгосиздат, 1961. 431 с.

7. *Утебаев Е.* Сабыр Шарипов. Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1972. 80 с.

8. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 153. Л. 181–181об.

9. ГИАОО. Ф. 54. Оп. 2. Д. 21. Л. 243–243об.

10. *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.). Алма-Ата: Изд-во «Наука КазССР», 1966. 375 с.

11. Сибирская речь (Омск). 1919. 4 (17) января.

12. *Демидов В. А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. Новосибирск: Изд-во «Наука»: Сиб. отд-ние, 1978. 367 с.

13. Заря (Омск). 1918. 4 июля.

14. Заря (Омск). 1918. 18 августа.

15. Гражданская война в Казахстане: Летопись событий. Алма-Ата : Изд-во «Наука КазССР», 1974. 392 с.

16. *Куприкова Е. Н.* Советское строительство в туркменских районах Хорезма // 50 лет Хорезмской народной советской революции. (Материалы объединенной научной сессии. г. Хива – г. Ургенч. 3–4 декабря 1970 г.). Ташкент : Изд-во «ФАН», 1972. С. 171–176.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Дмитрий Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, первый проректор АНО ВО «Российская академия предпринимательства», г. Королёв

Волжанина Елена Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень

Годовова Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Дутчак Елена Ерофеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета

Ермекбай Жарас Акишевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова, Астана, Республика Казахстан

Ерохина Елена Анатольевна – доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН; Новосибирский государственный университет экономики и управления («НИИХ»)

Запорожченко Галина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, сектор «Музей СО РАН», Новосибирск

Избасарова Гульбану Болатовна – кандидат исторических наук, доцент, докторант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Карсакова Гульмира Болатовна – магистр истории, докторант Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова, Кокшетау, Республика Казахстан

Качин Николай Андреевич – аспирант кафедры отечественной истории, младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета

Ковальская Светлана Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Котович Лидия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, музей Железнодорожного района, филиал МКУК «Музей города Новосибирска»

Кротт Иван Иванович – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории Омского государственного педагогического университета

Кузьмин Александр Александрович – кандидат экономических наук, зав. кафедрой экономических наук «МГУТУ имени К. Г. Разумовского» филиал в Омске

Левочкина Наталья Алексеевна – кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омского государственного педагогического университета

Метель Ольга Вадимовна – кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского

Оспанова Алма Асылхановна – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета

Пяткова Светлана Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета

Рахимбекова Ажар Кабдуловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Сердюк Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры историко-культурного наследия и туризма Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул

Токмуrzaев Бакыт Салманович – кандидат исторических наук, заместитель начальника учебно-методического управления, университета «Сырдария», г. Жетысай, Республика Казахстан

Толкачёва Анастасия Геннадьевна – студентка 3-го курса Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета

Фризен Дмитрий Яковлевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета

Чуркин Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета

Чуркина Наталья Ивановна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Омского государственного педагогического университета

Штырбул Анатолий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Васильев Д. В. Народный суд кочевого и оседлого населения Туркестанского края в контексте аккультурации.....	5
Волжанина Е. А. Участие коренных народов Севера в работе Ямальской североуростроительной экспедиции в 1934–1936 гг.	14
Годовова Е. В. Оренбургское казачье войско и казахская степь: особенности взаимоотношений во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.	21
Дутчак Е. Е., Качин Н. А. Сибирский университет как «храм науки»: иеротопический проект В. М. Флоринского.....	25
Ермекбай Ж. А. Западная Сибирь и Казахский край в XIX начале XX в.: организация имперской власти.....	34
Ерохина Е. А. Интеграция vs ориентализация: Сибирь как межэтническое сообщество в геополитических проекциях областничества.....	41
Запорожченко Г. М. Потребительская кооперация в контексте глобальных задач имперской политики начала XX века.....	47
Избасарова Г. Б. Понятие аманатства в кочевом обществе казахов и влияние политики Российской империи на трансформацию данного института в XVIII веке.....	54
Карсакова Г. Б. К вопросу о крестьянских выступлениях в Акмолинской губернии в 1921–1923 гг.	61
Ковальская С. И. Взаимоотношения «центра» и «периферии» в условиях этноконфессиональной гетерогенности имперского пространства.....	69
Котович Л. В. Указ 9 ноября 1906 года – «великая и последняя надежда...»: крестьянские корреспонденты журнала «Сибирская деревня» об общинном землепользовании....	76
Кротт И. И. Использование наемного труда в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX – XX вв.	80
Кузьмин А. А. Земледельческое переселение в Сибирь: эволюция институциональной среды.....	93
Левочкина Н. А. Бренды в системе продвижения и развития территории.....	99

Метель О. В.	
Из истории Коммунистического университета Сибири (по материалам исторического архива Омской области).....	109
Оспанова А. А.	
Адрес-календарь как источник при изучении кадрового потенциала Оренбургской губернской канцелярии в пореформенный период	116
Пяткова С. Г.	
Формирование представлений об истории политической ссылки в Сибирь XIX века на страницах журнала «Русская старина»	123
Рахимбекова А. К.	
Из опыта обустройства и практики повседневной жизни крестьян-переселенцев: вторая половина XIX века (на примере Туркестанского края)	130
Сердюк В. А.	
Динамика численности железнодорожниц на железных дорогах Азиатской России (1890-е – 1914 гг.)	139
Скопа В. А.	
Имперский подход к организации статистических учреждений в Степном крае в последней трети XIX века: проекты и практики.....	148
Токмурзаев Б. С.	
Переселенцы и коренное население Степного края в аграрной колонизации второй половины XIX – начала XX века: содержание и характер взаимоотношений	155
Толкачёва А. Г.	
Официальная периодика Томска о праздновании 300-летия присоединения Сибири к России.....	166
Фризен Д. Я.	
Хозяйство казахов западного Казахстана в системе аграрной политики России (конец XIX – начало XX вв.)	172
Харусь О. А.	
Переселенческий вопрос в общественно-политических практиках либералов Сибири в начале XX века	182
Чуркин М. К.	
Азиатская Россия в колониальном дискурсе и практиках второй половины XIX – начала XX вв.: между проектом «большой русской нации» и идеей культурно-региональной идентичности	189
Чуркина Н. И.	
Педагогическое сообщество в дискурсивном пространстве Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.)	199
Штырбул А. А.	
К вопросу о так называемом Баганлинском ханстве (1916–1919 гг.).....	204
Сведения об авторах	215

CONTENT

Preface	3
Vasilyev D. V. People’s court of nomadic and settled population of Turkestan region in the context of acculturation.....	5
Volzhanina E. A. The participation of Northern native peoples in the northern Iamal territorial registration expedition of 1934–1936	14
Godovova E. V. Orenburg cossack host and kazakh steppe: peculiarities of relationships in the second half of the XVIII – the first half of the XIXth centuries	21
Dutchak E. E., Kachin N. A. Siberian University as a «Temple of Science»: V. M. Florinsky’s ierotopical project	25
Yermekbay J. A. Western Siberia and the Kazakh district in XIX – early XX century: the organization of imperial power.....	34
Erokhina E. A. Integration of vs orientation: Siberia as an interethnic community in geopolitical projections of oblastnichestvo	41
Zaporozhchenko G. M. Consumer cooperation in the context of global challenges the Imperial policy of the early XX century	47
Izbassarova G. B. The concept of amanatstvo in kazakhs’ nomadic society and influence of the Russian empire policy on the transformation of this institute in the XVIII century	54
G. B. Karsakova To the question about peasant performances in the Akmola province in 1921–1923	61
S. I. Kovalskaya The relationship between the “center” and “periphery” in the conditions of ethno-confessional heterogeneity of the imperial space	69
L.W.Kotovich The decree of 9 november 1906, the “great and last hope...”: The peasant correspondent of the magazine “Siberian village” (sv) on the community land.....	76
I. I. Krott The use of hired labor in entrepreneurial farms in western Siberia in the late nineteenth and twentieth centuries	80
A. A. Kuzmin Agricultural resettlement in Siberia: evolution of the institutional environment.....	93
N. A. Levochkina Brands in the system of promotion and development of the territory	99

O. V. Metel	
About the history of Communist university of Siberia (by the materials of the historical archive of the Omsk region)	109
A. A. Ospanova	
Address-calendar as a source when studying the human resources of the Orenburg province chancellery in the post-reform period	116
S. G. Pyatkova	
Formation of ideas about the history of political exile to Siberia of the XIX century on the pages of the magazine "Russian antiquities"	123
A. K. Rakhimbekova	
From the experience of arrangement and practice of every day life of peasants-settlers: second half of the 19th century (based on Turkestan region)	130
V. A. Serdyuk	
Dynamics of railway women numbers in the railways of Asiatic Russia (1890s–1914)....	139
V. A. Skopa	
The imperial approach to the organization of statistical institutions in the Steppe krai in the last third of the XIX century: projects and practices	148
B. S. Tokmurzayev	
Migration and indigenous population of the steppe region in the agrarian colonization of the second half of the XIX – the beginning of the XX century: content and nature of the relationships	155
A. G. Tolkacheva	
The official periodical press of Tomsk about the celebration of 300-years of Siberia	166
D.Y. Frizen	
The economy of Kazakhs the western Kazakhstan in system agrarian policy of Russia (end XIX – early XX centuries).....	172
O. A. Kharus	
Resettlement issue in socio-political practices of the Siberian liberals at the beginning of the 20th century	182
M. K. Churkin	
Asian Russia in the colonial discourse and the practice of the second half of the XIX – the start of XX vv: between the project of the «big Russian nation» and the ideas of cultural and regional identity	189
N. I. Churkina	
Pedagogical community in the discursive space of Western Siberia (second half of XIX – beginning of XX centuries).....	199
A. A. Shtyrbul	
To the question about of the what is known as Baganlinsky khanstvo (1916–1919)	204
About the Authors	215

Научное издание

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СИБИРИ

Сборник научных статей

Выпуск 13

Редактор *Г. Н. Орлов*
Технический редактор *Е. А. Балова*

Подписано в печать 25.10.2017. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 27,75. Уч.-изд. л. 19,8.
Тираж 70 экз. Заказ Б-258

Издательство ОмГПУ.
Отпечатано в типографии ОмГПУ,
Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс: +7 (3812) 23-57-93